

ISSN: 2542-212X

Электронный журнал

Кавказология

Caucasology

IV

2019

Электронный журнал

Кавказология

Caucasology

№ 4 / 2019

DOI: 10.31143/2542-212X-2019-4

*Свидетельство о
регистрации*

Эл № ФС77-59844
от 17 ноября 2014

ISSN

2542-212X

Периодичность

4 раза в год

Учредитель/Издатель

Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Кабардино-Балкарский
государственный университет
им. Х.М. Бербекова»

Е-mail редакции

caucasology.kbsu@gmail.com

URL-адрес издания

<http://www.kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/>

Редакционный совет

Альтудов Юрий Камбулатович, профессор, ректор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Барахоева Нина Мустафаевна, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.

Берсиров Батырбий Махмудович, директор Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева, Майкоп, Россия.

Горбунов Александр Павлович, ректор Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.

Грусман Владимир Моисеевич, директор Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Гапуров Шахрудин Айдиевич, президент Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Россия.

Дердугьян Георгий Матвеевич, профессор Нью-Йоркского университета Абу-Даби, США.

Дмитриев Владимир Александрович, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Дюмон Жерар Франсуа, географ, экономист и демограф, профессор, преподаватель Университета Париж-Сорбонна, Париж, Франция.

Ивахненко Евгений Николаевич, ректор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Москва, Россия.

Ильин Владимир Иванович, профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Карамурзов Барасби Сулейманович, президент Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Левитская Алина Афаковна, ректор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

Магомедов Магомед Ибрагимович, директор Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Махачкала, Россия.

Мусукаев Александр Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, Нальчик, Россия.

Мюльфрид Флориан, доктор наук, Йена, Германия.

Рябов Андрей Виленович, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», Москва, Россия.

Томеллари Витторио Спрингфилд, профессор департамента славянской филологии университета г. Мачерата, Марчета, Италия.

Узденов Таусолтан Аубекирович, ректор Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Editorial Council

Altudov Yuri Kambulatovich, Professor, Rector, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Nina Mustafaevna Barakhoeva, Director, Ingush Institute for the Researches in Humanities, Magas, Russia.

Bersirov Batyrbiy Mahmudovich, Director, Adyghe Republic's Institute for Humanitarian Studies, Maikop, Russia.

Gorbunov Alexandr Pavlovich, Rector, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Grusman Vladimir Moiseevich, Director, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Gapurov Shahrudin Aidievich, President, Academy of Sciences of Chechen Republic, Groznyi, Russia.

Derluguian Georgi, Professor, New York University Abu Dhabi, UAE, USA.

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, Leading Researcher, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Dumont Gerard Francois, geographer, economist and demographer, Professor of Paris-Sorbonne University, Paris, France.

Ivakhnenko Evgeny Nikolaevich, Rector, Russian State University for the Humanities (RGGU), Moscow, Russia.

Ilyin Vladimir Ivanovich, Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Karamurzov Barasbi Suleymanovich, President, Kabardinj-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Levitskaja Alina Afakoevna, Rector, The North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Magomedov Magomed Ibragimovich, Director, Institute of Language, Literature and Art, Makhachkala, Russia.

Musukaev Alexander Ibragimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nalchik, Russia.

Mühlfried Florian, PhD, Jena, Germany.

Ryabov Andrey Vilenovich, Editor-in-chief, World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

Tomellery Vittorio Springfield, Professor, University of Macerata, Macerata, Italy.

Uzdenov Tausoltan Aubekirovich, Rector, Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia.

Главный редактор

Боров Аслан Хажисмелович

Редакционная коллегия

Кажаров А.Г. (заместитель главного редактора),
Азикова Ю.М. (ответственный секретарь),
Аккиева С.И., Аствацатурова М.А., Баразбиев М.И.,
Бауаев К.К., Бгажноков Б.Х., Берберов Б.А.,
Бозиева Н.Б., Борова А.Р., Бугай Н.Ф., Бухуров М.Ф.,
Геграев Х.К., Гутов А.М., Дзамихов К.Ф.,
Иванова С.Ю., Канукова З.В., Кочесоков Р.Х.,
Кудаева З.Ж., Кузьминов П.А., Кучукова З.А.,
Мамсиров Х.Б., Муратова Е.Г., Мусукаева А.Х.,
Нальчикова Е.А., Прасолов Д.Н., Сабанчиев Х.-М.А.,
Тамазов М.С., Текуева М.А., Тенов Т.З., Тимижев Х.Т.,
Тхагапсоев Х.Г., Узнародов Д.И., Узнародов И.М.

Editor-in-Chief

Borov Aslan Hazhismelovich

Editorial board

Kazharov A.G. (Deputy Editor-in-Chief),
Azikova Yu.M. (Executive Secretary),
Akkieva S.I., Astvatsaturova M.A., Barazbiev M.I.,
Bauaev K.K., Bgazhnokov B.Kh., Berberov B.A.,
Bozieva N.B., Borova A.R., Bugay N.F., Buhurov M.F.,
Gegraev Kh.K., Gutov A.M., Dzamihov K.F.,
Ivanova S.Yu., Kanukova Z.V., Kochesokov R.Kh.,
Kudayeva Z.Z., Kuzminov P.A., Kuchukova Z.A.,
Mamsirov Kh.B., Muratova E.G., Musukaeva A.Kh.,
Nalchikova E.A., Prasolov D.N., Sabadchiev Kh.-M.A.,
Tamazov M.S., Tekueva M.A., Tenov T.Z.,
Timizhev Kh.T., Thagapsoev Kh.G., Uznarodov D.I.,
Uznarodov I.M.

СОДЕРЖАНИЕ***ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ*****Средневековая и новая история****Кожев З.А.**Битва на Малке (1641 г.): классический пример феодальной войны **12-25****Озова Ф.А.**Ш.Б. Ногмов о судебной системе традиционного черкесского общества **26-36****Абазов А.Х.**Главное управление и Совет Наместника Кавказского (1858): предпосылки образования, структура и объем полномочий **37-48*****Гипотезы, дискуссионные проблемы*****Хотко С.Х.**Степной фронт в черкесской истории: к постановке проблемы **49-62****Новейшая история****Тхамокова И.Х.**Ленинский учебный городок и модернизация культуры кабардинцев и балкарцев **63-75****Атласкиров А.Р.**Состояние исторического сознания населения Кабардино-Балкарской Республики в оценках экспертного сообщества региона **76-91****Этнография, этнология, антропология****Соблирова З.Х., Хоконев М.А., Журтова А.А.**Этнографический анализ социокультурного содержания института взаимопомощи кабардинцев и балкарцев **92-111*****ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА И ЭТНОПОЛИТИКА*****Тумов А.А., Татаров А.А., Машуков Х.В.**Кабардино-Балкария в 2014-2019 годах: в поисках решения старых проблем **112-127**

Шогенов М.З., Хоконов А.А.

Шеринг-экономика, доверие и политическое участие в современном информационном обществе: по материалам социологического исследования **128-152**

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА

Гутова Л.А.

Сватовство и женитьба у адыгов в зеркале фольклора **153-165**

Кудаева З.Ж.

О мифопоэтической семантике одного поэтического образа в лирике Алима Кешокова **166-174**

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

Барзбиев М.И., Мурзаханов Ю.И.

Евреи Терской области по данным Всероссийской переписи населения Российской империи 1897 года **175-184**

Наши авторы

185-186

CONTENTS

HISTORY, ETHNOLOGY AND ARCHAEOLOGY

Medieval and modern history

Kozhev Z.A.

The Battle of Malka (1641): A Classic Example of Feudal War **12-25**

Ozova F.A.

Sh.B. Nogmov on the Judicial System of Traditional Circassian Society **26-36**

Abazov A.H.

Chief Office and Council of the Caucasian Viceroy (1858): background of formation, structure and scope of their powers **37-48**

Hypotheses, debatable issues

Khotko S.Kh.

The Steppe Frontier in the Circassian History: To Statement of the Problem **49-62**

Contemporary history

Tkhamokova I.H.

The Lenin's School Campus and the Modernization of Kabardian and Balkar Culture **63-75**

Atlaskirov A.R.

State of Historical Consciousness of the Population of Kabardin-Balkarian Republic in the Assessments of the Regional Expert Community **76-91**

Ethnography, Ethnology, Anthropology

Soblirova Z.H., Hokonov M.A., Zhurtova A.A.

Ethnographic Analysis of the Socio-Cultural Content of the Mutual Assistance Practices of the Kabardians and Balkars **92-111**

POLITICAL REGIONALISTICS AND ETHNOPOLITICS

Tumov A.A., Tatarov A.A., Mashukov Kh.V.

Kabardin-Balkaria in 2014-2019: In the Quest for Solutions to Old Problems **112-127**

Shogenov M.Z., Khokonov A.A.

Sharing Economy, Trust and Political Participation in Modern Information Society: Based On Sociological Survey Materials **128-152**

FOLKLORE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE CAUCASUS

Gutova L.A.

Matchmaking and Marriage of the Circassians in the Mirror of Folklore **153-165**

Kudaeva Z.Zh.

On the Mythic-Poetic Semantics of One Poetic Image in Alim Keshokov's Lyrics **166-174**

ESSAYS, NOTES, REVIEWS

Barazbiev M.I., Murzakhanov Yu.I.

Jews of the Terek Region According to the All-Russia Census of Population of the Russian Empire of 1897 **175-184**

Our authors

185-186

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Средневековая и новая история**

УДК 94(470.64).04

DOI 10.31143/2542-212X-2019-4-12-25

**БИТВА НА МАЛКЕ (1641 г.): КЛАССИЧЕСКИЙ ПРИМЕР
ФЕОДАЛЬНОЙ ВОЙНЫ****З.А. КОЖЕВ**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр Российской академии наук»
360000, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: zaurbek_k@mail.ru*

Аннотация. В истории Кабарды XVII в. битва на Малке 12 июля 1641 г. является знаковым событием. Ее политическое значение связано с междоусобной борьбой внутри княжеского дома Идаровых – одного из самых влиятельных, активных и амбициозных за всю историю Кабарды, в которую оказались вовлечены главы практически всех кабардинских феодальных уделов и их основные союзники. За право наследования выморочного имущества столкнулись патронимии Камбулатовичей и Сунчалеевичей. В конфликт оказались втянуты не только все Иналиды Кабарды, но и русское правительство, улусы Большой и Малой Ногайской Орды, феодальные владения Дагестана. Благодаря наличию богатой источниковой базы, в том числе подробных отчетов о самом сражении, написанных со слов его непосредственных участников, мы имеем возможность определить основные параметры битвы на Малке. Это дата и место сражения, количественные и качественные характеристики военных сил противоборствующих сторон, ход боя, особенности черкесской военной стратегии и тактики феодальной эпохи. Битва на Малке – это финальный этап длительного внутривполитического кризиса в Кабарде, одно из крупнейших событий ее военной истории. Она является символическим концом эпохи Идаровых и относительного политического единства Кабарды.

Ключевые слова: Битва на Малке; Кабарда; феодальная война; Идаровы; Келемет Куденетов; Алегуко Шогенуков.

**THE BATTLE OF MALKA (1641): A CLASSIC EXAMPLE OF FEUDAL
WAR****Z.A. KOZHEV**

*Institute for Humanitarian Research – a branch of the Federal
State Budget Scientific Institution «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific
Center of the Russian Academy of Sciences»*

360000, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Pushkin st., 18

E-mail: zaurbek_k@mail.ru

Abstract. In the history of Kabarda of the XVII century the battle on the Malka on the 12-th of July, 1641 is a significant event. Its political significance is connected with an internecine struggle inside of the princely house of the Idarovs – one of the most influential, active and ambitious houses in the history of Kabarda, wherein were involved the heads of almost all Kabardian feudal destinies and their main allies. For the right to inherit escheat property, struggled the patronyms of the Kambulatovichs and the Sunchaleevichs. Into this conflict were drawn not only all Inalids of Kabarda, but also the Russian government, the uluses of the Big and Small Nogai Hordes, and the feudal possessions of Dagestan. Due to the rich source base, including detailed reports about the battle itself, narrated by its direct participants, we are able to determine the main parameters of the battle at Malka. This is the date and place of the battle, quantitative and qualitative characteristics of the military forces of the warring parties, the course of the battle, the features of the Circassian military strategy and tactic of the feudal era. The Battle on the Malka is the final stage of a long internal political crisis in the Kabarda, one of the largest events in its military history. It is the symbolic end of the Idarov's era and of the relative political unity of Kabarda.

Keywords: Battle of Malka; Kabarda; feudal war; Idarovs; Kelemet Kudenetov; Aleguko Shogenukov.

В истории феодальной Кабарды найдется не много событий сопоставимых по значимости с битвой на Малке 12 июля 1641 г. Это событие выделяется своим масштабом, значением для дальнейшего развития княжества и, что немаловажно, хорошей источниковой базой, что позволяет избрать его в качестве яркой иллюстрации политических процессов, протекавших в Кабарде в эпоху позднего средневековья и на заре нового времени. К сожалению, историография битвы на Малке обширна не настолько, насколько заслуживает это событие [Кожев 2018a]. Многие знаковые работы ранней черкесской историографии и даже обобщающие работы по истории Кабарды и Северного Кавказа либо обходят молчанием это событие, либо упоминают его с грубыми хронологическими погрешностями [Ногмов 1994; Кудашев 1991; История Кабардино-Балкарской ... 1967: 125; История народов ... 1988]. В новейших работах по черкесской историографии битва на Малке занимает заметное место, появилось несколько специальных статей, посвященных ей [Мальбахов, Эльмесов: 292-305; Мальбахов, Дзамихов: 151-152; Дзамихов 2001: 112-113; Дзамихов 2007: 54-63; Карданов 2001: 111-112; Бгажноков 2005: 71; Озова 2010; Кожев 2006: 193; Кожев 2018a]. В научный оборот введены новые, ранее малодоступные архивные источники [Дзамихов 2007: 204-216]. Предыстория этого события, его политический контекст известны нам благодаря корпусу давно опубликованных русских архивных источников [КРО 1957a]. Правительство первого царя из династии Романовых – Михаила Федоровича (1613-1645) и его представители на Северном Кавказе в лице астраханского и терского воевод, служилых людей, были действующими лицами этого драматического сюжета из истории Кабарды. Переписка кабардинских князей, царских воевод с центральным правительством, родословные росписи Иналидов Кабарды содержат самую подробную информацию по заявленной теме [КРО 1957a; Налоева 2015]. Описанию собственно военного столкновения

– битве между двумя феодальными армиями на берегу Малки 12 июля 1641 г. посвящены две подробные отписки высших представителей царской администрации в регионе (терского воеводы С.И. Шаховского, астраханского воеводы Н.И. Одоевского), а также челобитная княгини Бабасупх Алкасовны, матери погибшего в сражении Келемета Куденетова из рода Идаровых [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Ед.хр. 12. Л. 149-153, 155-159; КРО 1957а: 203-205]. Эти документы составлены по горячим следам событий со слов его непосредственных участников. Они содержат некоторые разночтения, но в целом, совпадают в главных деталях.

Гораздо более сложна реконструкция предыстории конфликта. Её подробный разбор невозможен в рамках данной статьи. Однако краткое вступление к событиям 1641 г. необходимо, чтобы понять их суть и значение. Кабарда позднего средневековья и нового времени была обществом классической феодальной культуры. Политический класс – *пиш-уорки*, представляли собой сложно организованную иерархическую систему, возглавляемую княжеской династией Иналидов. Формационные особенности феодального уклада создавали объективные условия для внутривнутриполитических конфликтов, острого соперничества княжеских семей. Одна из черкесских историко-героических песен формулирует этос привилегированного класса Кабарды, да и всей Черкесии ёмко и выразительно: «*Пицы гуцэхэр зэмыныкъуэкъумэ уэркъэхэм я жагъуэц!*» («Когда князья не соперничают, уорки [дворяне] не довольны»). История феодальных войн Черкесии не оригинальна и повторяет все типологические черты междоусобных конфликтов средневекового общества. Как Каролинги, Рюриковичи, Чингизиды, черкесские Иналиды соперничали за верховную власть и лидерство, и дело тут не в их личной неуживчивости, а в социальной организации феодального общества. Но особенностью внутривнутриполитической жизни Кабарды, по меньшей мере с середины XVI в. было то, что княжество находилось в сложном внешнеполитическом окружении. Османская империя и его вассал – Крымское ханство, Русское государство и Сефевидский Иран как крупные геополитические акторы, соперничающие за влияние на Северном Кавказе, создавали дополнительные стимулы для конфронтационной активности черкесских, ногайских, дагестанских владетелей. В обмен на реальную или формальную лояльность по отношению к великим державам, они могли надеяться на серьезную внешнеполитическую поддержку во внутренних междоусобных конфликтах. Так князья Идаровы, начиная со своего самого знаменитого представителя – *пишышуэ* Кабарды Кемиргоко, традиционно делали ставку на тесные династические, политические и военные связи с Москвой в целях подавления внутривнутриполитических соперников и усиления собственных позиций [Кожев 2018b]. Впрочем, они были в этом не одиноки. Во второй половине XVI – нач. XVII вв. практически все княжеские дома Кабарды в большей или меньшей степени пытались использовать ресурсы русского государства в собственных интересах. Умножение числа княжеских домов, усложнение их семейных связей, взаимных счетов, наряду с диаметрально противоположными внешнеполитическими предпочтениями, создавали

мозаику той своеобразной «Игры престолов» регионального масштаба, в которой непросто найти генеральную тенденцию исторического процесса [Кожев 2006].

Тем не менее сюжет, связанный с битвой на Малке 1641 г., предельно конкретен. В 1635 г. в Кабарде, в результате нападения Айдемира-мурзы, в будущем Шамхала Казикумухского и одного из активных участников событий июля 1641 г., погиб последний представитель рода Идаровых линии Темрюковичей (правильно Кемиргоковичей) – Клыч Саусланов [КРО 1957а: 161, 384-385]. Сразу же встал вопрос о наследстве – феодальном владении из одиннадцати селений с мобилизационным ресурсом в 250 дворян-уорков [КРО 1957а: 385]. Основными претендентами на наследство выступили две княжеские семьи Идаровых. Во-первых, потомство Желегота Идарова, его правнуки, правители небольшого вассального Москове княжества в низовьях Терека, возникшего под защитой основной русской военной базы на Северном Кавказе – крепости Терки. Это братья Будачей, Шолох и Алегуко Сунчалеевичи. Вторым претендентом выступил Келемет Куденетов – внук Камбулата Идарова и лидер всей патронимии Камбулатовых [КРО 1957а: 385]. Сунчалеевичи имели сильных союзников. Муцал был женат на сестре Алегуко Шогенукова – одного из лидеров Казиевой Кабарды, крупнейшего кабардинского удела – около 50 селений с мобилизационным ресурсом «узденей добрых с тысячу с лишком, конных, да черных людей с две тысячи с лишком» [Налоева 2015: 2; КРО 1957а: 386]. Алегуко Шогенуков и его двоюродный брат Хатокшоко Казиев, как соправители и лидеры сильнейшего феодального удела Кабарды имели тесные политические связи с Крымским ханством, Казыевым улусом Малого Ногай и проводили самостоятельную политику без оглядки на Москву [КРО 1957а: 144-146,151]. Келемет Куденетов был самым слабым даже из числа Идаровых, которые с начала XVII в. неуклонно теряли свои позиции в Кабарде. Его владение состояло всего из четырех селений, способных выставит 35 уорков [КРО 1957а: 385]. Зато он имел самых высоких покровителей в Москве и могущественных родственников на Северном Кавказе. В Москве находились его родной брат Яков Кудинетович Черкасский и двоюродный брат Иван Борисович Черкасский [КРО 1957а: 385]. Последний к тому же был двоюродным братом по матери – Марфе Никитичне Романовой, царю Михаилу Федоровичу (1613-1645) и до своей смерти в 1642 г. являлся одной из ключевых фигур русского правительства [Дзамихов 2007: 95]. Кроме того, Келемет Кудинетов был сыном Бабасупх Алкасовны – родной сестры Мудара Алкасова – верховного князя Джиляхстаня, одного из влиятельных кабардинских княжеств [КРО 1957а: 385]. Еще одним племянником Мудара Алкасова и следовательно двоюродным братом Келемета Куденетова, был уже упоминавшийся Айдемир-шамхал – правитель крупнейшего на Северном Кавказе государственного образования – Шамхальства, включавшего примерно половину феодальных владений и горных обществ Дагестана [КРО 1957а: 385].

Спор за право наследства над большей половиной Идарея столкнул две княжеские семьи, которые с конца XVI в. на протяжении многих десятилетий

проявляли максимальную лояльность Москве. Но выбор центрального правительства в этом имущественном и внутривластном конфликте в пользу Келемета Куденетова заставил Сунчалеевичей выступить против решения своего сюзерена. В апреле 1639 г. союзники Сунчалеевичей, Алегуко Шогенуков и Хатокшоко Казиев разгромили владения Келемета Кудинетова, его союзника Нартшао Елбузлукова (линидж Биту Идарова) и даже захватили в плен его мать и двух сестер [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Ед.хр. 12. Л. 124-129; КРО 1957а: 198-199]. Будачей и Муцал за неповиновение, тайную переписку с шахским правительством Ирана были обвинены в государственной измене и сосланы с Терека в Россию, но их младший брат Алегуко ушел в Кабарду и возглавил спорные владения Идарея [Дзамихов 2007: 61; КРО 1957а: 385]. Лидеры Казиевой Кабарды обратились напрямую к правительству Михаила Федоровича с обоснованием своей позиции по спорному вопросу. В грамоте, посланной царю от их лица, помимо ссылок на право Дмитрия Мамстрюковича Черкасского – единственного живого представителя линиджа Кемиргоковчей распорядиться спорным владением Идаровых в Кабарде, содержалась прямая угроза в случае безоговорочной поддержки Келемета и Ильдара Куденетовых перейти на сторону «мусульманскому государю», т.е. крымскому хану [КРО 1957а: 181-183]. Такой независимый тон в переговорах с русским правительством был признан последним неприемлемым и посол лидеров Казиевой Кабарды Биязруко Ахмаметев в сентябре 1640 г. был отпущен с ответной грамотой. В ней артикулировалась общая позиция русского правительства по отношению к Кабарде и его претензии верховного сюзерена и арбитра, имеющего право решающего голоса по всем спорным вопросам, а также конкретные обвинения всего клана Алегуки Шогенукова и Хатокшоко Казиева в нелояльности [КРО 1957а: 187-192]. С большим трудом мать и сестер Камбулата Куденетова удалось выволить из плена весной 1641 г. Для этого в Кабарду прислали «ратных людей» – около 3 тыс. ногайцев Большого Ногай во главе с князем Дмитрием Гочаковым, который, не доводя до крупномасштабного столкновения, успешно исполнил свою миссию. Освобождение пленных женщин и перевод подвластного Келемету Куденетову населения в Талостаней («Шолохову Кабарду») проблему не решил [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Ед.хр. 12. Л. 141-145; КРО 1957а: 198-199]. Спор за наследство и нежелание признавать решение русского правительства в пользу Келемета Куденетовича обострился настолько, что противная сторона прибегла к услугам наемных убийц. Бабасупх Алкасовна в челобитной царю Михаилу Федоровичу прямо обвиняла в этом другую черкесскую княгиню – мать братьев Сунчалеевичей Желегошу: «...Князь Сунчалеевская жена кнеиня Желегоша з детьми своими, с Олугук-мурзою Сунчалеевым ... наговорили племянника своего роднова Кафыр-Кумыцкого (т.е. Кази-Кумухского – К.З.) Чючелова-мурзу и послали в Казыеву Кабарду к Алегуке и Хотогжуке, а велели, государь, на сынишка моего Келмаметка закупить воровских людей, чтоб известь. И по ее, государь, умышленью, Алегук и Хотгжук и сын ее Алегук с тем Чючелов-мурзою закупили Малого Ногаю татарина Чинкирейка и прислали ево в нашу Кабарду и велели сынишка моего Келмаметка убить»

[Дзамихов 2007: 212]. Келемет избежал смерти, оказавшись в отъезде, но от рук убийц в середине мая 1641 г. погиб («убит обманом») его дядя Мудар Алкасов [КРО 1957а: 201]. Чуть позднее, 29 мая 1641 г., лидеры Казиевой Кабарды вместе с союзными ногайцами совершили нападение на владения Келемета Куденетовича, а также его союзника из числа Идаровых – Нартшао Елбузлукова (линидж Биту Идарова) [КРО 1957а: 197-198, 385]. Военные потери Идаровых составили около 30 дворян-уорков, а противники захватили многочисленный полон (более 270 человек) и богатую добычу – лошадей, скот и пр. [КРО 1957а: 197-198].

Эти события вывели конфликт на финальную стадию. Поминки, «...по своей вере по Мударе Алкасове плач», собрали всех родственников и союзников Келемета Куденетова. Он развил активную деятельность по мобилизации своих сторонников. К походу на Казиеву Кабарду и Малый Ногай были привлечены мурзы Большого Ногай Салтанаш Аксаков и Хорошай Чюбармаметев. Примечательно, что ещё в мае 1640 г. лидеры Казиевой Кабарды пытались дипломатическими мерами превратить ногайцев Большой Орды в союзников. Астраханские воеводы через своих информаторов зафиксировали приезд кабардинского посольства – Хатокшоко Казиева «...с племянником своим с Алегукиным сыном», в улус Салтанаша Аксакова с предложением «быть в миру», кочевать «под Кабардой» и обещанием защиты как от русских воевод из Астрахани, так и от османских сил из Азова [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Ед.хр. 12. Л. 130]. Предварительное соглашение было заключено: «И договор ... они, кабардинские мурзы, с кабардинскими черкасы, а его, Салтанаша, з братьею и улусных его людей от воинских астраханских ратных людей и от азовских казаков оберегати и стояти им, кабардинским черкасом вместе заодно, а ему, Солтанашу, кочевати с улусы своими под Кабардою. *И верился де с ними Салтанаш-мурза душею своею прямо* (курсив наш – К.З.)» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Ед.хр. 12. Л. 130-131]. Казалось бы этот договор отвечал интересам ногайцев улуса Салтанаш-мурзы Аксакова, которые кочевали на северных границах Кабарды по р. Калаус «...от Астрахани в осьми днищах, а от кабардинских черкас во днище» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Ед.хр. 12. Л. 132]. Но уже летом 1641 г. Салтанаш Аксаков охотно откликнулся на призыв Келемета Куденетова. Общие силы коалиции, мобилизованной двоюродными братьями Келеметом Куденетовым и Айдемир-шамхалом, в отписке астраханского воеводы Н.И.Одоевского оцениваются в 5200 человек. Из них 1200 воинов выставили ногайские мурзы Салтанаш Аксаков и Хорошай Чюбармаметев. Ядро союзной армии составляли 3500 черкесских и дагестанских воинов [Дзамихов 2007: 206-210]. Благодаря подробной росписи родословной «кабардинских князей и мурз», составленной незадолго до битвы на Малке, мы можем представить детально состав практически всех основных контингентов этого феодального ополчения. Главные заинтересованные лица и политические лидеры союзной коалиции могли выставить всего 105 человек – 35 уорков Келемета Куденетова и 70 уорков Нартшао Елбузлукова. Талостаней во главе с князьями Ильдаром и Келеметом Ибаковыми мог выставить 700 человек уоркской конницы [КРО

1957а: 385-386]. Мобилизационный ресурс, как и количество селений Джиляхстанея в росписи «кабардинских князей и мурз» не обозначены, но мы можем его определить оценочно по репрезентативным данным XVIII в. В 1744 г. Джиляхстаней состоял из двух княжеских и 13 уоркских селений [КРО 1957b: 115]. По оценкам родословной росписи в нач. 40-х годов XVII в. количество селений Казиевой Кабарды, Талостанея и Идарея составляла около 112 – соответственно 50, 40 и 22 феодальные вотчины-къяужэ. Превые две цифры несколько условны и представляют собой округленные данные. К 1744 г. общее количество собственно черкесских селений Большой Кабарды (бывшая Казиева Кабарда с поглощенным ею Идареем) и Талостанея составляло 117, т.е. очевидна поразительная стабильность внутренней демографической структуры княжества [КРО 1957b: 114-115]. Вряд ли Джиляхстаней был в этом отношении исключением и данные 1744 г. по общей численности селений в этом уделе можно признать репрезентативными для середины XVII в. Средний мобилизационный ресурс одной феодальной вотчины-къяужэ в Кабарде в этот период составлял примерно 20 профессиональных воинов-уорков [КРО 1957а: 384-386]. Следовательно, мы можем оценить мобилизационный ресурс Джиляхстанея к 1641 г. примерно в 300 человек во главе с князьями Казием Мударовым, Ахло Айтековым, Татарханом и Тонжеханом Араслановыми. То есть черкесская часть союзной армии состояла примерно из 1100 профессиональных воинов из четырех феодальных уделов Кабарды. Небольшую дружину привел Куденет Брагунский. Ее численность не могла быть большой. В 1635 г. Куденет Брагунский приезжал Терки с тремя сыновьями и 20 узденями для принятия шерти [КРО 1957а: 159]. Даже если предположить, что он прибыл в Терки далеко не со всеми своими личными вассалами, мобилизационный ресурс Брагунского владения, состоявшего из одного пусть и крупного селения не мог быть более 50 человек феодальной конницы. Следовательно, самый многочисленный контингент союзной армии – войско Айдемир-шамхала, двух его братьев и вассальных князей составлял не менее 2350 человек.

Кроме того, к этому войску Келемет Куденетов присоединил отряд русских служилых людей из Терок во главе со стрелецким головой Артемием Шишмаревым, которых ему выделили для охраны его владений. В своей отписке правительству с отчетом о сражении на Малке от 12 сентября 1641 г. терский воевода С.И. Шаховский оценивает численность контингента, выделенного Келемету Куденетову примерно в 300 человек: 100 конных стрельцов, 18 детей боярских, 193 окочан и новокрещенных горцев [КРО 1957а: 204]. В отписке с сообщением о битве на Малке, отправленной в Москву астраханским воеводой Н.И. Одоевским, дается другая цифра: «...Было твоих государевых терских ратных людей голова стрелецкой Ортемий Шишмарев с приказом да терские дети боярские *и терские и гребенские казаки человек с 500 и больши* (курсив наш – К.З.)» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Ед.хр. 12. Л. 151]. Терский воевода явно лукавил, преуменьшая численность русского служилого контингента и не упоминая об участии в битве на Малке достаточно крупного отряда гребенских и терских казаков – не менее 200 человек, которые

с формальной точки зрения, не были его непосредственными подчиненными, но вряд ли отправились к Келемету Куденетову по своей инициативе. С.И. Шаховский не мог не знать о планах Келемета Куденетова и, по-видимому, принял в их реализации самое активное участие, несмотря на отсутствие прямой санкции центрального правительства. Во всяком случае в письме *post factum* он оправдывает выделение русских служилых людей Келемету Куденетову более ранним царским указом: «И мы, холопы твои, приискав тое твою государеву грамоту вычли, а в ней написано. – Велено Кельмаметь и Илдар мурзам Куденетовичем Черкасским давать твоих государевых терских ратных людей, как им понадобится *для обереганья кабаков их* (курсив наш – К.З), человек по сту и по 200, смотря по тамошному делу, и быть у них в кабаках, покамест им надобно» [КРО 1957а: 204].

Маршрут движения войск коалиции союзников на Малку в документах не описан, но вариантов было всего два. Первый путь из Джиляхстаней через всю Кабарду, форсируя многоводные от летнего таяния ледников реки – Урух, Черек, Баксан и др., и рискуя подвергнуться атаке противника на переправах. Он наименее вероятный. Наиболее целесообразно было после сбора войск на Сунже переправиться через Терек, выше урочища Моздок у традиционной и хорошо известной по событиям XVIII в. переправы Черешта (Жерешты) и двигаться далее на запад, на основные владения Казиевой Кабарды в Пятигорье [КРО 1957b: 103, 114, 115]. Одним из преимуществ этого маршрута была безопасность переправы через Терек вдали от потенциального противника. Затем, при движении на запад, высокий берег Малки обеспечивал левый фланг союзной армии от неожиданных атак. Учитывая что первое столкновение «на реке Балке в горах» было с ногайцами Казыева улуса Малого Ногая, скорее всего был избран именно второй маршрут и место сражения – левый берег Малки в зоне перехода предгорий в альпийскую зону: «И как де, государь, они пришли под Кабарду, и в то же время кочевали казыевские мурзы Солтан-мурза князь Касаев сын Исламов з братьею и с улусными своими людьми под Кабардою в урочище Ить-Алмаса, и Келмамет-мурза де мурза Кудинетович послал в загон в урочище Ить-Алмас ратных русских людей и черкас ... *а сам де Келмамет-мурза з достальными ратными людьми остался назади. И твои де, государевы ратные люди казыевские улусы многие поимали и конские и животинные стада отогнали* (курсив наш – К.З.)» [Дзамихов 2007: 207]. Примечательно, что информаторы астраханского воеводы дают существенные разночтения по общему ходу боя. Один из участников событий – «Касай-мурза Казыев сын Байтереков», описывает битву на Малке как однодневное сражение [Дзамихов 2007: 207]. Предводитель же ногайцев Большой Орды, принимавших участие в сражении, Салтанаш Аксаков, напротив, дает картину растянутого по времени на два дня сражения: «И пришли де, государь, они на реку Балх, и с того урочища Ит-Алмас на казыевские улусы, и *многие Казыевские улусы многие поимали и побили*. А Келмамет де Куденетович и все мурзы и голова стрелецкий на реке Балху остались с небольшими людьми. А Казыевские де Солтан-мурза з братьею утекли в Кабарду к Алегуке-мурзе да к Отогужуке-мурзе, а они де в то время были в зборе. *И над другой, де государь, день Алегука*

и Атагожука с черкасы и казыевской Солтан-мурза з братьею и с улусными своими людьми пришли на Келмаметя безвестно (курсив наш – К.З.)» [Дзамихов 2007: 208]. В челобитной матери Келемета Куденетова Бабасупхи Алкасовны картина битвы на Малке также распадается на два этапа, но по времени укладывается в один день [Дзамихов 2007: 211-214]. Кроме того, она упоминает об одном характерном эпизоде, связанном с использованием противниками лазутчиков-шпионов. Мастером интриги вновь выступает мать братьев Сунчалеевичей Желегоша: «А как государь, сынишка мой пошел с ратными людьми, кнеиня Желегоша послала в той же рати узденя своего Иналучку Маленькова и приказала, государь, ему узнав какое безлюдное время учинит Алегук да Хотогжук мурзам да Алегук-мурзе Сунчалееву ведамо и Иналучко Маленький рассмотрев тово как *государевы ратные люди, побив Малой Ногай, разъехались по загонам* (курсив наш – К.З.), и он, государь, в то время отъехал к Олегук и х Хотогжук мурзам и к Олегук-мурзе князь Сунчалееву и учинил им ведамо, что ратные люди все в розезде. И по той, государь, ево весте Алегук и Хотогжук Казыевы и Алегук-мурза Сунчалеев сын с своими ратными людьми на сына моего и на твоих государевых ратных людей пришли и их побили и меня, рабу твою разорили да скончанья» [Дзамихов 2007: 213]. Судя по контексту всех сообщений в первой фазе сражения на Малке не было фронтального столкновения основных сил противоборствующих сторон. Месяц июль это время перегона скота в зону альпийских пастбищ и войска Келемета Куденетова били по самому уязвимому звену в обороне противника. Многочисленные стада лошадей и скота ногайцев и кабардинцев, перегоняемые на альпийские пастбища, было сложно надежно прикрыть. Авангард армии Келемета Куденетова, Айдемир-шамхала и их многочисленных союзников, сбил передовые посты Малого Ногай и увлекся грабежом – «*разъехались по загонам*». Очевидно, предводители Казиевой Кабарды были ожидали такого результата, а скорее всего, умело его срежиссировали. Когда армия Келемета Куденетовича и Айдемир-шамхала, дезорганизованная ожиданием легкой победы и грабежом потеряла порядок, Алегую Шогенуков, Хатокшоко Казиев, Алегую Сунчалеевич во главе ударного корпуса («тысячи с две и больши», как сообщают ногайские информаторы) зашли во фланг и тыл своего противника и неожиданно обрушились на него [Дзамихов 2007: 206-210]. Нам представляется, что сражение, судя по его характерным особенностям скоротечного кавалерийского столкновения с резкими переходами преимущества от одной стороны к другой, вопреки сообщению Салтанаша Аксакова, было растянутым во времени, но все же однодневным. В донесении С.И. Шаховского дано красочное описание финальной стадии битвы на Малке: «...Разорвали порознь, и ополчиться им не дали и притеснили их к крутому и глубокому яру между гор к реке к Балку ... А ратные ... государевы и кумыцкие и черкаские люди многие попадали сами с того крутого яру в Балк на конех и пеши и от великие высоты побилися» [КРО 1957а: 205].

Войско Казиевой Кабарды и Малого Ногай, численностью несколько более двух тысяч человек, должно было на три пятых состоять из черкесских

панцирников, которыми располагали Алегуко Шогенуков, Хатокшоко Казиев и Алегуко Сунчалеевич. Это более 1000 человек из Казиевой Кабарды, 250 – из спорных владений Идарея и отряд служилых терских узденей Муцала Сунчалеевича [КРО 1957а: 385-386]. Его численность мы можем определить примерно, по подворной описи населения терских слобод. В Терках проживало 59 семей «дворовых и задворных» узденей Муцала Сунчалеевича [КРО 1957а: 192-193]. Учитывая, что каждый двор выставлял как минимум одного воина, а по-меньшей мере половина уоркских семей могла выставить двух и более воинов, можно оценить численность «муцаловых узденей» в 90-100 человек, а общую численность черкесской панцирной кавалерии в войске Алегуко Шогенукова и Хатокшоко Казиева примерно в 1350 всадников. Соответственно численность ногайских воинов Солтан-мурзы Касаева из Малого Ногай в этом ударном конном войске, решившем исход сражения, видимо не превышала 800-900 воинов. Парадоксальным образом в битве на Малке столкнулись не только две ветви рода Идаровых. Даже личные вассалы и подданные Будадея и Муцала Сунчалеевичей оказались по разные стороны баррикад. Собственно черкесская часть вассалов Будадея и Муцала – «задворные и дворовые уздени», проживавшие в слободах под Терками, присоединились к войску Казиевой Кабарды и Алегуко Сунчалеевича. А терские «окоченя и новокрещенные», тоже вассалы и служилые люди Сунчалеевичей, в числе 193 человек по приказу терского воеводы были выделены Келемету Куденетовичу в качестве военной охраны и оказались вовлечены им в сражение против собственных сюзеренов [КРО 1957а: 204].

Победа Казиевой Кабарды и Малого Ногай была полной и безоговорочной. В сражении погибли Келемет Куденетов, Айдемир-шамхал, лидер Талостанея Ильдар Ибаков, командир русского отряда стрелецкий голова Артемий Шишмарев и многие другие знатные воины. В плен попало несколько уцелевших в бою и не успевших бежать предводителей – князя Джиляхстанея Татархан и Тонжехан Арслановы, Куденет Брагунский и др. [КРО 1957а: 205]. Используя слабые стороны своих противников, отсутствие единого командования и, как следствие, плохую организованность и дисциплину, очевидно слабое знание топографии театра боевых действий абсолютным большинством вражеских воинов, лидеры Казиевой Кабарды Алегуко Шогенуков и Хатокшоко Казиев продемонстрировали выдающиеся тактические способности в маневренной кавалерийской войне и одержали блестящую победу над более чем вдвое превосходящим по численности противником.

Подводя итоги исследования мы можем сделать ряд заключений.

Во внутривосполитических конфликтах княжеские семьи Кабарды проявляли типичный для феодального общества примат узколокальных, частных интересов над общими фамильными. Спор за выморочное наследство в данном случае сделал врагами две ветви рода Идаровых, толкнул одну из них на союз с традиционными и принципиальными соперниками – потомками Шогенуко и Кази Пшеапшоковых.

То же самое мы можем сказать о внешнеполитических предпочтениях. Даже устойчивыми многолетними лоялистскими отношениями с Москвой

легко жертвовали в угоду узкосемейного интереса, понимаемого в духе феодального местничества.

Основной, даже единственной боевой силой в феодальных войнах этой эпохи выступало профессиональное военное сословие пши-урков, формировавшее доспешное конное войско. Непривилегированные сословия к военным действиям не привлекались. Битва на Малке яркий пример этому. Будучи гораздо слабее численно, лидеры Казиевой Кабарды даже не попытались мобилизовать в войска т.н. «черных людей», которых в их владениях, а также в примкнувшей к ним части Идарея было более двух с половиной тысяч человек вполне боеспособной простой недоспешной конницы [КРОа: 384-386]. Общий же мобилизационный ресурс Казиевой Кабарды и Идарея (в будущем Большой Кабарды) в 60-х годах XVII в. оценивался в 10 тыс. человек конницы и пехоты [Челеби 1979: 86]. При этом в войнах *pro aris et focis* («за алтари и очаги») – с Крымским ханством, степными противниками, военные контингенты, набравшиеся среди «черного народа» широко привлекались и в XVII в., и гораздо позднее вплоть до Кавказской войны. Боеспособность черкесской панцирной кавалерии была так высока, что лидеры Казиевой Кабарды, имея небольшой численный перевес в этом роде войск над противником, не посчитали нужным компенсировать общую малочисленность своей армии за счет мобилизации представителей непривилегированных сословий.

Войска Айдемир-шамхала, которые также представляли собой контингенты постоянной готовности типологически сходные с черкесской феодальной конницей, не проявили высокой организованности, дисциплины и, как следствие, боеспособности. Оценки русскими военными специалистами XVIII в. сравнительных характеристик черкесских феодальных контингентов с дагестанскими, подтверждают существенное (кратное) превосходство первых в выучке и боеспособности [КРО 1957b: 42-43].

И наконец, ещё одной особенностью феодальных конфликтов и войн в Кабарде, на примере битвы на Малке и ее предыстории выступает весомая, если не сказать гипертрофированная, даже в сравнении с эмансипированной современностью, роль черкесских матрон в исторических событиях. Они выступают не миротворцами, а основными мотиваторами и действующими лицами политических интриг. Создается впечатление, что Сунчалеевичи и Куденетовы не могли прийти к согласию, пока не удовлетворят своё самолюбие их матери, эти «железные леди» черкесского средневековья – Желегоша и Бабасупх Алкасовна.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архив ИГИ КБНЦ РАН – *Архив Института гуманитарных исследований* – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

Бгажноков 2005 – *Бгажноков Б.Х.* О специфике и динамике военно-политического союза России и Кабарды (симмахия и ее асимметризм) // Исторический вестник. Вып. II. – Нальчик: КБИГИ, 2005. – С. 39-86.

- Дзамихов 2001 – *Дзамихов К.Ф.* Адыги в политике России на Кавказе. – Нальчик: Эль-Фа, 2001. – 410 с.
- Дзамихов 2007 – *Дзамихов К.Ф.* Кабарда и Россия в политической истории Кавказа XVI–XVII вв. – Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет, 2007. – 326 с.
- История Кабардино-Балкарской ... 1967 – *История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней в 2-х томах. Т.1.* – М.: Наука, 1967. – 480 с.
- История народов ... 1988 – *История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.* – М.: Наука, 1988. – 544 с.
- Карданов 2001 – *Карданов Ч.Э.* Путь к России. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 430 с.
- Кожев 2006 – *Кожев З.А.* Политическая история Черкесии (с нач. XV в. до 1763 г.) // Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. – С. 168-203.
- Кожев 2018а – *Кожев З.А.* Битва на Малке (1641 г.): историография и источники // Вестник КБИГИ. Нальчик – 2018. – № 3(38). – С. 32-37. DOI: <https://doi.org/10.31007/2306-5826-2018-3-38-32-37>
- Кожев 2018б – *Кожев З.А.* Сражение на р. Афипс (1570 г.): исторический контекст // Вестник науки АРИГИ. – 2018. – № 17(41). – С.106-114.
- КРО 1957а – *Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв.: Документы и материалы в 2-х томах. Т. 1.* – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1957. – 478 с.
- КРО 1957б – *Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв.: Документы и материалы в 2-х томах. Т. 2.* – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1957. – 424 с.
- Кудашев 1991 – *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 190 с.
- Кушева 1963 – *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1963. – 372 с.
- Мальбахов, Дзамихов 1996 – *Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф.* Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем, Крымским ханством (середина XVI-конец XVIII в.). – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 349 с.
- Мальбахов, Эльмесов 1994 – *Мальбахов Б., Эльмесов А.* Средневековая Кабарда. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 350 с.
- Налоева 2015 – *Налоева Е.Д.* Генеалогия кабардинских князей как исторический источник // Налоева Е.Д. Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-экономической истории / Сост. А.С. Мирзоев. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. – 371 с. (Приложение)
- Ногмов 1994 – *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 232 с.
- Озова 2010 – *Озова Ф.А.* Причины и последствия сражения на реке Малка 12 июля 1641 г. // Вестник КБИГИ. – 2010. – Вып. 17. – Ч. I. – С. 3-37.
- Челеби 1979 – *Челеби Эвлия.* Книга путешествия. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Вып.2. – М.: Наука, 1979. – 288 с.

REFERENCES

- Arkhir IGI KBNTs RAN* [Archive of the Institute for Humanitarian Research – a branch of the Federal State Budget Scientific Institution «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»].
- BGAZHNOKOV B.Kh. *O spetsifike i dinamike voenno-politicheskogo soyuza Rossii i Kabardy (simmakhiya i ee asimmetrizm)* [On the specifics and dynamics of the military-political union of Russia and Kabarda (symmarchy and its asymmetry)]. IN: *Istoricheskii vestnik*. – 2005. – Issue II. – P. 39-86. (In Russian)

CHELEBI EVLIYA. *Kniga puteshestviya. Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ya i Podon'ya. Vyp.2.* [Travel book. The lands of the North Caucasus, Volga and Don region. Issue 2]. – Moscow: Nauka, 1979. – 288 p. (In Russian)

DZAMIKHOV K.F. *Adygi v politike Rossii na Kavkaze* [Adyghe in the politics of Russia in the Caucasus]. – Nalchik: El'-Fa, 2001. – 410 p. (In Russian)

DZAMIKHOV K.F. *Kabarda i Rossiya v politicheskoi istorii Kavkaza XVI–XVII vv.* [Kabarda and Russia in the political history of the Caucasus of the 16th – 17th centuries]. – Nalchik: Kabardino-Balkarian State University, 2007. – 326 p. (In Russian)

Istoriya Kabardino-Balkarskoi ASSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei v 2-kh tomakh. T.1. [The history of the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic from ancient times to the present. In 2 volumes. Vol. 1]. – Moscow: Nauka, 1967. – 480 p. (In Russian)

Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v. [The history of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the XVIII century]. – Moscow: Nauka, 1988. – 544 p. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI-XVIII vv.: Dokumenty i materialy v 2-kh tomakh. T.1. [Kabardian-Russian relations in the XVI-XVIII centuries: Documents and materials in 2 volumes. Vol. 1]. – Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1957. – 478 p. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI-XVIII vv.: Dokumenty i materialy v 2-kh tomakh. T.2. [Kabardian-Russian relations in the XVI-XVIII centuries: Documents and materials in 2 volumes. Vol. 2]. – Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1957. – 424 p. (In Russian)

KARDANOV Ch.E. *Put' k Rossii* [The path to Russia]. – Nalchik: El'brus, 2001. – 430 p. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Bitva na Malke (1641 g.): istoriografiya i istochniki* [The Battle of Malka (1641): historiography and sources]. IN: *Vestnik KBIGI*. – 2018. – No 3 (38). – P. 32–37. DOI: <https://doi.org/10.31007/2306-5826-2018-3-38-32-37> (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Politicheskaya istoriya Cherkessii (s nach. XV v. do 1763 g)* [Political history of Circassia (from the beginning of the 15th century to 1763)]. IN: *Adygskaya, (cherkesskaya) entsiklopediya* [Adyghe (circassian) encyclopedia]. – Moscow: B.Kh. Akbashev foundation, 2006. – P. 168-203. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Srazhenie na r. Afips (1570 g.): istoricheskii kontekst* [The battle on the river Afips (1570): historical context]. IN: *Vestnik Nauki ARIGI*. – 2018. – No 17 (41) – P. 106-114. (In Russian)

KUDASHEV V.N. *Istoricheskie svedeniya o kabardinskom narode* [Historical information about the Kabardian people]. – Nalchik: El'brus, 1991. – 190 p. (In Russian)

KUSHEVA E.N. *Narody Severnogo Kavkaza i ikh svyazi s Rossiei (vtoraya polovina XVI – 30-e gody XVII veka)* [The peoples of the North Caucasus and their ties with Russia (second half of the XVI – 30s of the XVII century)]. – Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1963. – 372 p. (In Russian)

MAL'BAKHOV B., EL'MESOV A. *Srednevekovaya Kabarda* [Medieval Kabarda]. – Nalchik: El'brus, 1994. – 350 p. (In Russian)

MAL'BAKHOV B.K., DZAMIKHOV K.F. *Kabarda vo vzaimootnosheniyakh Rossii s Kavkazom, Povolzh'em, Krymskim khanstvom (seredina XVI-konets XVIII v.)* [Kabarda in relations between Russia and the Caucasus, the Volga region, the Crimean Khanate (mid-16th – late 18th centuries)]. – Nalchik: El'brus, 1996. – 349 p. (In Russian)

NALOEVA E.D. *Genealogiya kabardinskikh knyazei kak istoricheskii istochnik* [The genealogy of the Kabardian princes as a historical source (An album of 14 genealogical maps)]. IN: *Naloevoi E.D. Kabarda v pervoi polovine XVIII veka: genezis adygskogo feodpl'nogo sotsiuma i problemy sotsial'no-ekonomicheskoi istorii / Sost. A.S. Mirzoev* [Naloyeva E.D. Kabard in the first half of the XVIII century: the genesis of the Adyghe feudal society and the problems of socio-economic history. Compiled by A.S. Mirzoev]. – Nalchik: Pechatny Dvor Ltd., 2015. – 371 p. (In Russian)

NOGMOV Sh.B. *Istoriya adykheiskogo naroda* [The history of the Adychian people]. – Nalchik: El'brus, 1994. – 232 p. (In Russian)

OZOVA F.A. *Prichiny i posledstviya srazheniya na reke Malka 12 iyulya 1641 g.* [Causes and consequences of the battle on the Malka river on July 12, 1641]. IN: *Vestnik KBIGI*. – 2010. – Iss. 17. – Part I. – P. 3-37. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Средневековая и новая история**

УДК: 94(470.6)

DOI 10.31143/2542-212X-2019-4-26-36

**Ш.Б. НОГМОВ О СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ ТРАДИЦИОННОГО
ЧЕРКЕССКОГО ОБЩЕСТВА¹****Ф.А. ОЗОВА**

*РГБУ «Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований при Правительстве Карачаево-Черкесской Республики»
369000, КЧР, г. Черкесск, ул. Горького, 1а
E-mail: fo7799@rambler.ru*

Аннотация. Система судопроизводства является показателем уровня и характера развития социума. В этом отношении представляет большой интерес изучение самобытной судебной системы черкесского общества, основополагающие знания по которой дают труды Ш.Б. Ногмова. Данная проблема не была предметом систематического изучения, в статье сделана попытка выявить характерные и особенные черты судебной системы феодальной Черкесии, проследить их трансформацию в процессе демократических преобразований в стране на рубеже XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: Ш.Б. Ногмов; Ф.И. Леонтович; суд; хасэ; присяга; присяжный суд; альтернативное судопроизводство.

**Sh.B. NOGMOV ON THE JUDICIAL SYSTEM OF TRADITIONAL
CIRCASSIAN SOCIETY****F.A. OZOVA**

*RSBE “Karachayev-Circassian Research Institute for Humanities ordered by “Sign of Honour”
under Government of Karachayev-Circassian Republic”
369000, Karachayev-Circassian Republic, Cherkessk, Gorky street, 1a
E-mail: fo7799@rambler.ru*

Abstract. Legal proceedings system is an indicator of the level and character of the development of society. In this respect the study of original judicial system of Circassian society is of great interest, the fundamental knowledge of which is provided by the works of Sh.B. Nogmov. The problem in question wasn't the subject of systematic study. The article tries to reveal the characteristic and

---

¹ Статья подготовлена на основе доклада, представленного на Всероссийской научной конференции «Просветительство в этнокультурном пространстве Северного Кавказа (к 225-летию со дня рождения Ш.Б. Ногмова)». (г. Нальчик, 22 ноября 2019 г.).

peculiar features of the judicial system of the feudal Circassia and trace their transformation in the process of democratic reforms in the country at the turn of 18th–19th cent.

Keywords: Sh.B. Nogmov; F.I. Leontovich; court; hasa; judicial oath; court of assizes; alternative legal proceedings.

Благодаря трудам Ш.Б. Ногмова мы можем реконструировать систему судопроизводства в традиционном обществе Черкесии и проследить ее трансформации в начале XIX в. Особую ценность имеют сведения о судебной системе *хей* (*хе*), созданной в период правления великого князя (*пцым япц*) Черкесии Инала Нэху / Инал Светлый / Сиятельный (1427-1456) и великого князя (*пцыххуэ*) Кабарды Беслана Кайтуковича Жанхотова (1498-1525) [Ногмов 1994: 95, 126], а также данные о решениях *Хасэххуэ* Кабарды 1807 г.: «Народное условие, сделанное 1807 года июля 10, после прекращения в Кабарде заразы, в отмену прежних обычаев» [Ногмов 1994: 161-169]. Однако эти сведения фрагментарны [Думанов, Кушхов 1986: 42; Кажаров 1994: 212, 256-262] и их расшифровка требует своего ключа. Таковым, на наш взгляд, являются данные из «Свода адатов горцев Северного Кавказа (Черноморской Линии, Кубанской и Терской областей)»: «Если противники не желают примириться добровольно, но передают свое дело решению суда, то первоначально через посредников условливаются, каким судьям поручить разбор дела — постоянным или произвольным» [Леонтович 1883: 235]. В черкесских феодальных владениях в качестве «постоянных» судов выступали суды *хей* при великом князе и хееджа / *хейцIэ* в каждом населенном пункте, а в качестве «произвольных» – суды древней системы третейских судов *тхьэрылу хасэ* / *тхаохасэ* (букв. «присяжный суд»). Таким образом, главное в понимании судебной системы у адыгов – альтернативность, представленная двумя системами – постоянно действовавшими судами и сословными третейскими судами *тхьэрылу хасэ*, формировавшимися по необходимости. Суды *тхьэрылу хасэ* были отделены от прямой административной и военной власти сюзерена, хотя и зависели от него в определенной мере [Кажаров 1992: 132, 133]. Судопроизводство же в обоих судах было идентичным, что и порождало определенную путаницу в понимании судебной системы традиционного черкесского общества.

Первая судебно-административная реформа, о которой писал Ш.Б. Ногмов, относилась к периоду правления Инала Нэху, объединившего под своей властью адыгские земли на фоне постепенной утраты монголами политического доминирования в регионе. Она состояла в учреждении наряду с действовавшими у черкесов издревле третейскими судами *тхаохасэ* постоянной системы судопроизводства. Вся территория Черкесии была разделена на 40 судебных округов. «Сорок судей, поставленных над народом, заботились о его благосостоянии и поддерживали тишину и благоденствие» [Ногмов 1994: 95].

С распадом после смерти Инала Нэху единого политического пространства Черкесии трансформировалась и созданная им судебная система. Ее дальнейшее развитие в Кабарде было связано с судебной реформой *пцыххуэ* Беслана

Кайтуковича Жанхотова. Тогда при *пцыххуэ* был учрежден главный или высший суд – *хей*, в компетенции которого были уголовные дела и «жалобы на судей», «относившиеся до всего народа дела» [Ногмов 1994: 126]. В каждом населенном пункте были учреждены постоянно действовавшие низшие суды – *хеэжжа* (*хеяццэ*, букв. выяснение правды). Из оппозиции «высший» – «низший» очевидно, что судебные дела были разделены, соответственно, на крупные и мелкие. Таким образом, с начала XVI в. в Кабарде развивалась система высших судов *хей* при великом князе, рассматривавшая крупные вопросы, и низших – *хеяццэ* – мелкие вопросы. Главный суд *Хей* при *пцыххуэ* был вышней апелляционной инстанцией: к его компетенции относились дела, связанные с жалобами на судей. *Хей* также рассматривал уголовные дела и дела по преступлениям, направленным против всего народа. Они разбирались под председательством *пцыххуэ* [Ногмов 1994: 126].

Учреждение постоянных судов не отменило действие древних третейских судов *тхьэрылу хасэ*. Они специально формировались для разбора каждого конкретного дела. В отличие от постоянных судов *хей*, имевших два уровня компетенции – «федеративный» и местный, *тхьэрылу хасэ* имели четыре уровня компетенции – «конфедеративный», «федеративный», «удельный» и местный. На «конфедеративном» и «федеративном» уровнях они создавались исключительно для арбитражного судопроизводства между княжествами или уделами. Удельные суды были, если не исключительно, то преимущественно дворянскими судами. То обстоятельство, что «присяжный суд дворян получил большое распространение в Кабарде (да и во всей Черкесии) и стал, по существу, главной разновидностью верховного суда» в XVIII в., В.Х. Кажаров объяснял «феодалной раздробленностью страны» [Кажаров 1994: 261]. В силу вотчинной системы управления, а также функционирования ряда институтов такого порядка, как, например, институт посредничества и ручательства (кодохг, коддохг [Хан-Гирей 2009: 109, 193]), дела свободных земледельцев (*лххукъуэлл*) и крепостных крестьян (*луэгу*) редко выходили за пределы сельского уровня судопроизводства в *къуажэ*.

Помимо постоянных судов *хеяццэ* в каждом *къуажэ* тяжущиеся стороны могли обратиться в традиционный третейский суд *тхьэрылу хасэ*. Он избирался для каждого такого случая «из уважаемых стариков» по желанию «противников» [Леонтович 1883: 235]. Все сельские суды имели право разбирать все дела (за исключением уголовных) и жалобы местных жителей [Ногмов 1994: 126]. Свои впечатления о судебной системе черкесов высказал, после подробного описания ее принципов и процессуальной стороны судопроизводства, владевший черкесским языком Л.Я. Люлье: «Здесь я считаю уместным заявить в качестве неоднократного свидетеля о том замечательном превосходстве горцев, которое проявляется в легкости, даже, можно сказать, красноречии изложения мыслей, во врожденной способности их вести правильные прения, к которым имеют большую привычку» [Антология... 2011: 55].

Судопроизводство. В значительной мере неясность в описании судебной системы Черкесии была связана с тем, что суды *хей*, как и *тхьэрылу хасэ*

осуществляли свое судопроизводство в традициях древнейшего третейского судопроизводства Черкесии. Т. е. оба вида судов *тхьэрылу хасэ* и *Хей* являлись по характеру судопроизводства третейскими присяжными судами. Именно поэтому Ш.Б. Ногмов называл *хеяццIэ* третейскими судами [Ногмов 1994: 126]. Одинаковым, как в *тхьэрылу хасэ*, так и в княжеских судах был сложившийся еще в древних *хасэ*, порядок и характер судопроизводства: деятельность суда была нацелена на достижение правосудия и удовлетворявшего стороны компромисса [Интерриано 2006: 32; Грабовский 1870: 19; Катанчиев 2003: 58]. С. Хан-Гирей отмечал: «Образ судопроизводства и в маловажных обстоятельствах тот же, как и в важных случаях» [Хан-Гирей 2009: 120]. Таким образом, *тхьэрылу хасэ* оставалось «базовым механизмом традиционной правовой культуры, вне зависимости от нормативной основы судебных разбирательств» [Адыгская... 2006: 346]. С. Хан-Гирей отмечал: «Эти правила судопроизводства сделались до такой степени ясными и удобопонятными, что всякий, сколько-нибудь сведущий в народных обычаях, мог предугадать приговор судей раньше его произнесения. Соображаясь с такими правилами, временем освященными, и руководствуясь внушением совести, судьям легко было решать дела, даже самые запутанные» [Хан-Гирей 2009: 526]. Этнографические материалы свидетельствуют, что порядок третейского судопроизводства в черкесских регионах сохранялись вплоть до 1920-х гг. [Думанов, Кушхов 1986: 49]. Это убедительно подтверждает заключение В.А. Дмитриева: «Использование промежуточного, медиаторского субъекта в отношениях двух, часто диаметрально противоположных сторон, возможно, имеет отношение к глубинным пластам адыгского менталитета» [Дмитриев 2001: 367]. Результатом многовекового функционирования системы третейского судопроизводства надо признать такую отличительную особенность традиционной правовой культуры черкесов, как приоритетность компромисса над сверхнормативным насилием [Дмитриев 2001: 343], ориентированность на соблюдение устоявшихся моделей поведения и правового регулирования.

Этимология лексемы *хасэ* свидетельствует о том, что первичной функцией этого института была судебная функция. В XIX в. она продолжала обозначать «суд» [Каменев 1867: 19] или «судебное место» [Леонтович 1883: 233]. Глагол *хасэн* имеет значение — «вершить правосудие» [Ногма 1956: 45, 46]. Возникновение *хасэ*, т.е. суда в Черкесии предания относят к архаической эпохе *нартов*. Приобретя при феодализме сословно-классовый характер, суды сохранили архаическую оболочку и название *хасэ*. Со временем стали различаться *хасэ* (как Собрание) и *тхьэрылу хасэ* (как суд). Деятельность этих институтов была крайне ритуализирована [Адыгская... 2006: 352], она была выстроена вокруг церемонии присяги. В деятельности *хасэ* ритуал присяги использовался значительно реже. С. Хан-Гирей отмечал, что все дела, решаются судом, в котором «законы основываются иногда на примерах, а всегда на чистоте совести» [Хан-Гирей 2009: 122, 124]. Главным доказательством «чистоты совести» была клятва. Таким образом, *тхьэрылу хасэ*, отпочковавшись от системы *хасэ*, стали представлять собой самостоятельные судебные институты, имевшие особые алгоритмы формирования и функционирования.

Все они строились на ритуале присяги. «Процесс принятия присяги был обставлен весьма торжественно и ритуализован» [Думанов, Кушхов 1986: 48]. В разные периоды существования присяга производилась в соответствии с той религиозной доктриной, которая господствовала. Клятва в архаический период была языческая, позднее – построена на симбиозе древней языческой основы и христианских постулатов, в исламский период – на Священном Коране. Обряд присяги подробно описан Л.Я. Люлье [Антология... 2011: 59]. О значении обряда присяги в черкесском обществе свидетельствуют сведения Дж.А. Лонгворта: «Их королем является клятва. Она действительно является монархом – и единственным, – влиянию и власти (говоря морально и метафорически) которого со времен незапамятных подчиняется все на Кавказе. Ее печать является тем, что придает законность любому сообществу, социальному или политическому. Она – высший арбитр во всех спорах, единственный законодатель, чей авторитет заставляет выполнять то, что ее санкция утвердила. Все, независимо от пола и от состояния, являются ее подданными. Горе тому несчастному клятвopреступнику, который посмеет предать свою преданность ей! На него и на всех, кто связан с ним, падает гибель; его родственники погибнут как паршивое стадо овец; его дети, хотя он и признает и искупит свое преступление, уйдут от него, как пораженные плесенью колосья или иссохшие ветви от ствола; сам он, если ему позволят в дальнейшем влачить жалкое существование в пример другим, будет жить разоренным, угрызаемый совестью человеком, как бремя для земли и ее частей, изгнанник и предмет всеобщего презрения» [Лонгворт 2002: 465].

Приведем институты, на которых зиждилось традиционное третейское судопроизводство.

1. Присяга судей. Избранные судьи назывались *тхьэрылу хас, тааркоясь* [Антология... 2011: 55], *тххарьохас – присяжные*, так как приводились после избрания к присяге *Тхьэ* (Богу). «По избранию обществом князей и дворянства, приводятся к присяге, состоящей в том, чтобы соблюдать в делах всегда истину и производить суд по крайнему разумению справедливо, не увлекаясь корыстолюбием и пристрастием, почему эти судьи и называются *присяжными судьями (тххарьохась)*» [Хан-Гирей 1992: 130]. Из числа присяжных судей избирались «адвокаты-руководители» – «тлукуо» (*ллыклуэ*). Они играли ведущую роль в судебном процессе, на них лежала миссия доведения до членов суда сути дела [Антология... 2011: 55].

2. Очистительная присяга. Ручательство за верность присяги обвиняемого. Это «правило» или «обыкновение» получило в судопроизводстве черкесов «с незапамятных времен характер узаконений» [Хан-Гирей 2009: 526]. Судебное разбирательство происходило гласно и открыто. При отсутствии доказательства невиновности в качестве таковой признавалась очистительная присяга. «Обвиняемый без очевидных улик мог оправдать себя, так называемой очистительной присягой» [Бгажноков 1986: 97]. Это касалось даже тяжких преступлений: обвиняемый мог себя оправдать очистительной присягой, при условии, что его очистительную присягу поддержат «два человека честных правил, указанные его обвинителями, но которые не должны были быть явными

недоброжелателями обвиняемого» [Хан-Гирей 2009: 526]. «Этот род свидетельства назывался *таирко-шес* (*тхьэрылуэ шес*) - “ручательство за верность присяги”. Число свидетелей соизмеряется с важностью иска и значением преступления» [Антология... 2011: 55].

3. Присяга тяжущихся сторон. Она заключалась в том, что стороны обязывались, «что они останутся довольны тем решением, которое определит суд» [Леонтович 1883: 235]. По окончании судебного разбирательства, перед оглашением приговора стороны вновь обязывались соблюдать произносившийся устно приговор «в чем бы он ни заключался» присягой [Хан-Гирей 2009: 119]. В том случае, если обвиняемый отказывался от присяги, он мог отказаться и от исполнения приговора, тогда – имел право обратиться к новому суду [Леонтович 2002: 235, 236].

4. Присяга свидетелей для доказательства виновности. «Для доказательства виновности ответчика необходима присяга, по крайней мере, двух свидетелей» [Антология... 2011: 55]. К присяге не допускались родственники, как обвиняемого, так и обвинителя и все могущие быть заинтересованными лица. Большое место отводилась прениям сторон. Защитники (адвокаты) обвиняемой стороны назывались *уэчыл*.

5. Присяжные свидетели (*тхьэрылуэ цыхьэт*). Институт свидетелей. «Свидетелями могут быть только люди, известные своею честностью и хорошим поведением» [Антология... 2011: 55]. Свидетели могли давать показания, как под присягой, так и без присяги. Все зависело от важности дела. Присяжные свидетели (*тхьэрылуэ цыхьэт*) также строился на ритуале присяги. Этот институт мог, в частности, использоваться в случаях, если ответчик был ранее обвинен в клятвопреступничестве или при рассмотрении особо тяжких преступлений (обесчещение женщины, убийство), прибегали к институту *присяжных* свидетелей (*тхьэрылуэ цыхьэт*) [Хан-Гирей 2009: 120, 121]. При их привлечении им было достаточно подтвердить под присягой, что обвиняемый говорит правду [Бгажноков 1986: 97; Думанов, Кушхов 1986: 48]. Б.Х. Бгажноков отмечает, что в судопроизводстве черкесов необходимость в такого рода присяжных свидетелях возникала нечасто, так как случаи ложной присяги были редки: «Каждый заботился о сохранении чести и достоинства — своего личного и всего рода в целом» [Бгажноков 1986: 97]. Останавливал людей и грех клятвопреступления.

6. Присяга тяжущихся сторон перед оглашением приговора. Стороны по окончании судебного разбирательства перед оглашением приговора вновь обязывались соблюдать произносившийся устно приговор «в чем бы он ни заключался» присягой [Хан-Гирей 2009: 119]. Обвинитель обязывался «забыть всякое чувство неприязни к обвиняемому», а обвиняемый — обязывался «беспрекословно подчиниться требованиям состоявшегося приговора и не позволять себе уклоняться от должного его исполнения» [Антология... 2011: 55].

7. Присяжные поручители. В заключение «чтобы больше упрочить взаимную связь налагаемых обязательств, берется от истца, и от ответчиков по одному присяжному поручителю, отвечающего за поведение каждого. Весьма

редко случается, чтобы после этого ответчик или осужденный изъявил свое неудовольствие или несогласие на решение» [Антология... 2011: 55].

Судоустройство. Как уже отмечалось, принцип судоустройства в *тхэрылу хасэ* и *хей* был во многом схож: состав судов избирался, их состав носил сословный характер. В адатах отмечается, что *тхэрылу хасэ* создавался путем избрания «судей из уважаемых стариков» [Леонтович 1883: 235]. Эти «старики», могли принадлежать как к *уоркскому*, так и к *тлхукотльскому* сословию. По сведениям С. Хан-Гирея, можно, на наш взгляд ретроспективно судить о составе постоянных судов в XVIII в. Состав судов был различен в зависимости от уровня суда. В *Хей* входили: *пцышхуэ*, два представителя уорков, один представитель третьего сословия *тлхукотлей* и один священнослужитель и знаток *Адыгэ хабзэ* [Хан-Гирей 2009: 279, 280].

На местном уровне (*кьуажэ*) *хеяцлэ* переизбирались ежегодно, они состояли из нескольких *уорков* и нескольких *тлхукотлей*. Состав суда *хеяцлэ* утверждал *кьуажэци*.

В судах обоих видов обязательно избирался председатель. В *тхэрылу хасэ* – «один из стариков избирается общим судьей для обеих тяжущихся сторон, голос которого имеет особенную важность в случае несогласия судей» [Леонтович 1883: 235]. Председатель судов назывался *тхэмадэ* (букв. угодный *Тхэ* / Богу). Роль секретаря в судах выполнял представитель духовенства.

Выбор судей оставался в обоих случаях за тяжущимися сторонами. Если обращались в постоянный суд *хеяцлэ*, судьи выбирались из постоянных судей, а в том случае, если обращались в *тхэрылу хасэ* — судьи избирались из «посторонних уважаемых стариков» [Леонтович 1883: 235]. «Судьи избирались преимущественно из того сословия, к которому принадлежат тяжущиеся, а потому и постоянные судьи избираются из разных классов народа» [Леонтович 1883: 234]. В зависимости от сложности дела число судей избравшихся для отправления правосудия варьировался от 1 до 6 человек с каждой стороны. Судьи избирались «не иначе, как с обоюдного согласия обеих спорящих сторон» [Антология... 2011: 55].

Первая бросающаяся в глаза разница между третейскими и постоянными судами состояла во времени функционирования. *Тхэрылу хасэ*, как и *хасэ*, от которого отпочковались эти суды, не были постоянными органами, они создавались по инициативе тяжущихся сторон и носили временный характер, ликвидируясь после свершения правосудия. Постоянные суды действовали на постоянной основе, переизбираясь ежегодно. Другое отличие: состав постоянных судов *хей* и *хеяцлэ* утверждал *пцы*. В *Хей* председательствовал *пцышхуэ*. Тем не менее, можно утверждать, что в XVIII в. суды *хей* «были отделены от прямой административной и военной власти сюзерена, хотя и зависели от него» [Кажаров 1992: 132, 133].

Заседание *тхэрылу хасэ* проводилось там, где было совершено преступление. *Тхэмадэ* проводили заседание большую часть дня, или, сидя на земле в хорошую погоду и в палящий зной, или, стоя под проливным дождем и снегом. *Тхэмадэ* находились в центре круга, поодаль - до нескольких сотен человек «с одной лишь целью, чтобы показать, что вершимое правосудие

является уделом не какой-то группы, а абсолютного большинства» [Белл 2007: 179].

В начале XIX в. постоянные суды в Кабарде были преобразованы в суды *мехкеме*. В июле 1807 г. в Кабарде состоялось собрание *хасэ*, под руководством князя Адильгирея Хатокшоко и *тлекотлеши* Исхака Абуко и вновь (впервые это произошло во второй половине 1780-х гг.) был учрежден *духовный суд* под названием *мехкеме*. Решения *хасэ* Кабарды были оформлены в «Народное условие, сделанное 1807 года июля 10, после прекращения в Кабарде заразы, в отмену прежних обычаев» [Ногмов 1994: 161–169]. Наконец, поправки к своду *Адыгэ хабзэ*, выработанные еще в 1799 г., были приняты *хасэ*. Они дали правовую базу для деятельности трех *мехкеме*: двум в Большой Кабарде, одному – в Малой. *Мехкеме* должны были стать инструментами преобразования традиционного феодального кабардинского общества «в соответствии с нормами шариата» [Кажаров 2006: 420].

Мехкеме в 1807 г. возник не на пустом месте, но в документах нигде нет даты его более раннего учреждения. В.Х. Кажаров отмечает, что в документах отсутствуют сведения «о дате учреждения *мехкеме*» [Кажаров 2006: 420]. Полагаем, это объясняется тем, что *духовный суд*, или *мехкеме*, возник в результате трансформации княжеского суда *хей* под влиянием идей исламского фундаментализма и процесса глубокой демократической трансформации, которую в это время переживало все черкесское общество. В ст. 27 «Народного условия...» совершенно точно зафиксировано, что *духовные суды*, или *мехкеме*, стали трансформацией постоянных княжеских судов, в которых председательствовал *пщышхуэ* Кабарды (с 1807 г. его стали именовать турецким словом «валий»): «*Мехкеме* есть суд, в котором старший судья – валий, членами два или три князя, прочие же члены – из узденей, очередующихся каждый на три месяца; всех вообще 12 членов, в том числе секретарь и кадий» [Ногмов 1994: 164]. Правомерность заключения, что *мехкеме* не что иное, как преобразованные княжеские суды, подтверждает «Описание кабардинцев. 1815-1816 гг.» неизвестного автора. Он писал: «*Образ настоящего судопроизводства*. Ежели кто-либо из трех званий, принадлежащих к одному роду, считает себя обиженным, то доносит о том старшему князю (уали, валий), который представляет обвиняемого и обвиняющегося первосвященнику; сей последний собирает *духовный суд* и, решив дело по Алкорану, налагает по оному наказание, за исполнением обязан блюсти уали. Хотя и весьма редко кабардинцы обращаются в своих раздорах к сей расправе, однако ж примеры отмщения обид силой теперь уже не столь часты» [Русские авторы... 2001: 48]. В этом контексте проблема даты возникновения *мехкеме* решается совершенно в ином русле, чем это делалось прежде. Полагаем, что историю *мехкеме* нельзя рассматривать вне связи с его предтечей – княжеским судом *хей*, постепенная трансформация которого в суд, все более (но не в полной мере) руководствующийся шариатом в определенной мере, завершилась в 1807 г.

Таким образом, сведения Ш.Б. Ногмова дают основополагающее представление о судебной системе традиционного черкесского общества за длительный период, начиная с эпохи князя Инала Нэху в XV в. и заканчивая

концом XVIII – началом XIX в., когда княжеские суды трансформировались в суды *мехеме*. Система судопроизводства у адыгов в этот период, как и в позднее Средневековье, продолжала носить альтернативный характер.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Адыгская... 2006 – *Адыгская* (черкесская) энциклопедия. – М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. – 1247 с.

Антология... 2011 – *Антология* памятников права народов Кавказа. Т. 3. – Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2011. – 756 с.

Бгажноков 1986 – *Бгажноков Б.Х.* Адыгские клятвы // Общественный быт адыгов и балкарцев. – Нальчик: КБНИИИФЭ, 1986. – С. 81-103.

Белл 2007 – *Белл Д.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов: в 2 т. Т. 2 / Пер. с англ. К.А. Мальбахов. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат Революции 1905 года», ИЦ «Эль-Фа», 2007. – 407 с.

Грабовский 1870 – *Грабовский Н.Ф.* Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 4. – Тифлис: Тип. Главного управления наместника Кавказа, 1870. – С. 1-72.

Дмитриев 2001 – *Дмитриев В.А.* Насильственные действия и их проявления в традиционном и современном социуме адыгов // Антропология насилия. – СПб.: Наука, 2001. – С. 332-381.

Думанов, Кушхов 1986 – *Думанов Х.М., Кушхов Х.С.* К вопросу о судоустройстве и судопроизводстве в Кабарде во второй половине XIX – начале XX века // Культура и быт адыгов. (Этнографические исследования). – Вып. VI. – Майкоп, 1986. – С. 41-51.

Интерьяно 2006 – *Интерьяно Дж.* О быте и обычаях черкесов // Северный Кавказ в европейской литературе XIII-XVIII веков. Сборник материалов. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат Революции 1905 года», ИЦ «Эль-Фа», 2006. – С. 30-37.

Кажаров 1992 – *Кажаров В.Х.* Адыгская хаса: из истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 160 с.

Кажаров 1994 – *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. – Нальчик: Эль-Фа, 1994. – 438 с.

Кажаров 2006 – *Кажаров В.Х.* О времени и обстоятельствах учреждения «духовных судов» в Кабарде // Исторический вестник. – Вып. III. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. – С. 398-436.

Каменев 1867 – *Каменев Н.Л.* Бассейн Псекупса // Кубанские войсковые ведомости. – 1867. – № 5 (4 февраля). – С. 19-20.

Катанчиев 2003 – *Катанчиев Т.М.* Кабардинское обычное право, его особенности. Изд. 2-е. – Нальчик: ИЦ «Эль-Фа», 2003. – 193 с.

Леонтович 1883 – *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев: материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 2. // Записки Императорского Новороссийского университета. Т. 38. – Одесса: Тип. П.А. Зеленого. – 1883. – 403 с.

Лонгворт 2002 – *Лонгворт Дж.А.* Год среди черкесов / Пер. с англ. В. М. Аталиков. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2002. – 542 с.

Ногма 1956 – *Ногма Ш.Б.* Филологические труды: в 2 т. Т. 1 / Исслед. и подгот. к печати Г. Ф. Турчанинов. – Нальчик: Кабард. кн. изд-во, 1956. – 308 с.

Ногмов 1994 – *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев / Сост. Т. Х. Кумыков. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 232 с.

Русские авторы... 2001 – *Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: в 2 т. Т. 1.* – Нальчик: Эль-Фа, 2001. – 323 с.

Хан-Гирей 1992 – *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Изд. 2-е, доп., испр. / Сост. Г. Х. Мамбетов. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 352 с.

Хан-Гирей 2009 – *Хан-Гирей С.* Избранные труды и документы / Сост. М.Н. Губжоков. – Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2009. – 672 с.

REFERENCES

- Adygskaya (cherkesskaya) entsiklopediya* [Adyghe (Circassian) Encyclopedia]. – M.: Fond im. B.Kh. Akbasheva, 2006. – 1247 p. (In Russian)
- Antologiya pamyatnikov prava narodov Kavkaza. T. 3.* [Anthology of the monuments of the law of the peoples of the Caucasus. Vol. 3]. – Rostov n/D: Izd-vo SKAGS, 2011. – 756 p. (In Russian)
- BELL J. *Dnevnik prebyvaniya v Cherkessii v techenie 1837–1839 godov: V 2 t. / Per. s angl. K.A. Mal'bakhov* [Journal of a Residence in Circassia During the Years 1837, 1838 and 1839: in 2 vols. Translated from English by K.A. Mal'bakhov. Vol. 2]. – Nalchik: GP KBR «Respublikanskii poligrafkombinat Revolyutsii 1905 goda», ITs «El'-Fa», 2007. – 407 p. (In Russian)
- BGAZHNOKOV B.Kh. *Adygskie klyatvy* [Adyghe vows]. IN: *Obshchestvennyi byt adygov i balkartsev* [Public life of the Circassians and Balkars]. – Nalchik: KBNIIFE, 1986. – P. 81–103. (In Russian)
- DMITRIEV V.A. *Nasil'stvennye deistviya i ikh proyavleniya v traditsionnom i sovremennom sotsiume adygov* [Violent actions and their manifestations in the traditional and modern society of the Circassians]. IN: *Antropologiya nasiliya* [Anthropology of violence]. – SPb.: Nauka, 2001. – P. 332–381. (In Russian)
- DUMANOV Kh.M., KUSHKHOV Kh.S. *K voprosu o sudoustroistve i sudoproizvodstve v Kabarde vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka* [On the judicial system and legal proceedings in Kabarda in the second half of the 19th – early 20th centuries]. IN: *Kul'tura i byt adygov. (Etnograficheskie issledovaniya).* – Vyp. VI. [Culture and everyday life of the Circassians. (Ethnographic studies). – Issue 6]. – Maikop, 1986. – P. 41–51. (In Russian)
- GRABOVSKII N.F. *Ocherk suda i ugovolnykh prestuplenii v Kabardinskom okruge* [Essay on the Judiciary and Criminal Offences in Kabarda District]. IN: *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh. Vyp. 4.* [Collection of Evidence on the Caucasian Highlanders. Issue 4]. – Tiflis: Tip. Glavnogo upravleniya namestnika Kavkaza, 1870. – P. 1–72. (In Russian)
- INTERIANO Dzh. *O byte i obychnykh cherkesov* [On the everyday life and customs of the Circassians]. IN: *Severnyi Kavkaz v evropeiskoi literature XIII–XVIII vekov. Sbornik materialov* [The North Caucasus in European literature of the 13th – 18th centuries. Collection of materials]. – Nalchik: GP KBR «Respublikanskii poligrafkombinat Revolyutsii 1905 goda», ITs «El'-Fa», 2006. – P. 30–37. (In Russian)
- KAMENEV N.L. *Bassein Psekupsa* [Psekups basin]. IN: *Kubanskije voiskovye vedomosti.* – 1867. – No 5 (February 4). – P. 19–20. (In Russian)
- KATANCHIEV T.M. *Kabardinskoe obychnoe pravo, ego osobennosti. Izd. 2-e.* [Kabardian customary law, its features. Second edition]. – Nalchik: ITs «El'-Fa», 2003. – 193 p. (In Russian)
- KAZHAROV V.Kh. *Adygskaya khasa: iz istorii soslovno-predstavitel'nykh uchrezhdenii feodal'noi Cherkessii* [Adyghe khasa: From the history of estate-representative institutions of feudal Circassia]. – Nalchik: El'brus, 1992. – 160 p. (In Russian)
- KAZHAROV V.Kh. *O vremeni i obstoyatel'stvakh uchrezhdeniya «dukhovnykh sudov» v Kabarde* [On the time and circumstances of the establishment of “ecclesiastical courts” in Kabarda]. IN: *Istoricheskii vestnik. – Vyp. III* [Historical herald. – Issue 3]. – Nalchik: El'-Fa, 2006. – P. 398–436. (In Russian)
- KAZHAROV V.Kh. *Traditsionnye obshchestvennye instituty kabardintsev i ikh krizis v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka* [Kabardin traditional public institutions and their crisis in the late 18th – first half of the 19th century]. – Nalchik: El'-Fa, 1994. – 438 p. (In Russian)
- KHAN-GIREI S. *Izbrannye trudy i dokumenty / Sost. M.N. Gubzhokov* [Selected Works and Documents / Compiled by M.N. Gubzhokov]. – Maikop: OAO «Poligraf-Yug», 2009. – 672 p. (In Russian)
- KHAN-GIREI. *Zapiski o Cherkessii. Izd. 2-e, dop., ispr. / Sost. G. Kh. Mambetov* [Notes on Circassia. Second edition, complemented and amended / Compiled by G. Kh. Mambetov]. – Nalchik: El'brus, 1992. – 352 p. (In Russian)

LEONTOVICH F.I. *Adaty kavkazskikh gortsev: materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza. Vyp. 2.* [Adats of the Caucasian Highlanders: Materials on Customary Law of the North and East Caucasus. Issue 2]. IN: *Zapiski Imperatorskogo Novorossiiskogo universiteta. T. 38.* [Proceedings of the Imperial Novorossiysk University. Vol. 38]. – Odessa: Tip. P.A. Zelenogo. – 1883. – 403 p. (In Russian)

LONGWORTH J.A. *God sredi cherkesov. / Per. s angl. V.M. Atalikov* [A Year among the Circassians / Translated from English by V.M. Atalikov]. – Nalchik: Izdatel'skii tsentr "El'-Fa", 2002. – 542 p. (In Russian)

NOGMA Sh.B. *Filologicheskie trudy: V 2 t. / Issled. i podgot. k pechati G.F. Turchaninov. T. 1.* [Philological works: in 2 volumes. Study and preparation for printing G.F. Turchaninov. Vol. 1]. – Nalchik: Kabard. kn. izd-vo, 1956. – 308 p. (In Russian)

NOGMOV Sh.B. *Istoriya adycheiskogo naroda, sostavlenaya po predaniyam kabardintsev / Sost. T. Kh. Kумыков* [The history of the Adychian people, compiled according to the traditions of the Kabardins. Compiled by T.Kh. Kумыков]. – Nalchik: El'brus, 1994. – 232 p. (In Russian)

Russkie avtory XIX veka o narodakh Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza: V 2 t. T. 1. [Russian authors of the 19th century on the peoples of the Central and Northwest Caucasus: in 2 vols. Vol. 1]. – Nalchik: El'-Fa, 2001. – 323 p. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Средневековая и новая история**

УДК 94(47)

DOI 10.31143/2542-212X-2019-4-37-48

**ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И СОВЕТ НАМЕСТНИКА КАВКАЗСКОГО
(1858): ПРЕДПОСЫЛКИ ОБРАЗОВАНИЯ, СТРУКТУРА И ОБЪЕМ
ПОЛНОМОЧИЙ¹****А.Х. АБАЗОВ**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: alex_abazov@list.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены предпосылки образования, структура и объем полномочий Главного управления и Совета Наместника кавказского. Подробно проанализировано Положение «о Главном управлении и Совете Наместника Кавказского», принятое 21 декабря 1858 г. Отмечается, по мере проведения административно-территориальных преобразований в регионе в 40–50-е гг. XIX в. нарастала необходимость пересмотра имевшихся и принятия новых нормативных актов, регламентировавших деятельность административных органов в регионе. Анализируется переписка Наместника Кавказа А.И. Барятинского с руководителями высших органов власти Российской империи, в которой обсуждались вопросы необходимости и обоснованности проведения этого преобразования. Рассмотрены структура и полномочия профильных департаментов (общих дел, судебных дел, финансовый, государственного имущества), управления сельского хозяйства и колоний иностранных поселенцев на Кавказе и за Кавказом, архива, казначейства, регистратуры, типографии, публичной библиотеки и редакции газеты «Кавказ» и «Закавказского вестника». Проанализировано штатное расписание Главного управления Наместника кавказского на 1859-1860 гг. Делается вывод, что в ходе административных преобразований в 1858 г. при Наместнике Кавказа было создано административное учреждение для реализации им полномочий как высшего должностного лица в крае, определения основных направлений освоения и развития кавказского региона, обеспечения исполнения распоряжений Императора и высших органов государственной власти Российской империи.

Ключевые слова: Российская империя; Кавказ; Кавказское наместничество; Кавказский комитет; Главное управление Наместника кавказского; А.И. Барятинский.

---

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных научных исследований РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России». Подпрограмма «Культурно-сложные общества: понимание и управление». Проект «Исторический опыт и актуальные проблемы интеграции культурно-сложного макрорегиона в российское государственное пространство: Северный Кавказ».

CHIEF OFFICE AND COUNCIL OF THE CAUCASIAN VICEROY (1858): BACKGROUND OF FORMATION, STRUCTURE AND SCOPE OF THEIR POWERS

A.H. ABAZOV

The Institute for the Humanities Research – Affiliated of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»

360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18

E-mail: alex_abazov@list.ru

Abstract. The article considers the prerequisites for the creation, the structure and scope of powers of the Head department and the Council of the Caucasian Viceroy. The Regulation «On the Chief Office and Council of the Caucasian Viceroy» adopted on December 21, 1858 was analyzed in detail. It is noted that as the administrative and territorial changes in the region were carried out in the 40-50-s of the XIX century, the need to review the existing and adopt new normative acts regulating the activities of administrative structures in the region increased. The correspondence of the Caucasian Viceroy A.I. Baryatinsky with the heads of the highest authorities of the Russian Empire, which discussed the necessity and validity of this transformation, is analyzed. The structure and powers of the relevant departments (general affairs, court cases, financial and state property), the Department of Agriculture and Colonies of Foreign Settlers in the Caucasus and behind the Caucasus, the archive, the treasury, the register, the printing house, the public library and the editorial office of the newspaper Caucasus and the Transcaucasian Gazette were considered. The staff table of the General Directorate of the Mayor of the Caucasus for 1859-1860 was analyzed. It is concluded that during the administrative reforms in 1858 an administrative institution was established under the Caucasian Viceroy, to exercise his powers as a senior official in the province, to determine the main directions of development and development of the Caucasus region, to ensure the implementation of the orders of the Emperor and the highest bodies of state power of the Russian Empire.

Keywords: Russian Empire; Caucasus; Caucasian Viceroyalty; Caucasian committee; Chief Office of the Caucasian Viceroy; A.I. Baryatinsky.

Введение

В числе основных аспектов исследования истории инкорпорации Кавказа в политико-правовое пространство России в XIX в. выступают административные преобразования и деятельность различных органов власти. Это дает возможность подробно исследовать особенности развития российской государственности в присоединяемых к империи территориях, охарактеризовать механизмы управления многонациональным регионом, проанализировать способы оптимизации и повышения эффективности в деятельности государственного аппарата на разных этапах истории. В этом плане предпосылки учреждения в 1858 г., структура и объем полномочий Главного управления и Совета Наместника кавказского представляют большой научный интерес.

Изучению истории Кавказского наместничества (1844–1881) в историографии посвящено множество работ [Эсадзе 1907; Лисицына 2001;

Малахова 2001; Кондрашова 2003; Муханов 2007; Муханов 2011; Урушадзе 2011; Лазарян 2012; Невская, Кондрашева 2015; Урушадзе 2016; Гусейнов 2017; Глашева 2018a; Глашева 2018b; Урушадзе 2019 и др.]. В них рассмотрены вопросы формирования центральных органов управления Кавказом в 30–50-е годы XIX в., создания Кавказского наместничества, особенности его взаимодействия с Кавказским комитетом и другими властными структурами, различные аспекты деятельности наместников (М.С. Воронцова, А.И. Барятинского и др.) и т.п. Однако исторические предпосылки преобразования Главного управления Закавказским краем, Совета главного управления и канцелярии Наместника Кавказа в Главное управление и Совет Наместника кавказского, определение структуры и штата последнего до сих пор не становились предметом специального исследования.

Эмпирическую базу исследования составили нормативно-правовые и делопроизводственные источники. К нормативно-правовым источникам относится Положение «о Главном управлении и Совете Наместника Кавказского» принятое 21 декабря 1858 г. В нем определена структура Главного управления и объем полномочий каждого подразделения. В приложении к Положению помещено штатное расписание Главного управления на 1859-1860 гг., что дало возможность охарактеризовать его кадровый состав. К делопроизводственным – переписка Наместника Кавказа А.И. Барятинского с руководством Государственного совета Российской империи. Анализ переписки позволяет оценить степень развития системы управления Кавказским краем в середине 50-х гг. XIX в., охарактеризовать подходы властей к проведению административных преобразований в регионе, оценить обоснованность и реалистичность предлагаемых изменений и т.п.

Статья подготовлена с опорой на принципы научности, объективности и системности. В ходе исследования использовались методы анализа нормативно-правовых актов (исследование учредительного документа, регламентировавшего деятельность Главного управления Наместника Кавказа), а также – ретроспективный (характеристика исторических предпосылок образования Главного управления), историко-сравнительный (сопоставительный анализ Главного управления и схожих организаций в прошлом) и структурно-функциональный (исследование структурных подразделений Главного управления, выявление их внутренней связи и взаимообусловленности) методы.

Результаты исследования

Главное управление Закавказским краем в Тифлисе было образовано в 1840 г. вслед за образованием в Санкт-Петербурге временного учреждения для управления Кавказом и надзора за деятельностью кавказской администрации – Закавказским комитетом, правопродшественником которого был созданный в 1833 г. Комитет об устройстве Закавказского края [Мунаев 2005: 105]. В структуре Главного управления Закавказским краем состояли главноуправляющий краем, Тифлисский военный губернатор и Совет Главного управления. В состав Закавказского края в то время входили Грузино-

Имеретинская губерния и Каспийская область. В 1846 г. вместо канцелярии Главного управления Закавказским краем была учреждена канцелярия Наместника кавказского. В ведении новой канцелярии находились «дела Кавказского и Закавказского края по всем почти частям гражданского управления, за исключением только дел государственных имуществ, для которых по Высочайшему повелению 21 декабря 1849 г. учреждена особая экспедиция на правах министерских департаментов» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 11а. Ч. 1. Л. 4 об.]. К середине 50-х гг. XIX в. в структуре Канцелярии были сосредоточены исполнительное, судебное и финансовое ведомства, «из коих каждое имеет значительное развитие вследствие местных условий Закавказского края, где все отрасли гражданского устройства и управления требуют особых и сложный соображений с разными началами гражданской жизни здешнего народа и где множество самых важных вопросов подлежит многостороннему исследованию» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 11а. Ч. 1. Л. 4 об. – 5]. Кроме того, к этому времени Совет Главного управления был ограничен лишь решением некоторых дел в отношении Закавказского края и был признан низкоэффективным учреждением в менявшихся политико-правовых реалиях [РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 11а. Ч. 1. Л. 5].

Поэтому по мере проведения административно-территориальных преобразований в регионе (разделения Грузино-Имеретинской губернии в Тифлисскую, учреждения Кавказского наместничества и образования Кавказского края, включения в состав Кавказского края новых губерний и областей) нарастала необходимость пересмотра имевшихся и принятия новых нормативных актов, регламентирующих деятельность административных структур в регионе.

Все это привело к необходимости на базе Главного управления Закавказским краем, Совета главного управления и канцелярии Наместника учредить Главное управление и Совет Наместника кавказского. При этом предполагалось, что новое Управление «сосредоточит в одном стройном учреждении все те дела, разрешение коих предоставлено наместнику или высшей власти» и снимет с «Наместника, не нарушая его прав, часть труда и предоставит ему способ заниматься делами более важными» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 11а. Ч. 1. Л. 7 об.].

Так, в декабре 1858 г. А.И. Барятинский в письме председателю Государственного совета А.Ф. Орлову указывал, что он занялся устройством Главного управления по распоряжению Императора, объединив в его составе существовавшие на тот момент «Канцелярии наместника, Совета, Экспедицию государственных имуществ и т.п.» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 11а. Ч. 1. Л. 1 об.]. При чем А.И. Барятинскому было делегировано право самостоятельно «определить его состав, [осуществить] разделение дел, распределение занятий и порядок делопроизводства, указать права и обязанности всех чинов и... ввести штат» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 11а. Ч. 1. Л. 1 об.]. При этом предполагалось установить двухлетний испытательный срок деятельности Управления.

Именно в этих условиях 21 декабря 1858 г. было принято Положение «О Главном управлении и Совете Наместника кавказского». По сути Положение

было принято с целью детализации целого ряда статей, содержащихся в действовавшем на тот момент Учреждении управления Закавказского края 1840 г. [Свод законов... 1857: 1-91]. В частности, оно заменило те части Учреждения, которые содержали общие правила деятельности и организации делопроизводства в Главном управлении, объем полномочий Начальника гражданского управления и Совета Главного управления [РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 11а. Ч. 1. Л. 107-161 об.].

В структуру Главного управления входили Начальник, профильные департаменты (общих дел, судебных дел, финансовый, государственного имущества) и управление (сельского хозяйства и колоний иностранных поселенцев на Кавказе и за Кавказом). В качестве самостоятельных частей в Главном управлении состояли архив, казначейство, регистратура, типография, публичная библиотека и редакция газеты «Кавказ» и «Закавказского вестника». В качестве особых подразделений к Главному управлению относились присутствие о земских повинностях и временное отделение по делам гражданского устройства края. Помимо этого, по мере необходимости к деятельности Наместника могли привлекаться специалисты «для исполнения разных поручений и особых занятий» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 11а. Ч. 1. Л. 107-107 об.]. При начальнике управления предусматривались две должности чиновников особых поручений.

Некоторые статьи Положения о Главном управлении имели отсылочный характер. Например, внутреннее устройство департаментов, порядок делопроизводства, объем полномочий, ответственность служащих и некоторые другие вопросы регламентировались Учреждениями для управления Ставропольской губернией и Закавказским краем (1840). Также деятельность Тифлисской публичной библиотеки, редакции газеты «Кавказ» и «Закавказского вестника» и типографии также регламентировалась специальными положениями.

Начальник Главного управления назначался на должность Высочайшим указом Правительствующего Сената по представлению Кавказского наместника [РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 11а. Ч. 1. Л. 107 об.]. Начальник осуществлял общее руководство деятельностью структурных подразделений Управления. Он совмещал должность председателя Особого присутствия о земских повинностях. В его подведомственности находились вопросы принятия, увольнения и кадровой ротации сотрудников управления, а также – право ходатайствовать перед Наместником поощрения наиболее успешных из них.

В главе департаментов стояли директора. Руководители особых управлений (сельского хозяйства и колоний иностранных поселенцев) по статусу приравнивались к директорам департаментов. Руководители структурных подразделений, как и начальник управления, назначались и освобождались от должностей Высочайшими указами Правительствующего Сената по представлению Кавказского наместника. Руководители следующего звена (например, помощник начальника особого Управления сельского хозяйства, начальники отделений в департаментах, архива, казначей,

архитектор, землемер, главный редактор газеты и вестника, главный библиотекарь) назначались и увольнялись Наместником по представлению начальника Главного управления.

Функции распорядителя финансовых средств, предоставленных в распоряжение Кавказского наместника, исполняло специальное Казначейство, которое состояло в подведомственности финансового департамента Главного управления [РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 11а. Ч. 1. Л. 110].

При осуществлении своих полномочий четкого регулирования и учета требовало движение колоссального объема документации, входящей и исходящей корреспонденции, коммуникации между департаментами и структурными подразделениями Управления. Поэтому в анализируемом положении значительное место отведено порядку производства дел, причем на всех стадиях: поступление дел (возбуждение производств), порядок их учета, контроль за исполнением принятых решений и т.п.

В регистратуре Главного управления велись 2 учетные книги. В первой фиксировались Именные Высочайшие указы, указы Правительствующего Сената и отношения Председателя и Управляющего делами Кавказского комитета, Министерств и ведомств. Во второй – остальные бумаги, направляемые на имя Кавказского наместника и начальника Главного управления [РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 11а. Ч. 1. Л. 112]. Помимо этого, в регистратуре вели алфавитный журнал жалобам и просьбам, подаваемым на имя Наместника. В регистратуре каждому документу присваивался идентификационный номер, после чего документы направляли на рассмотрение в профильные структурные подразделения Управления. По особо важным делам вели специальный реестр документов для первоочередного рассмотрения.

Большой массив документов Главного управления составляла переписка Наместника. В нее включались: 1. объявления Высочайших повелений; 2. объявления Высочайших приказов; 3. объявления собственных приказов Наместника; 4) Всеподданнейшие донесения Императору и рапорты в Правительствующий Сенат; 5) переписка с министрами; 6) предписания департаментам и служащим [РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 11а. Ч. 1. Л. 113]. Специальный пункт анализируемого Положения устанавливал правило, согласно которому «никакая исполнительная бумага не исходит из Департамента, не быв записанною в исходящий журнал» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 11а. Ч. 1. Л. 114]. Для этого велись общие по каждому департаменту исходящие журналы. Обязательным требованием делопроизводства в управлении была обязательная ежемесячная ревизия дел в департаментах, порядок которой определялся в анализируемом Положении.

Департаменты были обязаны ежегодно отчитываться о проделанной работе. Как правило, периодичность отчетов устанавливалась в 1 год. Отчеты представлялись по двум основным направлениям: по финансовому обеспечению и о проделанной работе по существу. На основании отчетов всех структурных подразделений Управления под руководством начальника Управления составлялся сводный отчет в виде «проекта Всеподданнейшего

отчета Наместника кавказского по всему управлению вверенным ему краем» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 11а. Ч. 1. Л. 115]. Составленный таким способом отчет рассматривался на общем собрании руководителей структурных подразделений Управления, к нему добавлялись предложения. После чего все это было предложено на рассмотрение Наместнику для последующего представления Императору.

Департамент общих дел состоял из инспекторского и распорядительных отделений. Кроме того, он координировал деятельность общих для всего Управления регистратуры и архива, а также – Тифлисская публичная библиотека, редакции газеты «Кавказ» и Закавказского вестника и Типография главного управления Наместника кавказского. В штатном расписании по этой структурной единицы управления предусматривались должности директора департамента, трех начальников управлений, трех старших и трех младших столоначальников, трех старших и трех младших помощников столоначальников, журналиста (совмещавшего должность экзекутора и расходчика) и чиновника особых поручений. Кроме того, к этому департаменту были отнесены и должности начальника архива и его помощника, архитектора, землемера, общего регистратора, двух письменных и двух словесных переводчиков и врача [РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 11а. Ч. 1. Л. 121].

Департамент судных дел состоял из двух отделений и одного общего стола. В него входили отделение уголовных (для утверждения приговоров уголовных и военных судов и решений, принятых по упрощенной форме над оставными военными по определенным категориям дел, жалобы должностных лиц на неправильные решения судов, решение спорных вопросов в области исполнения судебных приговоров, дела о ссылках преступников и т.д.) и гражданских дел (подсудные Кавказскому наместнику, случаи приостановления Наместником исполнения указов Сената, жалобы на решения Тифлисского коммерческого суда, об установлении опеки и попечительства, продажи имущества малолетних, спорные вопросы подсудности гражданских дел, обсуждение поправок в нормативные акты, рассмотрение протестов и замечаний губернских прокуроров и стряпчих, жалобы на решения и медлительность производства гражданских дел в губернских учреждениях, дела о различных формах усыновления, дела и вопросы по определению прав различных сословий и т.д.). Общий стол департамента судных дел оказывал организационное сопровождение его деятельности. В штатном расписании по этому департаменту предусматривались должности директора, двух начальников отделений, двух старших и трех младших столоначальников, двух старших и трех младших помощников столоначальников, а также – как и в департаменте общих дел журналиста (совмещавшего должности экзекутора и расходчика) и чиновника особых поручений [РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 11а. Ч. 1. Л. 122].

Финансовый департамент также состоял из трех отделений: двух распорядительных и одного счетного. К общему составу и непосредственному ведомству данного департамента принадлежит Казначейство Главного управления. Финансовый департамент осуществлял высший надзор и

распоряжение по делам таможенного управления в крае, вопросы внешней и внутренней торговли, поощрение заводской и мануфактурной промышленности, любые отчисления в казну, денежные земские повинности, руководство хозяйственными и распорядительными действиями управления Горной частью на Кавказе и за Кавказом, «высшее счетоводство по местным доходам и расходам Государственного казначейства» и т.п. [РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 11а. Ч. 1. Л. 117]. Таким образом, в этом департаменте решались вопросы по таможенной части, а также – по мануфактуре и торговле, податей и сборов, денежных земских повинностей. Во втором распорядительном отделении финансового департамента рассматривались вопросы «винного и акцизных сборов и питей и табаку», по «горной и соляной частям» и др. [РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 11а. Ч. 1. Л. 118]. К ведению счетного отделения относились бухгалтерия и контроль. Для организации деятельности департамента предусматривались должности директора, двух начальников отделений, двух старших и двух младших столоначальников, двух старших и двух младших помощников столоначальников. В счетном отделении предусматривалась должности начальника, старшего бухгалтера, бухгалтера, старшего контролера, контролера, двух счётных чиновников, журналиста (также совмещавшего должности эскутера и расходчика), а также – чиновника особых поручений. Кроме того, в штате департамента для осуществления полномочий главного управления в целом должности казначея, помощника казначея и трех счетоводов [РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 11а. Ч. 1. Л. 123].

В департаменте «государственных имуществ» были сосредоточены все дела «Главного управления Наместника кавказского по части государственных имуществ (кроме лесов и садов) и попечительству над свободными сельскими обывателями (за исключением иностранных поселенцев) в Закавказском крае и Ставропольской губернии» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 11а. Ч. 1. Л. 119]. Он состоял из двух отделений и особого счетного стола. В первом отделении рассматривались вопросы, относящиеся к государственному имуществу, попечительство над свободными сельскими обывателями по губерниям Закавказского края, и общие дела по инспекторской части о чинах, принадлежавших к управлению государственным имуществом по всему ведомству Кавказского наместника. Во втором отделении – дела по имуществу государства и попечительству в Ставропольской губернии и «по управлению Грузинскими церковными установлениями» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 11а. Ч. 1. Л. 120]. Счетный стол заведовал общей бухгалтерией и контрольной частью над обеими отделениями департамента. В штате департамента государственных имуществ предусматривались должности директора, двух начальников отделений, одного старшего и двух младших столоначальников, одного старшего и двух младших помощников столоначальников, контролера (совмещавшего должность бухгалтера), двух землемеров, журналиста (совмещавшего должность эскутера и расходчика) и чиновника особых поручений [РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 11а. Ч. 1. Л. 124].

Особое управление сельского хозяйства состояло из лесной и сельскохозяйственной частей. Основные компетенции департамента заключались в

заведывании лесным фондом Кавказа и Закавказья и развитии сельского хозяйства и управления колониями иностранных поселенцев в крае. Для этой структуры главного управления в штате предусматривались должности начальника управления, помощника начальника управления, начальника лесной части (штаб-офицера корпуса лесничих), старшего и младшего делопроизводителей, старшего и младшего помощников делопроизводителей, журналиста, двух инженеров-гидравликов, двух их помощников и землемера [РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 11а. Ч. 1. Л. 124].

К числу особых управлений при Главном управлении Кавказского наместника относились особое присутствие по Закавказскому краю о земских повинностях и Временное отделение по делам гражданского устройства края. Председателем особого присутствия о земских повинностях был начальник Главного управления. Присутствие состояло из департамента общих дел и финансового и департамента государственного имущества. Особое присутствие имело собственную канцелярию, состоявшую из секретаря и бухгалтера-контролера. Временное отделение по делам гражданского устройства края находилось в непосредственном ведении Кавказского наместника и состояло из Управляющего, трех редакторов и их трех помощников и других чиновников [РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 11а. Ч. 1. Л. 125].

Совет Наместника состоял из присутствия и канцелярии. Во главе Совета был председатель, «Высочайше к тому назначенный из определенного штатом числа непрременных членов» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 11а. Ч. 1. Л. 121]. Помимо этого, в состав Совета входили 8 членов. На заседания Совета могли быть приглашены директора департаментов и начальник особого управления сельского хозяйства и колоний иностранных поселенцев. Для сопровождения деятельности Совета была учреждена особая канцелярия во главе с «правителем дел совета». Также в канцелярии предусматривались должности старшего и двух младших помощников «правителя дел» (при чем один из младших помощников состоял в прямой подведомственности председателя Совета) и журналиста [РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 11а. Ч. 1. Л. 126].

Заключение

Таким образом, преобразование Главного управления Закавказским краем, Совета главного управления и канцелярии Наместника Кавказа в Главное управление и Совет Наместника кавказского в 1858 г. было обусловлено такими предпосылками, как: присоединение к России новых территорий и народов, увеличение числа административно-территориальных единиц в составе Кавказского края, увеличение объема делопроизводственных документов и финансовых затрат на содержание управленческого персонала, потребность в повышении эффективности принимаемых властями решений и упрощении коммуникации с другими учреждениями власти и контроля и т.п. В целом, Главное управление представляло собой полипрофильное учреждение, в структуре которого предусматривались ведавшие общими, финансовыми, судебными, имущественными вопросами подразделения. Так, при Наместнике Кавказа было создано административное учреждение, для реализации им

полномочий как высшего должностного лица в крае, определения основных направлений освоения и развития кавказского региона, обеспечения исполнения распоряжений Императора и высших органов государственной власти Российской империи.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Глашева 2018a – *Глашева З.Ж.* Формирование центральных органов управления Кавказом в 30-50-е годы XIX века // Научный диалог. – 2018. – № 7. – С. 224-234. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-7-224-234>

Глашева 2018b – *Глашева З.Ж.* Особенности гражданского и военного управления Кавказом в 50–60-е годы XIX в. // Электронный журнал «Кавказология». – 2018. – № 3. – С. 45-53. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-3-45-53>

Гусейнов 2017 – *Гусейнов М.Ш.* Создание царизмом Кавказского наместничества (1845-1846 гг.) // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2017. – Т. 32. – № 1. – С. 14-21. DOI: <https://doi.org/10.21779/2542-0313-2017-32-1-14-21>

Кондрашова 2003 – *Кондрашова А.С.* Кавказское Наместничество и его деятельность на Северном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.). Дис. ... канд. ист. наук. – Ставрополь, 2003. – 320 с.

Лазарян 2012 – *Лазарян С.С.* Необходимость, назначение и характер Кавказского Наместничества в правление Николая I // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 1. – С. 375-379.

Лисицына 2001 – *Лисицына Г.Г.* Кавказский комитет – высшее государственное учреждение для управления Кавказом (1845–1882) // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. Исторические чтения. – СПб.: СПбГУ, 2001. – С. 154-168.

Малахова 2001 – *Малахова Г.Н.* Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII-XIX вв. – Ростов-н/Д: Издательство СКАГС, 2001. – 392 с.

Мунаев 2010 – *Мунаев В.С.* Деятельность М.С. Воронцова на Кавказе в 1844–1854 гг. // Вопросы истории. – 2010. – № 10. – С. 105-118.

Муханов 2007 – *Муханов В.М.* Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. – М.: Центрполиграф, 2007. – 228 с.

Муханов 2011 – *Муханов В.М.* Проект преобразований в кавказском корпусе князя А.И. Барятинского и отзыв на него Н.Н. Муравьева-Карского (1856) // Кавказский сборник. Т. 7 (39) / Под ред. В.В. Дегоева. – М.: Русская панорама, 2011. – С. 291-313.

Невская, Кондрашева 2015 – *Невская Т.А., Кондрашева А.С.* Северный Кавказ. Традиционное общество и реформы (конец XVIII – начало XX вв.). – Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2015. – 368 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург).

Свод законов... 1857 – *Свод законов* Российской империи, издания 1857 г. Т. 3. Ч. II – Особые губернские учреждения. – СПб.: Типография второго отделения собственного Его Императорского Величества канцелярии, 1857. – С. 1-91.

Урушадзе 2011 – *Урушадзе А.Т.* Кавказский комитет и Кавказский наместник: формирование и особенности взаимоотношений в 1845-1854 гг. // Вестник Южного научного центра РАН. – 2011. – Т. 7. – № 4. – С. 96-100.

Урушадзе 2016 – *Урушадзе А.Т.* Кавказ: взаимодействие культур (конец XVIII – середина XIX вв.). – Ростов-н/Д: Издательство Южного Федерального университета, 2016. – 280 с.

Урушадзе 2019 – *Урушадзе А.Т.* Другая Кавказская война: Кавказский наместник VS царские министры (1844-1853) // Уральский исторический вестник. – 2019. – № 3 (64). – С. 31-39. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-3\(64\)-31-39](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-3(64)-31-39)

Эсадзе 1907 – Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. – Тифлис: Типография «Гуттенберг», 1907. Т. I. – 616 с.

REFERENCES

ESADZE S.S. *Istoricheskaya zapiska ob upravlenii Kavkazom* [Historical note on the governance of the Caucasus]. – Tiflis: Tipografiya «Guttenberg», 1907. Vol. I. – 616 p. (In Russian)

GLASHEVA Z.Zh. *Formirovanie tsentral'nykh organov upravleniya Kavkazom v 30-50-e gody XIX veka* [Formation of central authorities of the Caucasus in the 1830s-1850s]. IN: *Nauchnyi dialog*. – 2018. – No 7. – P. 224-234. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-7-224-234> (In Russian)

GLASHEVA Z.Zh. *Osobennosti grazhdanskogo i voennogo upravleniya Kavkazom v 50–60-e gody XIX v.* [Features of civil and military administration of the Caucasus in the 1850s-1860s.] IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2018. – No 3. – P. 45-53. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-3-45-53> (In Russian)

GUSEINOV M.Sh. *Sozdanie tsarizmom Kavkazskogo namestnichestva (1845–1846 gg.)* [Creation by tsarism of the Caucasus municipality (1845-1846)]. IN: *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. – 2017. – Vol. 32. – No 1. – P. 14-21. DOI: <https://doi.org/10.21779/2542-0313-2017-32-1-14-21> (In Russian)

KONDRASHOVA A.S. *Kavkazskoe Namestnichestvo i ego deyatel'nost' na Severnom Kavkaze (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). Dis. ... kand. ist. nauk.* [Caucasus Namtstnichestvo and its activities in the North Caucasus (second half of the 19th – early 20th century). The dissertation for the Candidate of Historical sciences degree]. – Stavropol', 2003. – 320 p. (In Russian)

LAZARYAN S.S. *Neobkhodimost', naznachenie i kharakter Kavkazskogo Namestnichestva v pravlenie Nikolaya I* [Necessity, appointment and character of the Caucasus Municipality in the board of Nikolai I] IN: *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. – 2012. – No 1. – P. 375-379. (In Russian)

LISITSYNA G.G. *Kavkazskii komitet – vysshee gosudarstvennoe uchrezhdenie dlya upravleniya Kavkazom (1845–1882)* [The Caucasus Committee is the highest government agency for the administration of the Caucasus (1845-1882)] IN: *Rossiya i Kavkaz – skvoz' dva stoletiya. Istoricheskie chteniya* [Russia and the Caucasus – through two centuries. Historical readings]. – SPb.: SPbGU, 2001. – P. 154-168. (In Russian)

MALAKHOVA G.N. *Stanovlenie i razvitie rossiiskogo gosudarstvennogo upravleniya na Severnom Kavkaze v kontse XVIII–XIX vv.* [Formation and development of Russian public administration in the North Caucasus in the late 18th-19th centuries]. – Rostov-n/D: Izdatel'stvo SKAGS, 2001. – 392 p. (In Russian)

MUKHANOV V.M. *Pokoritel' Kavkaza knyaz' A.I. Baryatinskii* [Prince A.I. Baryatinsky, Conquerer of the Caucasus]. – M.: Tsentrpoligraf, 2007. – 228 p. (In Russian)

MUKHANOV V.M. *Proekt preobrazovaniia v kavkazskom korpuse knyazya A.I. Baryatinskogo i otzyv na nego N.N. Murav'eva-Karskogo (1856)* [The project of transformations in the Caucasus corps of Prince A.I. Baryatinsky and the review of it by N.N. Muraviev-Karsky (1856)] IN: *Kavkazskii sbornik*. Vol. 7 (39). Ed. by V.V. Degoev. – M.: Russkaya panorama, 2011. – P. 291-313. (In Russian)

MUNAEV V.S. *Deyatel'nost' M.S. Vorontsova na Kavkaze v 1844–1854 gg.* [Activities of M.S. Vorontsov in the Caucasus in 1844-1854] IN: *Voprosy istorii*. – 2010. – No 10. – P. 105-118. (In Russian)

NEVSKAYA T.A., KONDRASHEVA A.S. *Severnyi Kavkaz. Traditsionnoe obshchestvo i reformy (konets XVIII – nachalo XX vv.)* [North Caucasus. Traditional society and reforms (late XVIII – early XX centuries)]. – Stavropol': Severo-Kavkazskii federal'nyi universitet, 2015. – 368 p. (In Russian)

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] (g. Sankt-Petersburg).

Svod zakonov Rossiiskoi imperii, izdaniya 1857 g. T. 3. Ch. II – Osobyie gubernskie uchrezhdeniya [Code of Laws of the Russian Empire, editions 1857. Vol. 3. Part 2 – Special Provincial Institutions]. – SPb.: Tipografiya vtorogo otdeleniya sobstvennogo Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1857. – P. 1-91. (In Russian)

URUSHADZE A.T. *Drugaya Kavkazskaya voina: Kavkazskii namestnik VS tsarskie ministry (1844-1853)* [Other Caucasus War: Caucasus Viceroy vs Royal Ministers (1844-1853)] IN: *Ural'skii istoricheskii vestnik*. – 2019. – No 3 (64). – P. 31-39. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-3\(64\)-31-39](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-3(64)-31-39) (In Russian)

URUSHADZE A.T. *Kavkaz: vzaimodeistvie kul'tur (konets XVIII – seredina XIX vv.)* [Caucasus: interaction of cultures (late XVIII – mid-XIX centuries)]. – Rostov-n/D: Izdatel'stvo Yuzhnogo Federal'nogo universiteta, 2016. – 280 p. (In Russian)

URUSHADZE A.T. *Kavkazskii komitet i Kavkazskii namestnik: formirovanie i osobennosti vzaimootnoshenii v 1845-1854 gg.* [Caucasus Committee and Caucasus viceroy: formation and peculiarities of relations in 1845-1854.] IN: *Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2011. – Vol. 7. – No 4. – P. 96-100. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ*Гипотезы, дискуссионные проблемы*

УДК 930.1

DOI 10.31143/2542-212X-2019-4-49-62

**СТЕПНОЙ ФРОНТИР В ЧЕРКЕССКОЙ ИСТОРИИ:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ¹****С.Х. ХОТКО**

*Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева
385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Краснооктябрьская, 13
E-mail: inalast@mail.ru*

Аннотация. Наряду с утвердившимся подходом исследования северокавказского фронта как зоны российско-северокавказского взаимодействия, существует, как представляется, более продуктивная возможность изучения крымско-северокавказского фронта (как в плане оппозиции Крымское ханство – Северный Кавказ, так и в плане единой фронтальной зоны, располагавшейся между Российской и Османской империями). Теория фронта сама по себе не является достаточным инструментом для объяснения генезиса черкесского этнополитического пространства (сообщества княжеств). Она должна дополняться другими идеями, позволяющими реконструировать процессы взаимодействия «горцев» и степняков. Для понимания того, как в непосредственной близости с миром кочевников развивался черкесский этнос, особое значение имеет применение исторического закона «вызова и ответа» (А.Дж. Тойнби). Теоретическая база фронтальных исследований хорошо согласуется с геополитическим подходом, согласно которому Российская империя сформировалась на базе евразийского Хартленда (Х.Дж. Маккиндер) или *core area* «срединной территории» (Дж.П. ЛеДонн) и в силу базовых географических, экономических и демографических факторов должна была освоить все порубежные земли.

Ключевые слова: степной фронт; срединная территория; Хартленд; российская колонизация; крымско-черкесский фронт; Черкесия.

**THE STEPPE FRONTIER IN THE CIRCASSIAN HISTORY:
TO STATEMENT OF THE PROBLEM****S.Kh. KHOTKO**

Adyghe Republican Institute for Humanitarian Studies named after T.M. Kerashev

---

¹ Статья подготовлена на основе доклада, представленного на региональной научной конференции «Проблемы истории и культуры народов Центрального и Северо-Западного Кавказа». К 70-летию Заслуженного деятеля науки КБР, доктора исторических наук В.Х. Кажарова. (г. Нальчик, 21 ноября 2019 г.).

385000, Republic of Adygea, Maikop, Krasnooktyabrskaya st., 13

E-mail: inalast@mail.ru

Abstract. Along with the established approach to the study of the North Caucasian frontier as a zone of Russian-North Caucasian interaction, the opportunity to study the Crimean-North Caucasian frontier (both in terms of the opposition Crimean Khanate – the North Caucasus, and in terms of the single frontier zone located between the Russian and Ottoman Empires) seems to be a more productive. Frontier theory alone is not a sufficient tool to explain the genesis of the Circassian ethno-political space (community of principalities). It should be supplemented by other ideas that let us reconstruct the processes of interaction between «highlanders» and nomads. To understand how the Circassian ethnos developed in close proximity to the nomads' world, the application of the historical law of “challenge and response” (A.J. Toynbee) has a particular importance. The theoretical base of frontier researches fits well with the geopolitical approach, according to which the Russian Empire was formed on the basis of the Eurasian *Heartland* (H.J. Mackinder) or the *core area* “median territory” (J.P. LeDonne) and due to the basic geographical, economic and demographic factors, it was supposed to master all the foreign lands.

Keywords: steppe frontier; core area; Heartland; Russian colonization; Crimean-Circassian frontier; Circassia.

В последние два десятилетия в отечественной историографии истории Северного Кавказа наблюдается крайне неспешный, непоследовательный процесс усвоения теоретических наработок фронтальных исследований, восходящих к основополагающей работе Фредерика Тёрнера (1861-1932) [Тёрнер 2009]. Закономерно, что первая публикация такого плана является переводом на русский язык статьи западного специалиста – Томаса Барретта, хорошо знакомого с достижениями и недостатками применения данной концепции в американской и европейской историографии. Т.М. Барретт подчеркивает, что изначальная авторская концепция, принадлежащая Ф.Дж. Тёрнеру, едва ли применима как к реалиям российской колонизации, так и в отношении американского фронта, для понимания которого историки разработали существенно более сложную и дифференцированную теоретическую базу [Барретт 2000: 168].

А.П. Романова, философ по специальности, при гораздо более скромном уровне исторической эрудиции и овладения источниками, чем это демонстрирует Т.М. Барретт, рассуждает на тему применимости фронтальной теории к истории российской колонизации Кавказа [Романова 2014]. Она справедливо подчеркивает неприменимость прямого переноса оппозиции *цивилизация-дикость* на русско-северокавказское взаимодействие: «Гораздо сложнее дело обстоит с одной из базовых классических характеристик фронта – местом контакта дикости и цивилизации. На этапе раннего фронта на Кавказе вольные массы беглых казаков находились на одном цивилизационном уровне с основной массой горцев, а в некоторых случаях уступали им. “Когда мы говорим о контактах между русскими и кавказцами (цитата из монографии С.А. Козлова [Козлов 2002: 13], прим. С.Х.), то это вовсе не был контакт между цивилизованным народом и дикарями. Казаки того времени, видимо, стояли на одном уровне развития с чеченцами и кумыками и,

конечно, были на более низком уровне, чем адыги, в то время подданные кабардинских князей, и сами кабардинцы”» [Романова 2014: 455].

В соавторстве с М.С. Топчиевым, А.П. Романова упоминает о правомерности рассмотрения фронта как контактной, диалоговой зоны встреч различных культур [Романова, Топчиев 2014: 286]. Тем не менее, по прочтении статьи этих авторов складывается впечатление о склонности к переносу тёрнеровского понимания, что в условиях РФ выглядит как выраженный идеологический подход. Не изучив в достаточной степени источники, по статьям и книгам очень небольшого круга специалистов, пишущих о казачестве, при полном отсутствии ссылок на работы, в которых анализируется общественный строй северокавказских народов, процесс политогенеза, связи с ведущими *акторами*, такими как Крымское ханство, Османская империя, за счет принижающих оценок (в отношении политического развития, экономики региона) постулируется Кавказский фронт, как зона цивилизационного освоения его Российской империей.

А.П. Романова с соавтором полностью игнорируют такой значимый и много дающий для анализа данной проблематики вид исторического источника как политико-географические карты Кавказа XVI–XIX веков: отдельно Кавказа, Кавказа на фоне больших пространств: Европы, России, Крымского ханства, Османской империи, Ирана. Картографические источники показывают процесс приближения российской границы к Северному Кавказу, более ранние и современные российскому процессу колонизации региона изменения крымских, османских и иранских границ. Карты демонстрируют как точные, обусловленные международными договорами границы, так и их в значительной степени неопределенное и изменчивое состояние в XVI в. – первой половине XVIII в., когда Крымское ханство и Россия (Русское централизованное государство, Российская империя) боролись за преобладающее влияние над Черкесией, занимавшей равнинное Предкавказье от Таманского «острова» до долины Сунжи.

Так, Гийом Делиль, работая над русским правительственным заказом, в 1723 г. поместил вдоль черкесского пограничья надпись: «Страны, зависимые от хана татар» [Delisle 1723]. Гийом Сансон в начале 1700-х гг. поместил надпись на северном, степном секторе Северного Кавказа: «Границы стран (подвластных) царю или великому князю Московии» [Sanson 1710]. Только на примере картографических «легенд» можно отследить изменчивость северокавказского фронта, его включенность в более обширную фронтальную зону между Крымским ханством и Российской империей.

Заметим, что полное выпадение Черкесии из поля зрения указанных авторов, привело к потере благодатной исследовательской возможности рассмотрения на ее примере концепции фронта. Более того, поскольку Черкесия (в отдельные периоды полностью, а в другие – частично) была османской вассальной территорией, то надо бы подумать и о русско-османском фронте на Северном Кавказе. После 1700 г. две могущественные империи имели здесь непосредственную границу, а линия фронта начиналась в

османской Молдавии и через все Северное Причерноморье доходила до шамхальства в Северном Дагестане.

Подход А.П. Романовой и М.С. Топчиева игнорирует государственные границы, пребывание северокавказских политических объединений в составе Османской империи, Крымского ханства, но настаивает на фрагментарности, разорванности, изолированности северокавказских обществ, каждое из которых существовало как-бы само по себе. Это низводит уровень политической истории региона до образов североамериканского тёрнеровского фронта, населенного некими храбрыми охотниками, добытчиками, туземцами. В нашем случае, это храбрые джигиты, которые по какой-то причине до прихода Российской империи жили отдельными деревнями и никому не подчинялись. И вот к ним подселелись вольные люди, казаки, основавшие на Среднем Тереке свои укрепленные станицы. Без разрешения кабардинских князей, самого Темрюка Идаровича, тестя русского царя, влиятельного *актора* международных отношений (русско-черкесско-ногайско-крымско-османских), никакие казаки селиться в этом районе не посмели бы. Первые русские крепости и поселения во владениях Темрюка Идаровича, в домен которого входила долина Сунжи, появлялись как результат русско-черкесских договоренностей, но ни в коем случае не как следствие миграций «вольного казачества». А ликвидировались эти крепости по требованию крымского хана и османского султана. Не стоит упускать из вида, что крымский, степной фронт охватывал огромные площади «Дикого поля», упирался в русскую укрепленную линию по р. Ока (так называемый «Берег»), а сила и мобильность крымских армий позволили им дважды достигать Москвы (в 1521 и 1571 гг.).

В наиболее концептуальном виде возражение против прямолинейного переноса теории фронта на северокавказскую почву периода Кавказской войны представлено в статье Э.А. Шеуджен: «Даже краткий экскурс в историческое прошлое свидетельствует о “вписанности” северокавказских этносов в основные вехи поступательного развития народов в аналогичные периоды исторического прошлого. Следовательно, утверждение о северокавказском фронте как “рубеже”, “границе”, где встречаются “цивилизация” и “дикость”, не имеет, на мой взгляд, научных оснований. Идея фронта как “границы” с момента вхождения Северного Кавказа в состав России теряет реальный смысл и может быть рассмотрена как искусственное, умозрительное построение» [Шеуджен 2006: 83]. Это мнение поддержано исследователем «Калмыцкого фронта» А.А. Андреевой: «Фронт перестал пониматься только как пограничная территория между дикостью и цивилизацией. Фронт стал рассматриваться как территория между «Своими и Чужими», как разлом цивилизаций, как контактная диалоговая зона встреч различных культур» [Андреева 2016: 131].

В то же время, Э.А. Шеуджен подчеркивает, что «порубежье между народами Северного Кавказа и Россией существовало на протяжении многих веков, приобретая различную конфигурацию: от условной “контактной зоны” до жестко разделительных военно-стратегических линий». Отмечая, что северокавказский регион никогда не воспринимался как незаселенное,

свободное пространство, она констатирует, что «народы Северного Кавказа в течение веков находились в южной зоне российского (европейского) фронта» [Шеуджен 2006: 80–81].

Кроме территориальных аспектов, Э.Х. Шеуджен подчеркивает очень важное влияние, которое в рамках фронтального взаимодействия народы Северного Кавказа оказали на российскую военную и интеллектуальную элиту. Это своеобразное «заражение» подданных российского императора духом свободы. «“Государь! – писал в феврале 1819 г. А.П. Ермолов в рапорте Александру I. – внешней войны опасаться не можно... внутренние беспокойства гораздо для нас опаснее! Горские народы примером независимости своей в самых подданных вашего Императорского величества порождают дух мятежный и любовь к независимости”» [Шеуджен 2006: 79].

Наряду с утвердившимся подходом исследования северокавказского фронта как зоны российско-северокавказского соприкосновения, существует, как представляется, более эффективная возможность изучения крымско-северокавказского фронта (как в плане оппозиции Крымское ханство – Северный Кавказ, так и в плане единой фронтальной зоны). В рамках этого подхода на первый план выходят не даты утверждения российского влияния в Дагестане и Грузии (такие, как Георгиевский трактат 1783 г.), а даты крымско-ногайско-черкесской истории: 1708 г. – Канжальская битва, 1539-1551 гг. – походы в Черкесию Сахиба I Герая. Рубежной датой здесь оказывается все тот же 1783 г., когда Екатерина II своим указом ликвидировала Крымское ханство, а крымский степной фронт уступил место российскому, имперскому фронту.

В рамках данного подхода в поле зрения ученых оказывается Крым и причерноморские районы Кавказа. Особое значение в истории контактов Крыма и Кавказа имел Таманский «остров», почти всегда служивший своеобразным продолжением Крыма и его внутреннего Керченского полуострова (с располагавшимся на нем Пантикапеем). Крым на протяжении нескольких тысяч лет переживал те же культурные эпохи, что и Северный Кавказ. Волны кочевнических миграций из глубинных областей Евразии (скифо-сарматская и тюрко-монгольская эпохи), а также волны колонизаций со стороны Средиземноморья (эллины, римляне, византийцы, гунны, османы) воздействовали на Кавказ и Крым, формируя единые цивилизационные ареалы, а также единые линии соприкосновения культур моря и степи (сквозной фронт, проходивший как ось через Крым и Кавказ). Крымский полуостров заполнялся средиземноморскими и кочевническими коллективами, воспроизводившими здесь свои политические институты. Боспорское царство на протяжении всей античной эпохи и Крымское ханство на протяжении XV–XVIII вв. выполняли роль политического центра для этносов Северо-Западного Кавказа (меотов и черкесов соответственно). Плацдарм и инструмент больших империй и сама империя в миниатюре, Крым стал частью истории Кавказа и его изучение для адыгской истории более значимо, чем история контактов с Дагестаном и Грузией.

Крымская Кубань являлась порубежной территорией с 1695 г. (первый азовский поход Петра I) по 1772 г. (поражение ханства в войне с Российской империей). После 1700 г. обозначилось стремление Порты ограничить военную активность крымских ханов на русском направлении, тогда как Москва, напротив, активно продвигала укрепленные линии в направлении Крыма.

В этой обстановке, которую можно охарактеризовать как сдавливание Крымского ханства, возникла эпическая фигура Бахты Герая (сына хана Девлета II Герая), превратившегося с 1713 г. в самостоятельного правителя Кубани (как ее ногайского правобережья, так и черкесского левобережья): «на Кубани салтаном учинился собою» [Кабардино-русские... 1957: 19]. Незадолго перед тем, в 1711 г., во время русско-турецкой войны, в отсутствие основных сил ханства, направленных на помощь османской армии в Молдавии, П.М. Апраксин во главе русско-калмыцкого корпуса нанес жесточайший урон татарскому и ногайскому населению: «Русско-калмыцкие войска методично уничтожали ногайские улусы на Кубани “для самага [их] оскудения”; более 16 тыс. кубанских ногайцев были убиты и около 22 тыс. взяты в плен калмыками. <...> Таким образом, в результате похода П.М. Апраксина Прикубанье превратилось в опустошенный край» [Грибовский, Сень 2013: 109].

В 1715 г. Бахты Герай взял реванш, совершив масштабный поход против калмыков хана Аюки, разорив его ставку и уничтожив около трех тысяч человек. Он вывел из-под Астрахани множество татар и ногайцев (11,500 кибиток), усилив, таким образом, демографический и оборонный потенциал Кубани. В 1717 г. в статусе *калги* Бахты Герай возглавил крупный рейд по русским землям. Его действия шли вразрез с распоряжениями крымского и османского правительств. О характере его отношений с черкесами сообщали татарские перебежчики, согласно которым Бахты приглашал («подзывал с собою») к участию в походе на Черкасск (столицу Войска Донского) темиргоевцев и бесленеевцев [Грибовский, Сень 2013: 109]. В 1723 г. Бахты Герай находился в Хатукае, а половина его отряда состояла из черкесов.

В августе 1724 г. Бахты вступил в Крым и, фактически, стал его хозяином. В октябре 1724 г. Порта сместила хана Сеадета Герая. Большая часть крымской знати была за Бахты, но османское правительство даже не рассматривало его кандидатуру, опасаясь реакции России. Ханом стал Менгли II Герай (1724–1730), войска которого вытеснили Бахты из Крыма. Русский обозреватель называет Бахты Герая в апогее его славы «чиркасским принцем», что отражает как его власть и авторитет среди черкесов, так и значение черкесов в составе его армии [Грибовский, Сень 2013: 126]. Весной 1729 г. Бахты Герай с небольшим отрядом отправился к темиргоевцам «для взятая от них обыкновенной дани, которые-де черкесы давали ему... в дань тысячу ясырей». Ночью черкесы напали на лагерь султана, убив его вместе с братом-сераскером [Грибовский, Сень 2013: 132]. По другим данным, этот типичный фронтальный лидер погиб в Кабарде.

Кочевническое, мусульманское население Кубани, начиная с середины XVII в. вело крайне милитаризированный образ жизни. Это была полная опасностей, невзгод и дальних военных и грабительских рейдов

повседневность жителей пограничной зоны. Демографический анализ костных образцов показывает, что кубанские ногайцы жили меньше и питались хуже, чем население этих мест периода раннего железного века, в частности, «число доживающих до старости (50 лет) выше у меотского населения» (сопоставление данных меотского могильника IV в. до н.э. Лебеди III и мусульманского могильника XVII–XVIII вв. Лебеди I) [Романова 1986: 198–199].

Согласно М. Ходарковскому, «большинство обществ на каком-то этапе были обществами фронта» [Ходарковский 2002: 9]. Это понимание фронта открывает значительное поле возможностей для интерпретации черкесской истории, основанной на достижениях авторов, продвинувших понимание данной теории. Заслуживает внимания наблюдение М. Ходарковского о том, что Россия до конца XVIII в. «была типичнейшим обществом фронта, где легко проницаемые пограничные зоны вкупе с недостаточно четко определенными политическими и территориальными границами служили приглашением к постоянной экспансии» [Ходарковский 2002: 7]. То есть, окраинные земли, на которых не сложились государства (за исключением Крымского ханства) посылали своего рода запрос на расширение империи и прямо призывали (в лице, например, кабардинских князей) российские войска, предлагали возводить на своей территории укрепления. В случае с ханством, такое «приглашение» к экспансии не носило формального характера, но само существование рыхлой, кочевнической территории в Северном Причерноморье и на Кубани (т.е. всего ханства за пределами Крымского полуострова), не освоенной татарами в виде крепостей, городов, агрикультурных ландшафтов, создавало геополитическую обусловленность российской экспансии.

М. Ходарковский отмечает, что Россия на протяжении XVI–XVIII вв. прошла «постепенную трансформацию из уязвимо общества фронта в колониальную империю» [Ходарковский 2002: 11]. Тут же заметим, что Черкесия (сообщество княжеств, представлявших собой сложные вожества или аналоги раннего государства) в силу географических и демографических условий не имела шанса на прохождение такой трансформации, на осуществление масштабной территориальной экспансии в Степь, занятие ее укрепленными поселками. Освоение ближайшей степной зоны между Кубанью и Доном имело место в XIV–XV вв. [Волков 2002: 158–160] и было прервано после 1475 г. крымско-османской экспансией. В античный период колонизация этого региона была успешно осуществлена меотами, процветание и само нахождение которых на правом берегу Кубани и в Восточном Приазовье было прекращено вторжениями готов и алан. Через призму фронта может быть рассмотрена и проблема адыгского освоения Кабарды (Центрального Предкавказья): по крайней мере, в источниках есть свидетельства борьбы за этот регион между черкесами и татарами Большой Орды [Памятники... 1884: 255].

Критерии применимости фронта убедительно сформулированы на основе исторического опыта колонизации Сибири И.П. Басалаевой [Басалаева 2012: 46–49]. Этот специалист склонен, тем не менее, к переносу тёрнеровского понимания одного из главных критериев. «Одна из этих групп (доминантная), – отмечает И.П. Басалаева, характеризуя этнокультурную неоднородность групп,

которые вошли во фронтирное взаимодействие, – имеет отношение к «имперской» (то есть ориентированной на территориальную экспансию и господство, на присвоение «права владеть пространством») государственности и демонстрирует культуртрегерские амбиции. Вторая сторона идентифицируется в эволюционистской системе координат – как «примитивное общество». <...> В ситуации сибирского фронта речь идет в широком смысле о столкновении оседлого и кочевого миров» [Басалаева 2012: 47].

Говоря о применимости фронтирной теории к Кавказу, Т.М. Барретт начинает с двух очевидно неверных посылов: «Я попытаюсь доказать, что российское продвижение через Северный Кавказ было чем-то большим, чем просто завоевание: оно было также и процессом образования «фронта» – приграничной, порубежной зоны, – включавшим внутреннюю и внешнюю миграцию большого числа населения, оседание на новых местах, образование новых сообществ и отказ от старых» [Барретт 2000: 165]. Во-первых, фронт не может быть больше завоевания, которое осуществляется империей. Поэтому «не чем-то большим», а «не только». Фронтирная проблематика как-бы дополняет и смягчает проблематику завоевания, аннексий и депортаций. Она, можно сказать, высвечивает историческую альтернативу, которая обречена оставаться неочевидной. Во-вторых, продвижение (завоевание с последующей колонизацией) как раз не являлось «процессом образования фронта», оно было процессом его уничтожения. Он просто физически устранился и сужался до плотного соприкосновения национальных пригородов и периферий с российскими центрами осуществления военно-административного контроля. Если Черкесия, наиболее протяженная страна Кавказа, вытянутая на 900 км вдоль степного фронта, и сама являвшаяся фронтирной зоной, просто перестала существовать, то о каком образовании фронта может идти речь?

Совершенно оторванным от исторического процесса выглядит тезис Т.М. Барретта о том, что «даже после 1864 года русские не только не могли диктовать стереотипы поведения на большей части данной территории, но и не являлись этнически доминирующей группой (за исключением нескольких анклавов)» [Барретт 2000: 179].

Как представляется, теория фронта имеет высокий потенциал применения в изучении генезиса черкесского этнополитического пространства. При этом, она должна дополняться другими идеями, позволяющими реконструировать процессы взаимодействия «горцев» и степняков.

Для понимания того, как в непосредственной близости от Степи развивалась Черкесия, особое значение имеет исторический закон «вызова и ответа» (challenge and response), который сформулирован и разработан Арнольдом Тойнби. В закономерностях действия этого общего исторического закона, который осознавался еще древними мыслителями, Тойнби выделил пять типов стимулов: суровой страны, новой земли, удара, давления и ущемления [Тойнби 2010: 140-141, 151-153, 160-181].

Черкесский этнос сформировался у границы евразийской степи в условиях перманентного кочевнического вызова, реализовывавшегося в виде отдельных мощных ударов и длительного давления. В этом отношении,

черкесов можно определить как фронтальное сообщество, все базовые, культурные черты которого оттачивались в перманентном взаимодействии и соперничестве с миром кочевников. Повышенный уровень милитаризации общества характерен для Черкесии XIII–XVI вв., когда до трети всего войска составляли тяжеловооруженные всадники. В плане социальной стратификации это привело к появлению иерархического общества с правящим слоем в виде князей, родовитой и служилой знати, а также выработке аристократического кодекса чести Уорк Хабзэ.

У народа, веками жившего на пограничье степи, сложилась система воспитания воина, готового отдать жизнь ради выживания отряда, семьи, племени, а также ради славы, упоминания в песне. Подобный тип личности мог усвоить возвышенные идеи свободы, национальной независимости. Но при всем том, черкес мог быть вопиюще несправедлив по отношению к слабым, женщинам и детям.

Внезапное крушение основного военно-политического противника и партнера в лице Крымского ханства, произошедшее на протяжении жизни одного поколения (по историческим меркам это произошло в одночасье, в 1772–1783 гг.) застало черкесское общество в состоянии перманентно усиливающегося демографического и военного потенциала. Черкесы воевали с Российской империей не только в периоды русско-турецких войн второй половины XVIII в. – первой трети XIX в., но и в промежутках между ними.

Образ жизни, ментальность, возвышенный воинский *этнос*, – все это не позволило черкесам осуществить мирный переход из достаточно формальной и почти ни к чему не обязывающей власти османского султана в руки российского самодержца. Биться до конца – вот требование черкесской природы того времени. И именно это и случилось, приведя к национальной катастрофе 1864 года.

Не только адыгский аристократизм и рыцарство [Соллогуб 1856: 15; Адыги... 1974: 216, 437, 604, 630] зародились под воздействием кочевого (также аристократического и рыцарственного) вызова. Все базовые черты культуры черкесов несли на себе отпечаток беспокойной фронтальной жизни [Хотко 2018]. Данный фактор не позволил осуществиться накоплению материальных ресурсов, строительству каменных сооружений, а также завершиться переходу от аналога раннего государства к раннему государству [Гринин 2012].

Таким образом, теория *фронтальной* в ее применении к черкесской истории оказывается действенной не в изначальном, тёрнеровском понимании (сильная цивилизация, поглощающая варварскую периферию), но в качестве постоянно обновляемого набора теоретических обобщений, при помощи которых описывается исторический процесс в рамках подвижного пограничья Степи, представители которой искали новую родину в равнинах и горах Черкесии, и как аналогичное пограничье автохтонного массива, неоднократно и на длительные периоды расширявшего свою территорию в направлении устья Дона, Крыма, Дагестана.

Теоретическая база фронтальных исследований хорошо согласуется с геополитическим подходом. В теории Х.Дж. Маккиндера важное место занимает понятие хартленда. Хартленд (Heartland – «сердцевинная земля») – массивная северо-восточная часть Евразии, окаймляемая с юга и востока горными системами. В его работе 1904 г. понятие «heart-land» фигурирует, но еще не в качестве основополагающего концепта [Mackinder 1904]. Но впоследствии термин «Хартленд» заменяет собой понятие «ось истории» (pivot of history) (Рисунок 1).

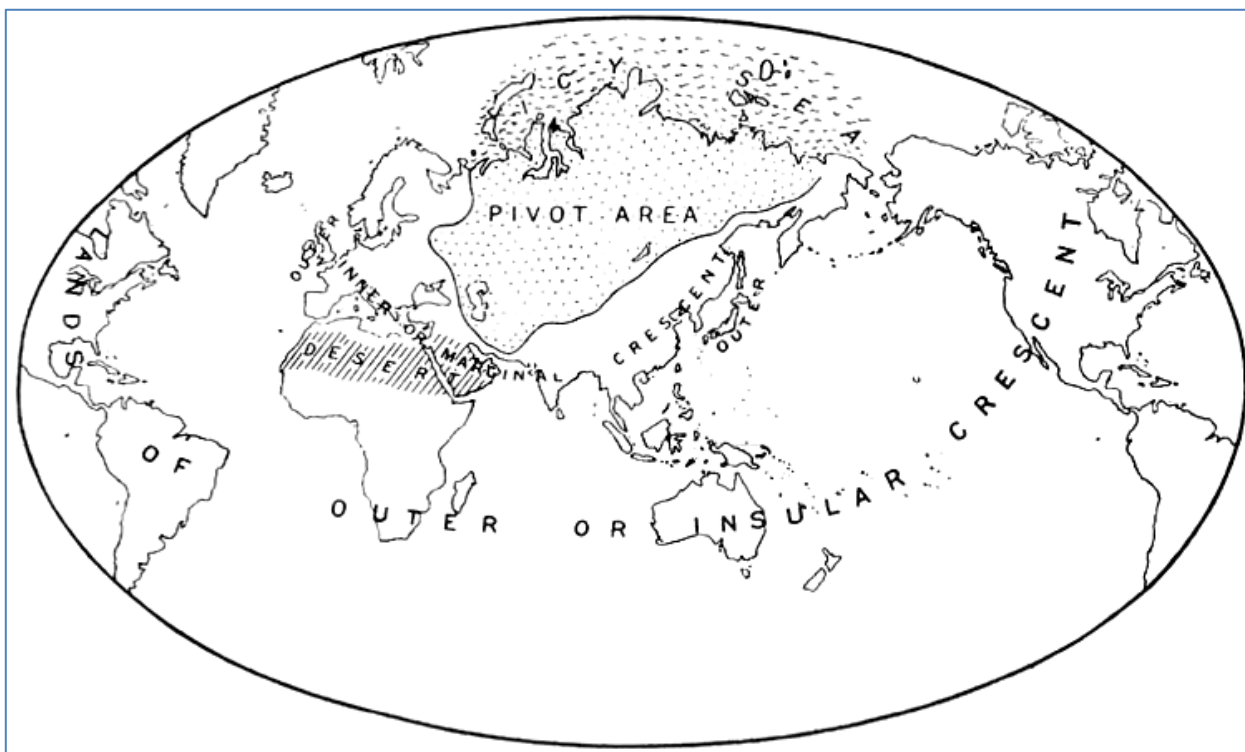

Рис. 1. Природные места силы по Х.Дж. Маккинтеру [Mackinder 1904: 435].

Дж.П. ЛеДонн, отталкиваясь от теории Хартленда Х.Дж. Маккиндера, считает, что Русское государство сформировалась вокруг *core area* (срединной территории или основной зоны, на основе которой шло образование империи или крупного централизованного государства), противопоставляемой другим срединным пространствам, прежде всего, османскому и персидскому: «Московская и анатолийская срединные территории сталкивались друг с другом через Черное море на манер крабов, каждый из которых вытягивал клешню вокруг половины его береговой линии, превращая Молдавию-Валахию и Кавказ в наиболее стратегически чувствительные зоны соперничества» [LeDonne 2004: 24]. Согласно Дж.П. ЛеДонну, Российская империя, как наиболее сильное и модернизированное государство евразийского Хартленда, было обречено на проведение экспансии, направленной на включение в себя как всего Хартленда, так и части его периферии: «Великая стратегия требовала мобилизации политического и военного истеблишмента, экономики и ведущих культурных и церковных деятелей страны для реализации глобального видения,

которое в случае с Россией заключалось в установлении ее гегемонии в пределах Хартленда. У монголов когда-то было похожее видение, когда они запланировали одновременное вторжение в Польшу и Корею» [LeDonne 2004: 6].

Черкесия в этой градации представляется «государством-клиентом», «фронтирным обществом» на северной периферии Османской империи, наряду с Валахией, Молдавией, Западной Грузией и Крымским ханством. Находясь на северо-восточной оконечности Черного моря, которое ЛеДонн сравнивает с гигантским оборонительным рвом Османской империи, Черкесия была обречена на борьбу с Хартлендом, поскольку пребывала внутри его естественных рубежей. В категориях Маккиндера, Черкесию можно определить как *Coastland* или приморскую зону, находящуюся в оппозиции Хартленду.

Итак, рассмотрение Черкесии как фронтирной территории имеет значимый историографический потенциал. Новое понимание коснется этногенеза, социальных институтов, политогенеза, материальной культуры, жилищно-поселенческого комплекса, этнической психологии, внешнеполитического положения, истории сопротивления в годы Кавказской войны. Необходимо развернуть исследования не только степного фронта, но и причерноморской контактной зоны в греко-римский, итальянский и османский периоды.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Адыги... 1974 – *Адыги*, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 635 с.

Андреева 2016 – *Андреева А.А.* «Калмыцкий фронт»: к типологии фронтирной теории // Вестник Калмыцкого университета. – 2016. – № 4 (32). – С. 130-135.

Барретт 2000 – *Барретт Т.М.* Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Имперский период: Антология. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. – С. 163-195.

Басалаева 2012 – *Басалаева И.П.* Критерии фронта: к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 2. – С. 46-49.

Волков 2002 – *Волков И.В.* Адыгские памятники Ачуевского мыса // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 2. – Краснодар: КубГУ, 2002. – С. 158-160.

Грибовский, Сень 2013 – *Грибовский В.В., Сень Д.В.* Кубанский султан Бахты-Гирей: феномен нелегитимной власти в Крымском ханстве первой трети XVIII в. // Тюркологический сборник 2011–2012. Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. – М.: «Восточная литература», 2013. – С. 92-137.

Гринин 2012 – *Гринин Л.Е.* Ранние государства и их аналоги в политогенезе: типологии и сопоставительный анализ // Ранние формы политических систем. – СПб.: МАЭ РАН, 2012. – С. 9-98.

Кабардино-русские... 1957 – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. / Под ред. Т.Х. Кумыкова, Е.Н. Кушевой. Составители: Н.Ф. Демидова, Е.Н. Кушева, А.М. Персов. – М.: Издат-во АН СССР, 1957. – Т. II. – 424 с.

Козлов 2002 – *Козлов С.А.* Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII). – СПб.: Историческая иллюстрация, 2002. – 287 с.

Памятники... 1884 – *Памятники* дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской Ордами и с Турцией. Изданы под редакцией Г.Ф.

- Карпова. Т. И. С 1474 по 1505 г., эпоха свержения монгольского ига в России // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 41. – СПб., 1884. – 558 с.
- Романова 2014 – Романова А.П. Специфика раннего фронта на Кавказе // Научный журнал КубГАУ. – 2014. – № 102. – С. 446-458.
- Романова, Топчиев 2014 – Романова А.П., Топчиев М.С. Кавказ как вечный фронт // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – № 2 (39). – С. 284-291.
- Романова 1986 – Романова Г.П. Демографический анализ палеоантропологических материалов могильника Лебеди III // Археологические открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа. (Материалы работ Северокавказской экспедиции). Вып. I / Ответственный редактор И.С. Каменецкий. – М.: Наука, 1986. – С. 195-203.
- Соллогуб 1856 – Соллогуб В. Кавказ в Восточном вопросе // Кавказ. – 1856. – № 4 (12 января). – С. 14-16.
- Тёрнер 2009 – Тёрнер Ф.Дж. Фронт в американской истории / Пер. с англ. – М.: Издательство «Весь Мир», 2009. – 304 с.
- Тойнби 2010 – Тойнби А. Исследование истории / Пер. с англ. К.Я. Кожурина. – М.: АСТ МОСКВА, 2010. – 1119 с.
- Ходарковский 2002 – Ходарковский М. Степные рубежи России. Как создавалась колониальная империя. 1500–1800. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 242 с.
- Хотко 2018 – Хотко С.Х. Жилищно-поселенческий комплекс Северо-Западного Кавказа: адаптивность к природно-географическим условиям и степному фронтиру // Вестник науки. – 2018 – № 15(39). – С. 125-139.
- Шеуджен 2006 – Шеуджен Э.А. К вопросу о северокавказском фронтире // Научная мысль Кавказа. – 2006. – № 3. – С. 76-83.
- Delisle 1723 – Delisle G. Carte des Pays voisins de la Mer Caspienne, dressée pour l'usage du Roy. 1723. [Online resource] // David Rumsey Map Collection. Cartography Associates. URL: <http://www.davidrumsey.com/maps4466.html> (date of access: 14.10.2019).
- LeDonne 2004 – LeDonne J.P. The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650-1831. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 261 p.
- Mackinder 1904 – Mackinder H.J. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. – 1904. – Vol. XXIII. – No 4 (April). – P. 421-444.
- Sanson 1710 – Sanson N. Etats de l'Empire du Grand Seigneur des Turcs, en Europe, en Asie, et en Afrique, divisé en tous ses Beglerbeglicz... // Jaillot A. H. Atlas Nouveau, contenant toutes les parties du monde, ... – Amsterdam, Covens & Mortier, 1710. [Online resource] // Barry Lawrence Ruderman Antique Maps Inc. URL: <https://www.raremaps.com/gallery/detail/56323/etats-de-lempire-du-grand-seigneur-des-turcs-en-europe-en-jaillot> (date of access: 14.10.2019).

REFERENCES

- Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. [Adyghes, Balkars and Karachays in Proceedings of the European Authors of the XIII-XIX centuries]. – Nal'chik: "El'brus", 1974. – 635 p. (In Russian)
- ANDREEVA A.A. «Kalmytskii frontir»: k tipologii frontirnoi teorii ["Kalmyk frontier": Towards the Typology of Frontier Theory]. IN: *Vestnik Kalmytskogo universiteta*. – 2016. – No 4 (32). – P. 130-135. (In Russian)
- BARRETT T.M. *Linii neopredelennosti: severokavkazskii «frontir» Rossii* [Lines of Uncertainty: the North Caucasus Frontier of Russia]. IN: *Amerikanskaya rusistika. Vekhi istoriografii poslednikh let. Imperskii period: Antologiya* [American Russian Studies. Milestones of Historiography in Recent Years. Imperial Period: Anthology]. – Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2000. – P. 163-195. (In Russian)
- BASALAEVA I.P. *Kriterii frontira: k postanovke problemy* [Criteria of the Frontier: to the Statement of the Problem]. IN: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. – 2012. – No 2. – P. 46–49. (In Russian)

DELISLE G. Carte des Pays voisins de la Mer Caspienne, dressée pour l'usage du Roy. 1723. [Online resource]. IN: David Rumsey Map Collection. Cartography Associates. URL: <http://www.davidrumsey.com/maps4466.html> (date of access: 14.10.2019). (In French)

GRIBOVSKII V.V., SEN' D.V. *Kubanskii sultan Bakhty-Girei: fenomen neligitimnoi vlasti v Krymskom khanstve pervoi treti XVIII v.* [The Kuban Sultan Bakhty-Ghurey: the Phenomenon of Illegitimate Power in the Crimean Khanate of the First Third of the XVIII Century]. IN: *Tyurkologicheskii sbornik 2011-2012. Politicheskaya i etnokul'turnaya istoriya tyurkskikh narodov i gosudarstv* [Turkological Collection 2011–2012. Political and Ethnocultural History of Turkic Peoples and States]. – M.: “Vostochnaya literatura”, 2013. – P. 92-137. (In Russian)

GRININ L.E. *Rannie gosudarstva i ikh analogi v politogeneze: tipologii i sopostavitel'nyi analiz* [Early States and Their Analogues in Political Genesis: Typologies and Comparative Analysis]. IN: *Rannie formy politicheskikh sistem* [Early Forms of Political Systems]. – St. Petersburg: MAE RAS, 2012. – P. 9–98. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy v 2-kh tomakh [The Kabardino-Russian Relations in the XVI–XVIII Centuries. Documents and Materials in 2 Volumes]. – Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1957. – Vol. II. – 424 p. (In Russian)

KHODARKOVSKII M. *Stepnye rubezhi Rossii. Kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya. 1500-1800* [Steppes of Russia. How the Colonial Empire was Created. 1500-1800]. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. – 242 p. (In Russian)

KHOTKO S.Kh. *Zhilishchno-poselencheskii kompleks Severo-Zapadnogo Kavkaza: adaptivnost' k prirodno-geograficheskim usloviyam i stepnomu frontiru* [Housing and Settlement Complex of the North-West Caucasus: Adaptability to Natural and Geographical Conditions and the Steppe Frontier]. IN: *Vestnik nauki*. – 2018 – No 15(39). – P. 125–139. (In Russian)

KOZLOV S.A. *Kavkaz v sud'bakh kazachestva (XVI–XVIII)* [Caucasus in the Fate of Cossacks]. – SPb.: Istoricheskaya illyustratsiya, 2002. – 287 p. (In Russian)

LEDONNE J.P. *The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650-1831*. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 261 p. (In English)

MACKINDER H.J. *The Geographical Pivot of History*. IN: *The Geographical Journal*. – 1904 – Vol. XXIII. – No 4 (April). – P. 421-444. (In English)

Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii Moskovskogo gosudarstva s Krymskoi i Nagaiskoi Ordami i s Turtsiei. Izdany pod redaktsiei G.F. Karpova. T.I. S 1474 po 1505 gg., epokha sverzheniya mongol'skogo iga v Rossii [Monuments of Diplomatic Relations of the Moscow State with the Crimean and Nagay Hordes and with Turkey. Published by G.F. Karpov. Vol. I. Since 1474 till 1505, the Era of the Overthrow of the Mongol Yoke in Russia]. IN: *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of the Russian Imperial Historical Society]. – Vol. 41. – SPb., 1884. – 558 p. (In Russian)

ROMANOVA A.P. *Spetsifika rannego frontira na Kavkaze* [The Specifics of the Early Frontier in Caucasus]. IN: *Nauchnyi zhurnal KubGAU*. – 2014. – No 102. – P. 446-558. (In Russian)

ROMANOVA A.P., TOPCHIEV M.S. *Kavkaz kak vechnyi frontier* [Caucasus as an Eternal Frontier]. IN: *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura* [Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. – 2014 – No 2 (39). – P. 284-291. In Russ.

ROMANOVA G.P. *Demograficheskii analiz paleoantropologicheskikh materialov mogil'nika Lebedi III* [Demographic Analysis of Paleoanthropological Materials of burial ground Swans III]. IN: *Arkheologicheskie otkrytiya na novostroikakh. Drevnosti Severnogo Kavkaza. (Materialy rabot Severokavkazskoi ekspeditsii)*. – Vyp. I / Otvetstvennyi redaktor I.S. Kamenetskii [Archaeological Discoveries in New Buildings. Antiquities of the North Caucasus. (Materials of the Work of the North Caucasian Expedition). – Issue I]. – M.: Nauka, 1986. – P. 195–203. (In Russian)

SANSON N. *Estats de l'Empire du Grand Seigneur des Turcs, en Europe, en Asie, et en Afrique, divisé en tous ses Beglerbeglicz...* IN: Jaillot A.H. *Atlas Nouveau, contenant toutes les*

parties du monde, ... – Amsterdam: Covens & Mortier, 1710. [Online resource] // Barry Lawrence Ruderman Antique Maps Inc. URL: <https://www.raremaps.com/gallery/detail/56323/estats-de-lempire-du-grand-seigneur-des-turcs-en-europe-en-jaillot> (date of access: 14.10.2019). (In French)

SHEUDZHEN E.A. *K voprosu o severokavkazskom frontire* [To the Question of the North Caucasian Frontier] IN: *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. – 2006. – No 3. – P. 76-83. (In Russian)

SOLLOGUB V. *Kavkaz v Vostochnom voprose* [Caucasus in the Eastern Question]. IN: *Kavkaz* [Caucasus]. – 1856. – No 4 (January, 12). – P. 14-16. (In Russian)

TOYNBEE A. *Issledovanie istorii* [A Study of History]. – M.: AST MOSKVA, 2010. – 1119 p. (In Russian)

TURNER F.J. *Frontir v amerikanskoj istorii* [The Frontier in American History]. – M.: Publishing House “Whole World”, 2009. – 304 p. (In Russian)

VOLKOV I.V. *Adygskie pamyatniki Achuevskogo mysy* [Adyghe Monuments of Achuev's Cape]. IN: *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani. Vyp. 2* [Materials and Researches on Archeology of the Kuban. Issue 2]. – Krasnodar: KubGU, 2002. – P. 158-160. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Новейшая история**

УДК 39:94 (470.64)

DOI 10.31143/2542-212X-2019-4-63-75

**ЛЕНИНСКИЙ УЧЕБНЫЙ ГОРОДОК И
МОДЕРНИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ КАБАРДИНЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ****И.Х. ТХАМОКОВА**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
36000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: omarakana@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуется роль Ленинского учебного городка, созданного в Нальчике в 1924 г., в модернизации культуры кабардинцев и балкарцев. При этом культура понимается в самом широком смысле этого слова, т.е. включает в себя не только систему ценностей или литературу и искусство, но также и материальную культуру, и обычаи, и обряды. Целью учебного городка было как обучение специалистов, «национальных кадров», так и воспитание «новых кабардинцев, новых балкарцев». Выпускники учебных заведений городка не только сыграли важную роль в ликвидации неграмотности, развитии системы образования, в становлении кабардинской и балкарской литературы и искусства, но и являлись примером нового образа жизни, новых ценностей, новой материальной культуры. Советский вариант модернизации культуры характеризуется быстрыми темпами и использованием насильственных методов при ее проведении. Курсантам Ленинского учебного городка пришлось не только самим отказаться от многих ценностей традиционной культуры, но и вести с ними непримиримую борьбу, которая, в конечном счете, завершилась победой новых форм культуры.

Ключевые слова: Ленинский учебный городок; кабардинцы; балкарцы; культура; модернизация.

**THE LENIN'S SCHOOL CAMPUS AND THE MODERNIZATION OF
KABARDIAN AND BALKAR CULTURE****I.H. TKHAMOKOVA**

*The Institute for the Humanities Research – affiliated of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: omarakana@mail.ru*

Abstract. This article investigates the role of the Lenin's Campus, opened in the city of Nalchik in 1924, in the modernization of Kabardian and Balkar culture. With that, the culture is seen in the widest sense of this word, i.e. includes not only the statement of values or literature and art, but also the material culture, customs and ceremonies. The role of the campus was not only training of specialists, the so-called domestic labor, but also mentoring of "new Kabardians, new Balkars." Beyond playing an important role in elimination of illiteracy, development of the educational system, formation of Kabardian and Balkar literature and art, the graduates of educational institutions of the town were an example of a new lifestyle, new values, new material culture. The Soviet version of cultural modernization was notable for its quick rate and violent methods. The cadets of the Lenin's Campus had not only to give up a great many of the traditional culture values, but also to wage a relentless struggle with them, which, in the long run, ended with the victory of new culture forms.

Keywords: Lenin's campus; Kabardians; Balkars; culture; modernization.

О культурном строительстве в Кабардино-Балкарии много писали советские историки, которые главную роль в этом процессе отводили политике коммунистической партии и советского государства [Из истории... 1981; Хутуев 1984]. В постсоветское время культурные изменения, происходившие в республике в советское время, рассматриваются как процесс модернизации культуры [Мамсиров 2004]. Изучение механизмов этого процесса, его движущих сил остается актуальной задачей. Некоторые проблемы современной культуры берут свое начало именно в 1920-1930 гг.

Важную роль в процессе модернизации культуры кабардинцев и балкарцев сыграл Ленинский учебный городок (ЛУГ), который был открыт в Нальчике в 1924 г. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 288. Л. 148]. Главной задачей городка являлась подготовка «работников-националов по основным отраслям работы партийной, советской, профессиональной, общественной и хозяйственной» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 258. Т. 2. Л. 322]. В его состав с 1925 г. входили совпартшколы, педагогический, сельскохозяйственный, кооперативный техникумы. При городке также работали курсы трактористов, женское отделение ликвидаторов неграмотности, различные краткосрочные курсы и дом пионеров со школой и дошкольным отделением. Впоследствии структура городка неоднократно изменялась, появлялись новые подразделения и прекращали свое существование или отделялись старые. К 1931 г. было решено, что Ленинский учебный городок выполнил свои задачи, он был реорганизован «в самостоятельные заведения по отраслевому признаку» – совпартшколу (которую называли также Ленинским партийным учебным городком) и педагогический техникум [УЦГА АС КБР. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 46. Л. 262-263]. За годы своего существования Ленинский учебный городок подготовил тысячи специалистов, которые работали во многих кабардинских и балкарских селах.

Ленинский учебный городок упоминается во многих исторических трудах, при этом основное внимание уделяется роли городка в развитии системы образования в Кабардино-Балкарии. Отмечалась также роль городка в развитии национальной литературы и искусства кабардинцев и балкарцев [Абазов 1996; Писатели... 2003; Сарбашева 2009]. Но значение городка в

развитии культуры этим не исчерпывалось. Выпускники городка оказывали воздействие и на изменение семейного быта, обычаев, обрядности, и на введение новых форм одежды и новой пищи. Изучение влияния Ленинского учебного городка на процесс модернизации всех сторон культуры кабардинцев и балкарцев является главной задачей статьи.

Работа основана на анализе документов, хранящихся в Центральном государственном архиве КБР. Они содержат много сведений об учебном городке, хотя не все годы его существования и не все стороны его деятельности нашли достаточно полное отражение в этих документах. Использованы также материалы периодической печати (газета «Карахалк»).

Среди опубликованных документов особое значение имеет сборник материалов о Ленинском учебном городке, содержащий воспоминания его выпускников и преподавателей, а также некоторые документы, извлеченные из архивов. Использованы и другие сборники, хотя часть публикаций советского периода требует осторожного к себе отношения и тщательной проверки. Некоторые неточности могут объясняться сложностью понимания нечеткого машинописного текста, иногда с множеством исправлений. Но были и случаи сознательного искажения документов. Один пример – речь Б.Э. Калмыкова (председателя Кабардино-Балкарского ЦИК) на IV областном съезде Советов в декабре 1924 г. Он говорил о том, что во многих селах невозможно было найти девушек, согласных ехать на учебу в Нальчик. «Пришлось бросать жребий, и те, на кого пал жребий, хотели вешаться. Были случаи, когда их связывали и связанных везли до Нальчика и здесь сдавали в учебный городок» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 119. Т. 1. Л. 48, 70, 110, 169]. Документы съезда сохранились в 4 экземплярах, приведенный текст читается легко и не вызывает сомнений. В таком виде он был опубликован несколько раз, в том числе и в сборнике о Ленинском учебном городке [Ленинский... 1964: 90]. Однако в издании статей и речей Б.Э. Калмыкова (1982 г.) этот текст выглядит совершенно иначе: «Пришлось бросать жребий, и вот те, на кого он пал, даже плакали. Но потом они успокоились, все обошлось хорошо» [Калмыков 1983: 111]. При этом ссылки даны на то же самое архивное дело и на те же листы, что и в сборнике о Ленинском учебном городке, однако текст совершенно другой. В этом «отредактированном» варианте нет речи о желании девушек вешаться и о том, что их связанными везли в Нальчик. Видимо, в 1980 гг. подобные действия властей уже представлялись неприемлемыми, и составители сборника попытались скрыть их.

Культурная политика Советского государства в 1920-1930 гг. включала несколько важнейших задач. Среди них была ликвидация неграмотности, развитие системы образования. В Кабардино-Балкарии большое значение придавалось также «коренизации» – подготовке «национальных кадров» для экономики, партийных и советских органов, образования и культуры. В соответствии с этой программой большую часть курсантов в Ленинском учебном городке составляли кабардинцы, меньше было балкарцев, еще меньше – русских, и совсем мало – немцев, осетин, евреев и др. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 288. Л. 113].

Курсанты должны были стать образованными людьми, хотя некоторые из них при поступлении в городок были неграмотными, другие окончили один-два класса школы, многие не знали русского языка, на котором велось преподавание. Начинать учебу приходилось с его освоения. Впоследствии двуязычие в Кабардино-Балкарии станет массовым, но основы его распространения закладывались именно в 1920-1930 гг.

Если учесть, что значительную часть времени у курсантов занимало изучение русского языка, освоение грамоты или повышение грамотности, то выполнение учебных программ было очень сложной задачей. Их приходилось приспособлять к существующим условиям [УЦГА АС КБР.Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 258. Т. 2. Л. 322].

Курсанты городка не только учились сами, но и обучали других. В 1920-1930 гг. власти Кабардино-Балкарии придавали большое значение развитию образования на родных языках. Именно благодаря этому удалось за короткое время добиться впечатляющих успехов в ликвидации неграмотности. Было принято решение об обязательном изучении кабардинского или балкарского языка всеми курсантами [УЦГА АС КБР. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 42. Л. 73-73 об.]. Они изучали родные языки и потом обучали им других. Вместе с преподавателями городка они занимались ликвидацией неграмотности [Ленинский... 1964: 67]. Во время культпоходов курсанты бывали во многих кабардинских и балкарских селах и организовали обучение многих тысяч человек грамоте. «Каждый курсант обязался обучить 80 неграмотных и подготовить культармейцев, т.е. людей, способных обучать других грамоте» [Ленинский... 1964: 72-73]. После окончания учебы многие выпускники городка стали учителями и продолжали обучать детей и взрослых.

В городке были созданы условия для изучения наук – большая библиотека, хорошо оборудованные кабинеты химии, физики, географии, естествознания, был кружок юных натуралистов. У городка были свои сады и опытные поля, электростанция, скотный двор и конюшня. Курсанты участвовали в сельскохозяйственных выставках и получали награды [Ленинский... 1964: 62, 72].

Курсанты педагогического техникума в ходе практики собирали сказки, песни, предания, легенды, пословицы, поговорки и т.д. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 33. Л. 2, 12]. Их материалы использовались при составлении словарей [Ленинский... 1964: 73]. Курсанты занимались и краеведческой работой [УЦГА АС КБР. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 42. Л. 74-75]. Некоторые из выпускников городка стали впоследствии известными учеными, преподавателями ВУЗов.

Еще одной важнейшей задачей культурного строительства в национальных республиках, в том числе и в Кабардино-Балкарии было создание профессиональной национальной литературы и искусства. И в выполнении этой задачи важную роль тоже играл ЛУГ. Обучая грамоте, давая образование, он тем самым воспитывал будущих читателей. Но не только читатели, но и некоторые широко известные кабардинские и балкарские писатели и поэты тоже получили образование в городке. Еще во время

обучения они начинали писать стихи, рассказы, статьи и заметки для газет [УЦГА АС КБР. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 33. Л. 129]. В городке действовал литературно-корреспондентский кружок, участие в котором помогало им развивать свои способности. Выпускниками Ленинского учебного городка были Б.И. Гуртуев, Р.П. Кешоков, З.Б. Максидов, Дж. М. Налоев, С.А. Отаров, С.Ш. Хочуев, А.О. Шогенцуков и др. [Писатели... 2003: 154, 218, 269, 301, 318, 382, 410].

В городке также работали драматические кружки. В 1928-29 гг. было пять драмкружков, в которых принимали участие 78 человек. Преподаватель ЛУГа С. Шахмурзаев и курсант Б. Гуртуев написали комедию на балкарском языке (или перевели ее) [Сарбашева 2009: 112]. Еще один преподаватель ЛУГа, Т.А. Шеретлоков, руководил драмкружком и был автором нескольких пьес на кабардинском языке [Абазов 1996: 43-45]. Драмкружки ставили пьесы на кабардинском и балкарском языках и показывали их не только в городке, но и на заводах, на рынке, в селах [УЦГА АС КБР. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 34. Л. 156; Д. 38. Л. 28; Д. 42. Л. 148-149; Абазов 1996: 45]. Преподаватели и курсанты Ленинского учебного городка сыграли важную роль в становлении кабардинского и балкарского национальных театров.

В городке работали и другие кружки: хоровой, ИЗО (художественный), струнно-музыкальный, юридический, военный и физкультурный и т.п. Затем появился самодеятельный театр, оркестр, ансамбль песни и пляски УЦГА АС КБР. Ф. Р-188. Оп.1. Д. 38. Л. 27 об.; Ленинский... 1964: 61-62, 72]. Курсанты педагогического техникума обязаны были принимать участие в работе музыкальных, литературных и художественных кружков, это считалось неотъемлемой частью их обучения [УЦГА АС КБР. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 37. Л. 27 об., 58].

По субботам курсантам показывали кинофильмы. В городке был концертный зал, где выступали артисты. Курсанты ЛУГа активно участвовали в художественной самодеятельности, выступали с концертами, и в Нальчике, и в селах [УЦГА АС КБР. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 42. Л. 148; Как будем... 1928; Егужоков 1928]. Во время культпоходов курсанты возили с собой в села киноустановку, благодаря которой жители кабардинских и балкарских сел впервые смогли увидеть кино.

Курсанты занимались физкультурой, чему тоже придавалось идеологическое значение: физическое воспитание считалось «одной из форм борьбы с вредными пережитками национально-бытовых традиций и предрассудков» [Ленинский... 1964: 55].

Но задачи выпускников городка, как уже говорилось, не ограничивались только их работой по специальности или культурной работой. Городок должен был готовить «коммунистически воспитанных работников» [Культурное... 1980: 304], чем занимались партийная и комсомольская организации, регулярно проводившие собрания с докладами и лекциями. В актовом зале городка проходили областные партийные конференции и съезды Советов, собрания партийного и советского актива, что также приобщало курсантов к коммунистической идеологии [Ленинский... 1964: 17, 35-37].

В выходные дни курсантов посылали в ближайшие к городу села – Хасанью, Белую речку, Кенже, где они выступали с докладами. Зимняя и летняя практика обычно проходила в их родных селах. Во время культпоходов и практики курсанты проводили политзанятия, принимали участие в подготовке перевыборов сельских советов, агитируя за избрание бедняков, батраков и женщин, они стремились привлечь жителей сел в партию и в комсомол, помогали созданию и работе пионерских организаций в селах.

На собраниях партийных и комсомольских сельских ячеек курсанты выступали с докладами (о борьбе с кулаками, союзе с середняками при опоре на бедноту, о хлебозаготовках, о чистке госаппарата, о «коренизации аппарата», о задачах комсомола), разъясняли решения съездов ВКП(б). Они также читали лекции сельским жителям на темы: «Наши задачи в области сельского хозяйства», «Угрозы новых войн», «Осоавиахим» и др., проводили «политлотереи» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-818. Оп. 1. Д. 18. Л. 98-101; Д. 33. Л. 16-25, 66-75, 125-129, 192-195; Д. 42. Л. 127-127 об., 148; Культурное... 1980: 327; Ленинский... 1964: 20, 38]. После завершения учебы они должны были продолжать активную политическую работу.

Неотъемлемой частью советской идеологии являлся атеизм. Курсанты должны были принимать участие в атеистической работе, для чего в городке был создан «научно-антирелигиозный кружок» [М.Б. 1928: 2]. Среди курсантов были и бывшие мусульманские священники (эфенди), порвавшие с религией. Они «на убедительных примерах показывали курсантам, что носителем всех бедствий в Кабардино-Балкарии является мусульманская религия» [Ленинский... 1964: 50]. В городке проводились «антирелигиозные вечера», исполнялись пьесы и песни соответствующего содержания [УЦГА АС КБР. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 42. Л. 138, 140].

Во время культпоходов курсанты читали жителям кабардинских и балкарских сел лекции на темы: «Происхождение человека», «Происхождение религии» и др. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 42. Л. 148]. В ходе практики курсантов важное место занимало «проведение политико-массовой работы среди населения по закрытию мусульманских религиозных школ-медресе, вовлечение детей крестьян в советскую школу» [Ленинский... 1964: 50]. Однако лишь немногим из курсантов удавалось создать в селах ячейки безбожников [УЦГА АС КБР. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 41-а. Л. 222]. Далекое не все курсанты читали на партийных и комсомольских собраниях в селах доклады на антирелигиозные темы. Многие из них проявляли пассивность [УЦГА АС КБР. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 18. Л. 99 об.]. Руководство Ленинского учебного городка признавало, что антирелигиозная пропаганда являлась «наиболее слабым» участком практической работы курсантов [УЦГА АС КБР. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 42. Л. 127 об.]. Видимо, сопротивление жителей кабардинских и балкарских сел этой пропаганде было особенно сильным. Отдельные из курсантов, будучи в родных селах, даже сами посещали мечеть, принимали участие в религиозных праздниках [УЦГА АС КБР. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 18. Л. 99; Маулит... 1928: 4].

Еще одним принципом советской идеологии являлся интернационализм («чтобы кабардинец любил балкарца, русский любил кабардинца и балкарца,

балкарец любил еврея и т.д.)) [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 119. Т. 1. Л. 50, 72, 112, 171]. Руководство учебного городка уделяло большое внимание воспитанию этого качества. «Если на первых курсах допускалась организация отдельных кабардинских и балкарских групп, то на старших курсах таких групп уже не было. Создавались общие группы, куда входили представители всех национальностей. В общежитиях курсантов размещали так, чтобы в каждой комнате был русский, кабардинец и балкарец. Это способствовало интернациональному воспитанию, лучшему усвоению русского языка» [Ленинский... 1964: 76]. По праздникам в городке проводились «вечера национальностей» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 34. Л. 105 об.]. Все эти меры создавали возможности для знакомства курсантов с языком и обычаями других народов, для взаимовлияния культур. Но в то же время различие национальных традиций создавало сложности для курсантов. Им не всегда было понятно, как вести себя в таких условиях. В ходе работы 6 съезда Советов КБАО Б.Э. Калмыкову был задан вопрос: «Могут ли русские курсанты, находящиеся в Совпартшколе Лен.Учгородка кушать сало, как должны смотреть на это курсанты кабардинцы и балкарцы?» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 452. Т. 4. Л. 928]. Руководство городка отмечало также некоторую разобщенность курсанток разных национальностей [УЦГА АС КБР. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 17. Л. 55 об.]. Руководство городка стремилось ее преодолеть.

Модернизация культуры проявлялась не только в распространении грамотности, развитии системы образования, создании профессионального искусства. Она повлияла и на быт кабардинцев и балкарцев. Ко многим обычаям народов Кабардино-Балкарии ее руководители относились с подозрением. Они считали «необходимым коренным образом переделать кабардинский и балкарский быт, обычаи, традиции. Все, что есть красивого в кабардинской и балкарской жизни, что современно и красиво, – все это надо оставить, а все то, что тормозит культуру», все адаты и обычаи, которые мешают равноправию женщин, надо разбить и отбросить [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 119. Т. 1. 48, 70, 110, 169; Ленинский... 1964: 91]. Принципу равноправия женщин противоречили многие традиции кабардинцев и балкарцев – калым, похищение девушек, обычаи избегания. С ними велась решительная борьба с первых дней установления советской власти в регионе. Их ликвидация вела к перестройке такого важнейшего социального института как семья.

Против избегания резко выступал Б.Э. Калмыков: «...не только в селениях, но и здесь есть еще люди, которые считают, что нельзя сидеть за одним столом с женщиной, что это стыдно. Нам не нужны такие большевики-дворяне, придерживающиеся старых порядков. Нам нужны настоящие коммунисты, пропитанные до мозга костей большевистским равноправием» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 119. Т. 1. Л. 48, 70, 110, 169; Ленинский... 1964: 90].

Курсанты должны были отказаться от старых обычаев. Тем самым в городке создавалась «новая жизнь, новая культура, новый быт», которые затем должны были распространиться по кабардинским и балкарским селениям [А.С.

1926: 3]. В стенах городка воспитывался «новый тип горянки, тип женщины – общественного и культурного работника», вырабатывался «взгляд на женщину, как на товарища в работе...» [Померанцева 1925: 2].

В достижении равноправия женщин важная роль отводилась образованию. Как говорил Б.Э. Калмыков, «нельзя одну половину человечества учить, а другую нет» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 119. Т. 1. Л. 48, 70, 110, 169], потому что разница в уровне образования станет препятствием к установлению равноправных, товарищеских отношений в семье.

В городке был создан клуб горянок и при нем – вечерняя детская комната для детей горянок, обучавшихся на медицинском рабфаке [УЦГА АС КБР. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 49. Л. 56]. Для того, чтобы женщины могли работать, необходимо было организовать детские ясли и детские площадки. Они появились сначала в Нальчике, а затем и в некоторых селах. Курсантки Ленинского учебного городка во время практики делали в селах доклады о раскрепощении женщины, о детских яслях [УЦГА АС КБР. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 41-а. Л. 244], объясняли их необходимость местным жительницам, которые опасались, что детей увезут в Москву и продадут «для лекарства». Курсантки также организовывали в селах ясли и детские площадки и работали в них [УЦГА АС КБР. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 41-а. Л. 205-205 об.].

Помимо положения женщин власти республики стремились также изменить отношения между старшими и младшими в кабардинской и балкарской семье и обществе. Если традиционно старшие пользовались большим влиянием, то советская власть сделала ставку на молодежь. Уже к концу 1920 гг. стариков постарались вытеснить из состава Советов, в которых они первоначально играли важную роль [На съезде... 1929: 2]. Но если равноправие женщин провозглашалось открыто и было одним из основных революционных лозунгов, то отстранение старшего поколения от власти проходило, скорее, в завуалированной форме, поэтому оставило значительно меньше документальных свидетельств. Попав в Ленинский учебный городок, молодые кабардинцы и балкарцы оказывались оторванными от старших членов своих семей и жителей своих сел. Это, видимо, облегчало отказ от некоторых традиционных форм культуры. Когда же выпускники, усвоившие новые модели поведения, возвращались домой, то их действия нередко вступали в противоречие с традициями, носителями которых являлось старшее поколение.

Курсанты городка были в числе первых кабардинцев и балкарцев, которые приобщались к новым семейным обычаям и обрядам. Так, когда в семье курсантов (кабардинцев) родился ребенок, то по случаю этого события проводился праздник – «октябрины», на котором выступал Б.Э. Калмыков. Ребенку дали имя Владимир в честь В.И. Ленина [Ленинский... 1964: 88-89]. Этот праздник должен был заменить традиционные обряды, связанные с рождением ребенка, но он не получил сколько-нибудь широкого распространения.

Первые случаи новой похоронной обрядности у кабардинцев и балкарцев тоже были связаны с Нальчиком и с Ленинским учебным городком. «Когда скончался курсант Абазов Мажид из сел. Заюково, партийная и комсомольская

организация ЛУГа похоронили его по гражданским обрядам, с музыкой, без участия служителей мусульманской религии» [Ленинский... 1964: 51]. Такие похороны вызвали недовольство односельчан курсанта. Мулла распространял слух о том, что из этой могилы поднялось большое пламя как признак того, что покойный сгорел в аду.

Курсанты приобщались также к новой, городской материальной культуре. Им выдавали единое обмундирование, которое отличалось от традиционной кабардинской и балкарской одежды, но напоминало военную форму – темносиние суконные гимнастерки, солдатские шинели, брюки навыпуск, фуражки, черные ботинки. Непривычная одежда вызывала протесты у некоторых из них, они боялись, что в ней они «станут гяурами». Иногда они даже бросали из-за этого учебу [Ленинский... 1964: 50, 59].

Непривычной была и одежда для девушек-курсанток. В 1920-1930 гг. советская власть боролась с существовавшим в прошлом у кабардинцев и балкарцев ограничением на ношение теплой одежды девушками и молодыми женщинами. Этот обычай препятствовал их участию в общественной жизни в холодное время года. В Кабардино-Балкарии проводилась компания «Пальто – горянке». Девушки-курсантки носили черные пальто и кепи, иногда – красные косынки. Кроме того у них были скромные серые платья, отличавшиеся по крою от кабардинской и балкарской одежды. Для занятий физкультурой они надевали спортивные костюмы, хотя многие из них стеснялись этого [Лекпом 1928; Ленинский... 1964: 55, 65, 66]. Эта форма была непривычной не только для сельских жителей, но и для нальчан. Когда девушки «шли по улицам в майках и шароварах, то пожилые люди (особенно женщины) неодобрительно и осуждающе покачивали головами» [Цораев 1990: 2].

В городке были курсы кройки и шитья, вязания. После завершения учебы курсантки направлялись в села, где уже сами обучали местных жительниц, организовывали мастерские, женские клубы. Через такие курсы и мастерские в села проникали формы городской одежды [А.С. 1926: 3; З.Р. 1928: 3; Культурное... 1980: 326].

Курсантам городка приходилось приспосабливаться и к новой для них пище. Некоторые из них требовали, чтобы скот и птицу резали в их присутствии кабардинцы или балкарцы в соответствии с правилами ислама, «отдельные курсанты отказывались ходить в столовую, мотивируя это тем, что в столовой работают русские повара, которые при приготовлении пищи используют свиной жир» [Ленинский... 1964: 32, 50]. Со временем новая пища становилась привычной. Через клубы горянок в села попадали новые блюда, например, борщ [Клубы... 1928: 3].

Перспектива учебы в городке, сопряженная с коренным изменением образа жизни, казалась пугающей многим кабардинцам и балкарцам. В некоторых селах мусульманское духовенство проклинали тех жителей, которые отпускали своих детей учиться в Нальчик [Ленинский... 1964: 50]. Даже среди партийных и советских работников не находилось достаточного числа желающих добровольно ехать в городок, что заставило власти посылать их туда «в порядке принудительного воздействия» [Ленинский... 1964: 84].

Особенно трудно было набрать девушек для учебы в городке. Уже сам тот факт, что они ради учебы покидали надолго свой дом, отрывались от своих семей, жили в общежитии, с точки зрения традиционных норм казался совершенно немыслимым. Неудивительно, что «враги» распускали «много ложных слухов про курсанток Ленинского городка» [Культурное... 1985: 315]. Когда кто-то из девушек хотел поехать учиться, то односельчане старались их от этого отговорить» [Культурное... 1985: 316]. Первыми курсантками были родственницы революционеров и руководителей Кабардино-Балкарии – Б.Э. Калмыкова, Х.Т. Карашаева, М. Энеева и др. [Ленинский... 1964: 65], однако их было слишком мало. Власти вновь прибегли к насильственным действиям. Специально созданная «чрезвычайная комиссия по укомплектованию Ленинского учебного городка дала окружным исполкомам разверстку по набору женщин в городок, в селения были командированы ответработники» [Ленинский... 1964: 35]. Каждое село должно было направить хотя бы одну девушку в городок, за что несли ответственность председатели сельисполкомов. Там, где не находилось желающих, как уже говорилось, бросали жребий, и отобранных девушек насильно увозили в городок. После этого некоторые из них отказывались от еды, и председателю областного ЦИК Б.Э. Калмыкову приходилось лично часами уговаривать их остаться в городке [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 119. Т. 1. Л. 48, 70, 110, 169; Ленинский... 1964: 90].

Попав в городок, курсанты оказывались почти в столь же сложной ситуации, как и другие кабардинцы и балкарцы, переехавшие в город [Жанситов 2016: 85]. Почти никто из них не знал русского языка, который необходимо было выучить для учебы. Надо было также привыкнуть к совершенно новым условиям жизни в общежитии, к новым товарищам, к новой одежде и пище, к новым правилам поведения. Это давалось нелегко, некоторые из курсантов бросали учебу и возвращались домой. Облегчало адаптацию курсантов то обстоятельство, что в городке было много кабардинцев и балкарцев, они не теряли связи со своей этнической средой.

Но и после того, как курсанты осваивали учебу и приобщались к новым взглядам и образу жизни, их трудности далеко еще не были окончены. Когда они приезжали в кабардинские и балкарские села и выступали там против мусульманского духовенства или против медресе, когда призывали к равноправию женщин, к открытию детских садов и яслей, то жители этих сел не только возражали им, но иногда и нападали на них [УЦГА АС КБР. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 42. Л. 127; Ленинский... 1964: 57]. Даже пункты ликвидации неграмотности вызывали угрозы и оскорбления, особенно в адрес обучающихся женщин [Ленинский... 1964: 73]. Курсантам сложно было «вносить в окружающую бытовую обстановку новые навыки, приобретенные в Городке. Особенно влияние бытовой обстановки сказалось на курсантках. Многие курсантки в бытовом отношении мало чем отличались от большинства сельчанок (костюмы, платки, участие в танцах и пр.)» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 18. Л. 98 об.]. Оказавшись в селах курсанты сами попадали под влияние местных обычаев, местной бытовой среды.

Первые выпускники городка жаловались: «Учащиеся-горожане смеялись над нами. Мы были чужими здесь и почти чужими в своих родных селениях. Против нас настроены были даже наши родные» [Два года... 1926]. В то же время курсанты пользовались поддержкой государства, многие из них сделали успешную карьеру. Среди них были руководители государственного аппарата республики, генералы, профессора, писатели. По мере того как подрастали новые поколения кабардинцев и балкарцев, воспитанные советской школой, новые формы культуры получали все более широкое распространение, и отношение к выпускникам городка менялось. Из маргинальной группы они превратились в новую элиту кабардинцев и балкарцев.

Модернизация культуры кабардинцев и балкарцев в XX в. заняла несколько десятилетий. Курсанты Ленинского учебного городка преодолели столь долгий путь в течение нескольких лет. Они могут служить наглядной моделью этого сложного процесса. От неприятия новых форм культуры они переходили к знакомству с ними, их освоению и дальнейшему распространению. Хотя городок просуществовал всего несколько лет, но его влияние на кабардинцев и балкарцев сохранялось на протяжении всего того долгого периода, когда продолжали работать его выпускники. Они сыграли важную роль в ликвидации неграмотности, в развитии системы образования, в становлении кабардинской и балкарской национальной литературы и театра. Распространение среди кабардинцев и балкарцев новых ценностей и образа жизни, новых обычаев и обрядов, новых форм материальной культуры тоже нередко начиналось с курсантов Ленинского учебного городка. В то же время их деятельность способствовала разрушению традиционной культуры, нарушению культурной преемственности, почему культурные трансформации 1920-1930 гг. получили в научной литературе последних десятилетий неоднозначную оценку [Герандоков, Герандокова 2003].

Поскольку кабардинцы и балкарцы составляли большую часть курсантов городка, то именно на культуру этих двух народов он оказал наиболее сильное влияние. Его воздействие на другие народы республики было менее заметным.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абазов 1996 – *Абазов А.Ч.* Очерки истории кабардинской драматургии. (Возникновение. Становление. Развитие). – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 128 с.

А.С. 1926 – *А.С.* В кузнице раскрепощения горянок (Ленинский учебный городок) // Карахалк. – 1926 – № 629. – С. 3.

Герандоков, Герандокова 2003 – *Герандоков М. Х., Герандокова В.З.* Культурная революция в национальных регионах: миф или реальность. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 202 с.

Два года... 1926 – *Два года учебы и практики* // Карахалк. – 1926. – № 610. – С. 3.

Егужоков 1928. – *Егужоков М.* Национальный театр. Впервые в истории // Карахалк. – 1928. – № 855. – С. 3.

Жанситов 2016 – *Жанситов О.А.* Кабардинское общество в условиях урбанизации: проблемы освоения города // Кабардино-Балкария в XX – начале XXI в.: Политические и социокультурные преобразования. Сборник научных статей. – Нальчик: изд. КБИГИ, 2016. – С. 80-89.

З.Р. 1928. – *З.Р.* К новому быту // Карахалк. – 1928. – № 811. – С. 3.

- Из истории... 1981 – *Из истории* развития социалистической культуры Кабардино-Балкарии. Сборник статей. – Нальчик: КБИИФЭ, 1981. – 201 с.
- Как будем... 1928. – *Как будем* праздновать 1-е мая в Нальчике // Карахалк. – 1928. – № 822. – С. 2.
- Калмыков 1983 – *Калмыков Б.Э.* Статьи и речи. – Нальчик: Эльбрус, 1983. – 239 с.
- Клубы... 1928. – *Клубы* горянок // Карахалк. – 1928. – № 862. – С. 3.
- Культурное... 1980 – *Культурное* строительство в Кабардино-Балкарии (1918-1941 гг.). Том 1. – Нальчик: 1980. – 382 с.
- Культурное... 1985 – *Культурное* строительство в Кабардино-Балкарии (1918-1941гг.). Том 2. – Нальчик: Эльбрус, 1985. – 391 с.
- Курсантка... 1928. – *Курсантка.* Учимся, учим других // Карахалк. – 1928. – № 809 – С. 2.
- Лекпом 1928. – *Лекпом.* Первомайский праздник. Две картинки // Карахалк. – 1928. – № 823. – С. 2.
- Ленинский... 1964 – *Ленинский* учебный городок – коммунистическая кузница кадров Кабардино-Балкарии. [1924-1936]: сборник воспоминаний и документов / сост. Е.Т. Хакушев. – Нальчик : Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1964. – 129 с.
- М.Б. 1928. – *М.Б.* Об антирелигиозной работе // Карахалк. – 1928. – № 811. – С. 2.
- Мамсиоров 2004 – *Мамсиоров Х.Б.* Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е гг. XX в. – Нальчик: Эльбрус, 2004. – 325 с.
- Маулит... 1928. – *Маулит* // Карахалк. – 1928. – №857. – С.4.
- На съезде... 1929 – *На съезде* // Карахалк. – 1929 – № 903. – С. 2
- Писатели... 2003 – *Писатели* Кабардино-Балкарии. XIX – конец 80-х гг. XX в. Биобиблиографический словарь. – Нальчик: Эль-фа, 2003. – 441 с.
- Померанцева 1925 – *Померанцева А.* Кузница культуры (Учебный Городок) // Карахалк. – 1925 – № 570. – С. 2.
- Сарбашева 2009 – *Сарбашева А.М.* Балкарская драматургия: этнофольклорная традиция и эволюция жанра. – Нальчик: изд-во КБИГИ, 2009 г. – 239 с.
- УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики.
- Хутуев 1984 – *Хутуев Х.И.* Становление и развитие социалистической культуры советской Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1984. – 451 с.
- Цораев 1990 – *Цораев С.* Ушедшего неповторимые черты. Записки старожила Нальчика // Кабардино-Балкарская правда. – 1990. – № 192.

REFERENCES

- A.S. *V kuznitse raskrepushcheniya goryanok (Leninskii uchebnyi gorodok)* [Emancipation of Caucasian women (Lenin's campus)]. IN: Karakhalk. – 1926. – No 629. – P. 3. (In Russian)
- АВАЗОВ А.С. *Ocherki istorii kabardinskoi dramaturgii. (Vozniknovenie. Stanovlenie. Razvitie)* [Essays on the history of Kabardino drama. (Emergence. Formation. Development)]. – Nalchik: El'brus, 1996. – 128 p. (In Russian)
- Dva goda ucheby i praktiki* [Two years of study and practice]. IN: Karakhalk. – 1926. – No 610. – P. 3.
- EGUZHOKOV M. *Natsional'nyi teatr. Vpervye v istorii* [National Theatre. For the first time in history]. IN: Karakhalk. – 1928. – No 855. – P. 3. (In Russian)
- GERANDOKOV M.Kh., GERANDOKOVA V.Z. *Kul'turnaya revolyutsiya v natsional'nykh regionakh: mif ili real'nost'* [Cultural revolution in national regions: myth or reality.]. – Nalchik: El'-Fa, 2003. – 202 p. (In Russian)
- Iz istorii razvitiya sotsialisticheskoi kul'tury Kabardino-Balkarii. Sbornik statei* [From the history of socialist culture of Kabardino-Balkaria. Collection of articles]. – Nalchik: KBIIFE, 1981. – 201 p. (In Russian)

- Kak budem prazdnovat' 1-e maya v Nalchike* [How do we celebrate May 1st in Nalchik]. IN: Karakhalk. – 1928. – No 822. – P. 2. (In Russian)
- KALMYKOV B.E. *Stat'i i rechi* [Articles and speeches]. – Nalchik: El'brus, 1983. – 239 p. (In Russian)
- KHUTUEV Kh.I. *Stanovlenie i razvitie sotsialisticheskoi kul'tury sovetskoi Kabardino-Balkarii* [Formation and development of socialist culture in Soviet Kabardino-Balkaria]. – Nalchik: El'brus, 1984. – 451 p. (In Russian)
- Kluby goryanok* [Women's clubs]. IN: Karakhalk. – 1928. – No 862. – P. 3. (In Russian)
- Kul'turnoe stroitel'stvo v Kabardino-Balkarii (1918-1941 gg.)*. Tom 1 [Cultural construction in Kabardino-Balkaria (1918-1941). Vol. 1]. – Nalchik: 1980. – 382 p. (In Russian)
- Kul'turnoe stroitel'stvo v Kabardino-Balkarii (1918-1941gg.)*. Tom 2 [Cultural construction in Kabardino-Balkaria (1918-1941). Vol. 2]. – Nalchik: El'brus, 1985. – 391 p. (In Russian)
- KURSANTKA. *Uchimsya, uchim drugikh* [Learning, teaching others]. IN: Karakhalk. – 1928. – No 809 – P. 2. (In Russian)
- LEKPOM. *Pervomaiskii prazdnik. Dve kartinki* [May Day holiday. Two pictures]. IN: Karakhalk. – 1928. – No 823. – P. 2. (In Russian)
- Leninskii uchebnyi gorodok – kommunisticheskaya kuznitsa kadrov Kabardino-Balkarii. [1924-1936]. Sbornik vospominanii i dokumentov /sost. E.T. Khakuashev* [Leninist campus – Communist forge of personnel of Kabardino-Balkaria. Collection of memoirs and documents. Comp. E.T. Hakuashev]. – Nalchik : Kabard.-Balkar. kn. izd-vo, 1964. – 129 p. (In Russian)
- M.B. *Ob antireligioznoi rabote* [About anti-religious work]. IN: Karakhalk. – 1928. – No 811. – P. 2.
- MAMSIROV Kh.B. *Modernizatsiya kul'tur narodov Severnogo Kavkaza v 20-e gg. XX v.* [Modernization of cultures of the peoples of the North Caucasus in the 20th century]. – Nalchik: El'brus, 2004. – 325 p. (In Russian)
- Maulit* [Maulit]. IN: Karakhalk. – 1928. – No 857. – P. 4. (In Russian)
- Na s"ezde* [At the congress]. IN: Karakhalk. – 1929. – No 903. – P. 2.
- Pisateli Kabardino-Balkarii. XIX – konets 80-kh gg. XX v. Biobibliograficheskii slovar'* [Writers of Kabardino-Balkaria. XIX – the end of 80th years of XX century. Biobibliographical dictionary]. – Nalchik: El'-fa, 2003. – 441 p. (In Russian)
- POMERANTSEVA A. *Kuznitsa kul'tury (Uchebnyi Gorodok)* [Cultural forge (campus)]. IN: Karakhalk. – 1925. – No 570. – P. 2. (In Russian)
- SARBASHEVA A.M. *Balkarskaya dramaturgiya: etnofol'klornaya traditsiya i evolyutsiya zhanra* [Balkar playwrights: ethnofolklore tradition and evolution of the genre]. – Nalchik: izd-vo KBIGI, 2009. – 239 p. (In Russian)
- TSORAEV S. *Ushedshego nepovtorimye cherty. Zapiski starozhila Nalchika* [The one who's gone is unique. Notes of an old resident of Nalchik]. IN: Kabardino-Balkarskaya pravda. – 1990. – No 192. (In Russian)
- UTsGA AS KBR – *Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi respubliki* [Office of the Central state archive of Archival service of Kabardino-Balkar Republic].
- Z.R. *K novomu bytu* [To a new way of life] IN: Karakhalk. – 1928. – No 811. – P. 3. (In Russian)
- ZHANSITOV O.A. *Kabardinskoe obshchestvo v usloviyakh urbanizatsii: problemy osvoeniya goroda* [Kabardian society in terms of urbanization: problems of city development]. IN: *Kabardino-Balkariya v XX – nachale XXI v.: Politicheskie i sotsiokul'turnye preobrazovaniya. Sbornik nauchnykh statei* [Kabardino-Balkaria in the 20th – early 21 century: Political and sociocultural transformations. Collection of scientific articles]. – Nalchik: izd. KBIGI, 2016. P. 80-89. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Новейшая история**

УДК 94 (470.6)/316

DOI 10.31143/2542-212X-2019-4-76-91

**СОСТОЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ОЦЕНКАХ
ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА РЕГИОНА****А.Р. АТЛАСКИРОВ**

*ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
Центр социально-политических исследований
360002, КБР, г. Нальчик, ул. Балкарова, 2
E-mail: atlaskirov.albert@yandex.ru*

Аннотация. Для современного общественного сознания населения Кабардино-Балкарии актуальными являются вопросы, связанные с историей народов республики и её интерпретации различными субъектами общественно-политического процесса. Широкий доступ к различным сетевым ресурсам и открытое обсуждение различных эпизодов истории народов республики приводит к тому, что разгорающиеся в социальных сетях «баталии» периодически переходят в реальные межнациональные столкновения. Методической основой исследования являются системный и междисциплинарный подходы. Методом исследования является экспертный опрос. Выявлено, что: каналами, через которые в наибольшей степени осуществляется воздействие на историческое сознание населения, по мнению экспертов, являются тематические группы в социальных сетях (Instagram, Facebook, Telegram и т.д.); большинство экспертов считают, что интерес к истории у жителей Кабардино-Балкарии зависит от уровня образования, возраста, пола и национальной принадлежности; по мнению экспертов, знания о происхождении (корнях) выступают в историческом сознании и общественно-политической жизни как самые важные для народов республики.

Ключевые слова: историческое сознание; историческая память; Кабардино-Балкарская Республика; эксперты; социологическое исследование; глобализация.

**STATE OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS OF THE POPULATION OF
KABARDIN-BALKARIAN REPUBLIC IN THE ASSESSMENTS OF THE
REGIONAL EXPERT COMMUNITY****A.R. ATLASKIROV**

*«Federal scientific center
«Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
Center of socio-political researches*

360002, KBR, Nalchik, Balkarova St., 2

E-mail: atlaskirov.albert@yandex.ru

Abstract. For the contemporary public consciousness of the population of Kabardino-Balkaria, issues related to the history of the peoples of the republic and its interpretation by various subjects of the socio-political process are relevant. Wide access to various network resources and open discussion of various episodes of the history of the peoples of the republic leads to the situation when “battles” flaring up on social networks periodically turn into real ethnic clashes. The methodological bases of the study are systemic and interdisciplinary approaches. The research method is an expert survey. It was revealed that: the channels through which the impact on the historical consciousness of the population is greatest, according to experts, are thematic groups on social networks (Instagram, Facebook, Telegram, etc.); most experts believe that interest in history among residents of Kabardino-Balkaria depends on the level of education, age, gender and nationality; according to experts, knowledge about the ethnic origin (roots) appear in the historical consciousness and socio-political life as the most important for the peoples of the republic.

Keywords: historical consciousness; historical memory; Kabardino-Balkarian Republic; experts; sociological research; globalization.

Глобализационные процессы оказывают влияние на повседневную жизнь людей во всех уголках нашей планеты, в том числе и в Кабардино-Балкарской Республике. Информационные потоки расширяются и проникают во все сферы жизнедеятельности граждан. Социальные сети превращаются в главный источник информации для большинства людей. С каждым годом все больше и больше людей могут, используя современные информационные технологии, выходить на виртуальные дискуссионные площадки для обсуждения наиболее злободневных общественных проблем. Актуальными для современного общественного сознания населения Кабардино-Балкарии являются вопросы, связанные с историей народов республики и её интерпретации различными субъектами общественно-политического процесса. Широкое обсуждение различных эпизодов истории народов республики приводит к тому, что разгорающиеся в социальных сетях «баталии» периодически переходят в реальные межнациональные столкновения.

Значительное влияние на исследование различных аспектов исторического сознания и памяти оказали: М. Хальбвакс [Хальбвакс 2007], М. Фуко [Фуко 2005], П. Нора [Нора 1999], Я. Ассман [Ассман 2004]. Историческое сознание формируется благодаря содействию различных факторов, которые близки друг другу и постоянно взаимодействуют между собой: исторический опыт, идеология, культура и т.д. Под историческим сознанием понимают «срез общественного сознания, который представляет собой отражение, познание, осмысление, интерпретацию, вынесение оценок, выражение эмоций, постижение истории как процесса, протекающего во времени, в единстве прошлого, настоящего и будущего» [Свирида 2004: 10]. Историческое сознание часто отождествляют с исторической памятью, однако первое намного шире второго. «Память не имеет перспективного измерения. Памятью в отличие от сознания нельзя проникнуть в будущее. Память можно восполнить информацией из различных источников. Сознанием можно

проникнуть в прошлое, которое не зафиксировано в памяти. Сознание может управлять образами памяти, вызывать их, стирать и трансформировать; в то время как память осуществляет конкретный набор операций с информацией: запоминание, хранение, накапливание, воспроизводство и забывание» [Матусевич 2011: 112].

Следует отметить, что зачастую коллективная память не только не совпадает с историей, но и противостоит ей. По мнению П. Нора, в западных странах произошло расхождение между историей и коллективной памятью тогда, когда национальная память, представляющая собой передачу воспоминаний от одного поколения другому, начала замещаться преднамеренно конструируемой национальной историей [Нора 1999]. Л.П. Репина считает, что «неправомерно без всяких оговорок ставить знак равенства между историческим и общественным сознанием, поскольку первое – лишь измерение, срез второго. Точно так же историческая память, в строгом смысле слова, есть измерение, срез социальной памяти» [Репина 2004: 26]. Исследованиям исторического сознания и его теоретических противоречий посвящена работа Д.К. Куликова [Куликов 2008]. Различные социологические подходы к анализу исторического сознания рассматривает И. Шубрт [Шубрт 2010]. В.В. Богданов, О.А. Фоменко, А.В. Байлов комплексное исследование феномена социальной памяти [Богданов и др. 2015]. А.П. Федоровский в своей работе [Федоровский 2011] анализирует особенности формирования и объективизации исторического сознания.

Ряд публикаций российских авторов посвящен анализу состояния и динамики исторического сознания россиян в конце XIX – начале XX в. Здесь можно выделить работы Ж.Т. Тощенко [Тощенко 2000], М.К. Горшкова и Н.М. Давыдовой [Горшков, Давыдова 2005], О.С. Горкуновой [Горкунова 2014], В.В. Лыковой [Лыкова 2007], В.Н. Сырова [Сыров 2013]. Интересно отметить, что в наиболее поздней публикации, посвященной исследованию динамики исторического сознания российского населения в постсоветский период, авторы пришли к выводу о том, что на уровне исторического сознания общества сохранились советские матрицы восприятия ключевых событий и персонажей прошлого [Багдасарян, Реснянский 2019].

Целью предлагаемого исследования является определение ключевых параметров состояния исторического сознания населения Кабардино-Балкарской Республики через призму представлений и оценок экспертного сообщества республики.

Для достижения поставленной цели в сентябре 2019 года Центром социально-политических исследований КБНЦ РАН был проведен экспертный опрос. В рамках данного исследования в качестве экспертов рассматривались представители профессионального научного сообщества историков, социологов и политологов – 66,7%, государственные и муниципальные служащие – 18,3%, педагоги – 10%, общественные активисты – 5%. В своей совокупности эти категории активно участвуют как в формировании общественного сознания, так и в социальных практиках, мотивированных историко-политическими факторами. Национальное соотношение опрошенных примерно совпадает с

долей каждой из народностей в структуре населения региона: кабардинцев – 53,8%, балкарцев – 16,6%, русских – 21,7%, другие национальности – 3,4%. Мужчин – 51,7%, женщин – 48,3%. Возрастной состав: 18-30 лет – 8,3%, 31-40 лет – 25%; 41-50 лет – 25%; 51 год и больше – 41,7%.

Специфика современной социокультурной и этнополитической ситуации в Кабардино-Балкарии такова, что реализация экспертных компетенций испытывает заметное влияние профессионального статуса и национальной самоидентификации эксперта. Кроме того, корректная интерпретация выраженных экспертом мнений предполагает учет его собственных личных установок по исследуемой проблеме. Поэтому в анкету был включен вопрос о важности для общества и/или народов республики сохранения памяти о прошлом. Предложенные варианты ответов позволяли оценить в первом приближении: а) какие функции исторического сознания и/или исторической памяти являются для эксперта приоритетными – поддержание групповой идентичности (Без этого народ не может себя сохранить. Потеряв свое прошлое, он потеряет и свое будущее) или актуальные интересы общества (Помнить надо то, что помогает решать современные проблемы, а то, что мешает – лучше забыть); б) доминирует ли в сознании эксперта ориентация на социальную традицию (Прошлое это опыт. Забыть его значит растерять накопленный векам опыт) или социальные инновации в решении актуальных задач (Старый опыт ограничивает нашу способность воспринимать новое. Общество развивается, и мы должны развиваться вместе с ним); в) как соотносятся в позиции эксперта коллективистская (нормативная) индивидуалистическая (волютаристская) установка (Считаю, что каждый сам может решать насколько важна для него память о прошлом).

Подавляющее большинство экспертов сошлись во мнении, что сохранение памяти о прошлом является важным для общества (93,6% ответов). Так же явно прослеживается, что важность прошлого связывается, прежде всего, с потребностями поддержания национальной идентичности. 75% экспертов согласны с суждением, что без сохранения исторической памяти народ не может себя сохранить, что потеряв свое прошлое, он потеряет и свое будущее. Только 11,6% экспертов отметили, что значение исторической памяти зависит от конкретного содержания прошлого, помнить надо то, что помогает решать современные проблемы, а то, что мешает лучше забыть (Таблица 1). Вместе с тем, хотелось бы отметить, что данный вариант ответа (да, но это зависит от конкретного содержания прошлого. Помнить надо то, что помогает решать современные проблемы, а то, что мешает – лучше забыть) наиболее популярен у государственных служащих, участвовавших в опросе. Представляется, что выбранная позиция является следствием профессионального статуса государственного служащего, вынужденного прагматично подходить к решению тех или иных проблемных вопросов, ставя государственные интересы выше личностных или этнических. В данном случае под государственными интересами понимается стремление государственного служащего к поддержанию межнационального мира и стабильности в обществе. Один из экспертов, отвечая на открытый вопрос, написал, что

«положительные моменты прошлого следует использовать для решения социальных проблем, а негативное – помнить и учитывать». Ни один эксперт не согласился с тем, что прошлое не является важным, поскольку старый опыт ограничивает нашу способность воспринимать новое. Вместе с тем, представляется интересным и важным, что 6,4% экспертов согласились с «либерально-индивидуалистической» позицией о том, что каждый сам может решать насколько важна для него память о прошлом.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: Считаете ли Вы важным для общества в целом и/или для народов республики сохранение памяти о прошлом?

01	02	03	04	05
75%	11,6%	7%	-	6,4%
01. да, считаю. Без этого народ не может себя сохранить. Потеряв свое прошлое, он потеряет и свое будущее				
02. да, но это зависит от конкретного содержания прошлого. Помнить надо то, что помогает решать современные проблемы, а то, что мешает – лучше забыть				
03. да, ведь прошлое это опыт. Забыть его значит растерять накопленный веками опыт				
04. нет. Я не считаю это важным. Старый опыт ограничивает нашу способность воспринимать новое. Общество развивается, и мы должны развиваться вместе с ним				
05. считаю, что каждый сам может решать насколько важна для него память о прошлом				

Увеличивающиеся возможности доступа к интернету, даже в самых отдаленных поселениях республики, и активное развитие тематических групп в Instagram, Facebook, Telegram, других социальных сетях, в которых открыто обсуждаются наиболее актуальные и «болезненные» вопросы общественной жизни, позволяют все большему количеству людей получать и распространять информацию. Зачастую, обсуждение в социальных сетях насущных жизненных проблем региона (отсутствие воды в селах, коррупция, низкие зарплаты и т.д.) уступает по своей актуальности обсуждению различных эпизодов истории. По мнению экспертов (71,6%), интерес к истории государства и своего народа у жителей Кабардино-Балкарии зависит от уровня образования, возраста, пола и национальной принадлежности. Довольно часто в тематических группах, на которые подписаны несколько тысяч человек, регулярно выкладывают информацию и комментируют публикации 10-15 активистов, которые и формируют повестку дня, в то время как большинство подписчиков просто наблюдают за обсуждениями. Так 13,4% экспертов отмечают, что жители республики проявляют интерес к истории, но предпочитают наблюдать за обсуждениями наиболее актуальных вопросов истории, нежели участвовать в обсуждении (Таблица 2). Один из экспертов в пункте «Ваш вариант» отметил, что «жители республики проявляют высокий уровень интереса к историческим знаниям, но только получают они эту информацию не из первоисточников, и не всегда достоверную». Еще один эксперт написал, что «интерес носит эпизодический характер, усиливается в связи с теми или иными событиями или датами. Интерес жителей республики к истории обусловлен деятельностью

специалистов разного уровня, экспертов, «любителей» истории, СМИ, друзей, соседей, общественно-политической ситуации, политического момента и т.д. и т.п.».

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: Как Вы считаете, в какой степени выражен интерес к истории у жителей республики?

01	02	03	04
6,6%	13,4%	8,4%	71,6%
01. жители республики проявляют высокий уровень интереса к историческим знаниям и активно участвуют в обсуждении актуальных вопросов истории			
02. жители республики интересуются историей, но предпочитают наблюдать за обсуждениями наиболее актуальных вопросов истории, нежели участвовать в обсуждении			
03. жители республики не интересуются историей и заняты решением насущных жизненных проблем			
04. степень выраженности исторического интереса у жителей республики разная в зависимости от образования, возраста, пола и национальной принадлежности			

Значительный интерес представляет вопрос о том, что детерминирует актуализацию исторических и «неисторических» знаний в общественно-политическом пространстве региона. По мнению экспертов (68,3%), интерес жителей республики к истории объясняется широким общественным резонансом вокруг ряда исторических дат. Именно в период празднования памятных дат связанных с историей народов Кабардино-Балкарии (Канжальское сражение, депортация балкарского народа, Кавказская война и т.д.) обостряются межнациональные противоречия, активисты национальных движений в своих дискуссиях доходят до взаимных оскорблений. Также, значительная часть экспертов (45%), отмечает, что свою роль в обострении межнациональных отношений играют и провокаторы, которые стравливают народы республики между собой (Таблица 3). В ходе опроса эксперты отмечали, что интерес жителей республики к истории обусловлен: *«политической конъюнктурой»; «обычными человеческими качествами - гордиться предками и их величием, геройством, крутостью, богатством и т.д.»; «стремлением узнать историческую правду».*

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: Если Вы считаете, что жители республики интересуются историей, то чем, по Вашему мнению, объясняется этот интерес? (не более двух вариантов ответа).

01	02	03	04	05
26,7%	20%	5%	68,3%	45%
01. стремлением к знаниям				
02. влиянием старшего поколения				
03. наличием свободного времени, которое чем-то надо занять				

04. широким общественным резонансом вокруг ряда исторических дат
 05. действиями провокаторов, стравливающих народы республики между собой

По мнению экспертов, исторические представления в наибольшей степени влияют на сознание и поведение балкарского населения – 56,7%. Наименьшее влияние, среди жителей республики, исторических представлений на сознание и поведение отмечается у русских. Показательны расхождения в оценках экспертов по этому вопросу в зависимости от их национальности. Так, по мнению экспертов кабардинской национальности, исторические представления в наибольшей степени влияют на сознание и поведение балкарского населения – 57,1%. По мнению экспертов балкарской национальности, исторические представления в наибольшей степени влияют на сознание и поведение кабардинского населения – 70%. По мнению экспертов русской национальности, исторические представления в наибольшей степени влияют на сознание и поведение балкарского населения – 71,5% (Таблица 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: По Вашему мнению, на чье сознание и поведение в наибольшей степени влияют исторические представления?

	Общие показатели	Кабардинцы (эксперты)	Балкарцы (эксперты)	Русские (эксперты)
Кабардинское население	40%	40%	70%	21,5%
Балкарское население	56,7%	57,1%	30%	71,5%
Русское население	3,3%	2,9%	-	7%

Эксперты считают (52,7%), что исторические представления в наибольшей степени влияют на сознание и поведение молодежи до 30 лет. В силу психологических особенностей данной социально-демографической группы, именно молодое поколение наиболее оперативно мобилизуется и активно участвует в межнациональных конфликтах. К примеру, 19 сентября 2018 года в межнациональных столкновениях у села Кёнденен принимали участие, в основном, молодые люди. Вместе с тем, немногим меньшая доля экспертов (43,6%) отметила, что влияние исторических представлений наиболее характерно для людей в возрасте 30-60 лет. 3,7% экспертов считает, что исторические представления в наибольшей степени влияют на сознание и поведение людей старше 60 лет.

По мнению экспертов (45%), исторические представления в наибольшей степени влияют на людей со средним общим и профессиональным образованием (Таблица 5). Наименее подверженными влиянию исторических представлений являются богатые люди (1,9%), поскольку данная социальная категория населения традиционно отличается высоким уровнем космополитизма (Таблица 6). Комментируя этот вопрос, одни из экспертов

отметил, что *«наиболее подвержены влиянию люди молодого поколения. Уровень материального достатка или уровень образования в вопросах истории особой роли не играет, т.к. интерес к истории носит эпизодический и избирательный характер».*

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: По Вашему мнению, на чье сознание и поведение в наибольшей степени влияют исторические представления?

01. людей с высшим образованием	35%
02. людей со средним общим и профессиональным образованием	45%
03. людей с неполным средним и начальным образованием	20%

Таблица 6

По Вашему мнению, на чье сознание и поведение в наибольшей степени влияют исторические представления?

01. людей из бедных слоев населения	28,3%
02. людей со средним достатком	69,8%
03. людей богатых	1,9%

В силу того, что исторические знания и их интерпретации играют важную роль в общественной жизни Кабардино-Балкарии, представляется важным то, каким образом люди, интересующиеся историей, удовлетворяют данный интерес. По мнению большинства экспертов, интерес к историческим знаниям удовлетворяется у людей от случая к случаю, под влиянием внешних факторов – 70%. Только 6,6% опрошенных экспертов убеждены в том, что подобный интерес носит основательный характер и удовлетворяется систематически и целенаправленно (Таблица 7). Более подробно анализируя вопрос, эксперт отметил, что *«интерес эпизодический, избирательный (от случая к случаю) и обусловлен личностными качествами интересующихся и внешними факторами, нередко под влиянием государственной политики, а также под влиянием манипуляторов сознанием».*

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос: Как, по Вашему мнению, у людей, интересующихся историей, удовлетворяется интерес к историческим знаниям?

01	02	03
6,6%	23,4%	70%
01. систематически и целенаправленно		
02. от случая к случаю по внутренней потребности		
03. от случая к случаю под влиянием внешних факторов		

Каналами, через которые в наибольшей степени осуществляется воздействие на историческое сознание населения, по мнению экспертов, являются тематические группы в социальных сетях (Instagram, Facebook, Telegram и т.д.) – 86,6%. Представляется, что в век бурного развития информационных технологий, именно социальные сети становятся главным поставщиком для населения информации. Популярными социальными сетями пользуются не только молодые люди, но уже и старшее поколение. Телевидение, радио, газеты меняют свой формат и превращаются в электронные сетевые информационные издания или же исчезают. В том, что именно социальные сети в наибольшей степени воздействуют на историческое сознание населения, сходятся все эксперты. По мнению одного из экспертов *«интерес населения зависит от механизма «удовлетворения» интереса к тем или иным датам со стороны различных акторов, тематические группы в социальных сетях нередко также создаются «удовлетворителями» интересов и способны создать устойчивые «представления»*. Также 66,7% экспертов считают, что одним из важных каналов, через который осуществляется воздействие на историческое сознание населения, являются памятные даты, имеющие траурный характер (Таблица 8).

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос: По Вашему мнению, через какие каналы в наибольшей степени осуществляется воздействие на историческое сознание населения (не более трех вариантов ответа)?

	01	02	03	04	05	06	07	08
Общие	20%	5%	8,3%	18,3%	86,6%	66,7%	31,6%	41,7%
Кабардинцы	22,8%	-	3%	17%	88,5%	65,7%	31,4%	40%
Балкарцы	10%	10%	30%	20%	100%	70%	30%	50%
Русские	23%	15%	7,6%	23%	77%	61,5%	30%	38%
01. школьная программа по истории 02. исторические темы в литературе и искусстве 03. научные исследования 04. тематические телевизионные передачи 05. тематические группы в социальных сетях (инстаграм, фейсбук, вконтакте и т.д.) 06. памятные даты, имеющие траурный характер 07. памятные даты, имеющие праздничный характер 08. выступления и заявления общественных активистов								

Оценивая уровень знания населением республики истории народов Кабардино-Балкарии, только 1,6% экспертов отметили, что большинство имеет достаточно полные и правильные представления об истории народов республики. По мнению 45% экспертов знание истории у большинства замыкается на отдельных, обычно трагических событиях прошлого народов региона. 28,4% экспертов считают, что знание истории зависит от этнической принадлежности человека. Люди, интересуются и знают историю «своего» народа (Таблица 9). Комментируя вопрос один из экспертов заметил, что

«знания большинства отрывочные и неполные, обусловлены сложившимися представлениями, нередко сложившимися штампами и этнической принадлежностью». Другой написал, что «большинство жителей имеют фрагментарные представления по истории республики и народа».

Таблица 9

Распределение оценок экспертами уровня знаний основной массы населения КБР об истории народов КБР

01	02	03	04	05
1,6%	13,3%	45%	28,4%	11,7%
01. большинство имеет достаточно полные и правильные представления об истории народов КБР				
02. большинство имеет фрагментарные, но в целом корректные представления об истории народов КБР				
03. знание истории у большинства замыкается на отдельных, обычно трагических событиях прошлого народов КБР				
04. знание истории зависит от этнической принадлежности человека: люди интересуются и знают историю «своего» народа				
05. большинство не имеет каких-либо знаний по истории народов КБР				

По мнению 70% экспертов, знания о происхождении (корнях) выступают в историческом сознании и общественно-политической жизни как самые важные для народов Кабардино-Балкарии. Активисты кабардинских (адыгских) национальных движений в своих выступлениях и статьях прослеживают связь адыгов с древними народами Малой Азии и черноморского региона (хетты, синды, зихи и т.д.). Активисты балкарских национальных движений ведут своё происхождение от тюрков (народы тюркской языковой группы) и аланов (ираноязычные кочевые племена). Взаимные претензии национальных активистов относительно выбора исторических предков зачастую служат источником межнациональных конфликтов в республике. Вторым по важности, по мнению экспертов, выступают знания о традиционной культуре народов – 55% (Таблица 10). Один из экспертов отметил, что наиболее важными знаниями являются знания *«о великих предках и их великих делах»*. Примечательным является тот факт, что только 1,6% экспертов важным считают знания о взаимных отношениях народов региона. Достаточно часто именно различные исторические эпизоды взаимоотношений народов не только Кабардино-Балкарии, но и соседних республик, лежат в основе «сетевых баталий» с участием национальных активистов.

Таблица 10

Распределение ответов на вопрос: Какие знания о прошлом, с Вашей точки зрения, выступают в историческом сознании и общественно-политической жизни как самые важные для народов республики? (не более двух вариантов ответа)

01	02	03	04	05	06
70%	15%	30%	55%	16,7%	1,6%
01. об их происхождении (корнях)					
02. об их традиционном общественном укладе					
03. об их традиционной культуре					
04. об их роли в политической истории Кавказа, России					
05. об их взаимных отношениях					
06. об опыте стран и народов, достигших наибольших успехов в современном мире					

Наиболее важное место в общественном сознании и информационном пространстве региона, по мнению экспертов, занимает период Кавказской войны. Трагические последствия войны, закончившейся еще в XIX веке, до сих пор болезненно сказываются на общественном сознании кабардинского (адыгского) народа. Многие активисты национальных общественных движений требуют правовой оценки событий Кавказской войны, периодически превращая ее в наиболее актуальную тему социально-политического пространства региона. Это подтверждает тот факт, что не только эксперты кабардинской национальности отвели наиболее важное место в общественном сознании и информационном пространстве региона периоду Кавказской войны – 94,2%, но и эксперты русской – 61,5% и балкарской – 90% национальностей. Вместе с тем, хотелось бы отметить, что, по мнению одного из экспертов, активисты национальных движений нередко «в своих рассуждениях доходят чуть ли не до ледникового периода». Возможно, под этим подразумевается то, что в попытке выяснить, кому принадлежит земля, кто здесь (т.е. в Кабардино-Балкарии) поселился первым, кто имеет приоритетное право землепользования в различных уголках республики, активисты в своих умозаключениях уходят глубоко в историю на несколько тысяч лет. Также одним из важнейших периодов истории эксперты признают период депортации балкарского народа (Таблица 11).

Таблица 11

Распределение ответов на вопрос: Какие периоды истории народов Кабардино-Балкарии, с Вашей точки зрения, занимают наиболее важное место в общественном сознании и информационном пространстве региона? (не более трех вариантов ответа)

	01	02	03	04	05	06	07
Общие	30%	16,7%	18,3%	60%	85%	10%	28,3%
Кабардинцы	31,4%	11,4%	11,4%	60%	94,2%	11,4%	22,8%
Балкарцы	20%	10%	30%	80%	90%	10%	60%
Русские	30%	23%	30%	46%	61,5%	-	53,8%
01. современный период, когда определяется будущее							
02. советский период, когда наша республика достигла наибольших успехов в своем развитии							
03. период Великой Отечественной войны							

04. период депортации балкарского народа
 05. период Кавказской войны
 06. период 1550-1750-х годов, когда развивалось мирное политическое сотрудничество с Российским государством
 07. период древности и средневековья, в который уходят корни народов республики

С целью конкретизации мнений экспертов относительно событий истории народов республики, занимающих наиболее важное место в общественном сознании и информационном пространстве региона, в анкете было предложено выделить: а) наиболее важное событие истории народов Кабардино-Балкарии и России произошедшее до XX века; б) наиболее важное событие истории народов Кабардино-Балкарии и России произошедшее в XX веке. В экспертном сообществе разделились мнения относительно события истории народов Кабардино-Балкарии и России, занимающего наиболее важное место в общественном сознании и информационном пространстве региона, произошедшего до XX века. Эксперты кабардинской национальности чаще всего отмечали, что таким событием является война Кабарды с Крымским ханством 1708 года и Канжальская битва – 77,1%. У экспертов балкарской и русской национальностей наиболее популярным ответом является – установление постоянных отношений кабардинских князей с Россией в 1550-х годах (80% и 61,5%). Немалая часть (36,7%) экспертов считает, что таким событием является разграничение кабардинских и балкарских земель произошедшее в 1864 году. Земельную и крестьянскую реформы 1860-х годов в качестве события занимающего наиболее важное место в общественном сознании и информационном пространстве региона признают 13,3% экспертов (Таблица 12).

Таблица 12

Распределение ответов на вопрос: Какие события истории народов Кабардино-Балкарии и России до XX в., с Вашей точки зрения, занимают наиболее важное место в общественном сознании и информационном пространстве региона? (не более трех вариантов ответа)

	01	02	03	04	05	06	07
Общие	41,7%	6,6%	68,3%	38,3%	22,6%	13,3%	36,7%
Кабардинцы	25,7%	5,7%	77,1%	37,1%	17,1%	22,8%	48,5%
Балкарцы	80%	10%	70%	20%	40%	20%	40%
Русские	61,5%	7,6%	53,8%	46%	15%	-	7,6%

01. установление постоянных отношений кабардинских князей с Россией в 1550-х годах
 02. установление контактов балкарских владетелей с Российским государством в XVII веке
 03. война Кабарды с Крымским ханством 1708 года и Канжальская битва
 04. установление российского военно-административного контроля над Кабардой при А.П. Ермолове (1818-1822)
 05. принятие балкарскими обществами присяги «на верность подданства» России в 1827 г.
 06. земельная и крестьянская реформа 1860-х гг., осуществленная царской администрацией
 07. разграничение кабардинских и балкарских земель в 1864 г.

Историческим событием XX века, занимающим наиболее важное место в общественном сознании и информационном пространстве современной Кабардино-Балкарии, по мнению экспертов, является депортация балкарского народа. Этот вариант отметили 65% опрошенных. Самым популярным данный вариант ответа является у экспертов всех представленных национальностей: кабардинцы – 65,7%, балкарцы – 60%, русские – 53,8%. Крах советской системы и распад СССР в 1991 году считают одним из важнейших событий XX века 33,3% экспертов. Провозглашение Республики Балкария и Кабардинской Республики в конце XX века занимает наиболее важное место в общественном сознании и информационном пространстве региона, по мнению 16,7% экспертов (Таблица 13).

Таблица 13

Распределение ответов на вопрос: Какие события истории Кабардино-Балкарии и России в XX в., с Вашей точки зрения, занимают наиболее важное место в общественном сознании и информационном пространстве региона? (не более трех вариантов ответа)

	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10	11
Общие	20 %	15 %	11,7 %	21,7 %	21,7 %	65 %	26,7 %	10 %	33,3 %	16,7 %	13,3 %
Кабардинцы	14 %	17,1 %	14 %	11,4 %	14 %	65,7 %	22,8 %	8,5 %	31,4 %	20 %	8,5%
Балкарцы	20 %	20 %	10 %	40 %	40 %	60 %	40 %	-	30 %	10 %	10 %
Русские	30 %	7,6%	-	23 %	30 %	53,8 %	23 %	15 %	38,4 %	15 %	15 %

01. революция 1917 г. в России и установление советской власти

02. постановление ВЦИК об образовании Кабардинской автономной области 1 сентября 1921 г.

03. постановление ВЦИК об образовании Балкарской автономной области 6 января 1922 г.

04. постановление ВЦИК об образовании единой Кабардино-Балкарской автономной области 16 января 1922 г.

05. создание письменности на кабардинском и балкарском языках

06. депортация балкарского народа в 1944 г.

07. возвращение балкарского народа на родину и восстановление единой КБАССР в 1957 г.

08. принятие Декларации о государственном суверенитете КБАССР в январе 1991 г.

09. крах советской системы и распад СССР в 1991 г.

10. провозглашение Республики Балкария и Кабардинской Республики в ноябре 1991 – январе 1992 г.

11. приход к руководству страной В.В. Путина

Итоги. Для современного общественного сознания населения Кабардино-Балкарии актуальными являются вопросы, связанные с историей народов республики и её интерпретации различными субъектами общественно-политического процесса. Широкий доступ к различным сетевым ресурсам и

открытое обсуждение различных эпизодов истории народов республики приводит к тому, что разгорающиеся в социальных сетях «баталии» периодически переходят в реальные межнациональные столкновения в регионе.

В ходе проведенного исследования было выявлено, что:

- по мнению экспертов, сохранение памяти о прошлом является важным для общества. Без сохранения исторической памяти народ не может себя сохранить;

- большинство экспертов считают, что интерес к истории у жителей Кабардино-Балкарии зависит от уровня образования, возраста, пола и национальной принадлежности;

- интерес жителей республики к истории связывают с широким общественным резонансом вокруг ряда исторических дат;

- большинство экспертов считают, что исторические представления в наибольшей степени влияют на сознание и поведение балкарского населения республики;

- наибольшее число экспертов считает, что интерес к историческим знаниям удовлетворяется у людей, интересующихся историей, от случая к случаю, под влиянием внешних факторов;

- каналами, через которые в наибольшей степени осуществляется воздействие на историческое сознание населения, по мнению экспертов, являются тематические группы в социальных сетях (инстаграмм, фейсбук, телеграмм и т.д.);

- большинство экспертов считают, что знание истории народов Кабардино-Балкарии у жителей региона замыкается на отдельных, обычно трагических событиях прошлого;

- по мнению большинства экспертов, знания о происхождении (корнях) выступают в историческом сознании и общественно-политической жизни как самые важные для народов Кабардино-Балкарии;

- событием в истории народов Кабардино-Балкарии, занимающим наиболее важное место в общественном сознании и информационном пространстве региона, произошедшим до XX века, по мнению большинства экспертов, является война Кабарды с Крымским ханством 1708 года и Канжальская битва;

- событием в истории народов Кабардино-Балкарии, занимающим наиболее важное место в общественном сознании и информационном пространстве региона, произошедшим в XX веке, по мнению большинства экспертов, является депортация балкарского народа.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Ассман 2004 – *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 363 с.

Багдасарян, Реснянский 2019 – *Багдасарян В.Э., Реснянский С.И.* Динамика исторического сознания российского населения в постсоветский период // Вопросы истории. – 2019. – № 11. – С. 20-32. DOI: <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii201911Statyi04>

Богданов и др. 2015 – *Богданов В.В., Фоменко О.А., Байлов А.В.* Социальная память. – Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2015. – 160 с.

Горкунова 2014 – *Горкунова О.С.* Массовое историческое сознание россиян рубежа XX-XXI вв // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2014. – № 2 (139). – С. 68-75.

Горшков, Давыдова 2005 – *Горшков М.К., Давыдова Н.М.* Историческое самосознание россиян // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. – 2005. – № 1(73). – С. 17-24.

Куликов 2008 – *Куликов Д.К.* Историческое сознание и его теоретические противоречия // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2008. – № 1(143). – С. 14-18.

Лыкова 2007 – *Лыкова В.В.* Историческая память в современной России: проблемы трансформации // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2007. – №1-2 (3-4). – С. 176-182.

Матусевич О.А. 2011. – *Матусевич О.А.* Историческое сознание и коллективная память как предмет социально-гуманитарного познания // Труды БГТУ. Серия: История, философия, филология. – 2011. – № 5 (143). – С. 111-113.

Нора 1999 – *Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция – память. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского ун-та, 1999. – С. 17-50.

Репина 2003 – *Репина Л.П.* Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт WP6/2003/07. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 44 с.

Свирида 2004 – *Свирида Н.Н.* Историческое сознание как явление культуры. Автореферат. дис. ... канд. филос. наук. – Омск: Омский гос. пед. ун-т, 2004. – 18 с.

Сыров 2013 – *Сыров В.Н.* В каком историческом сознании мы нуждаемся: к методологии подхода и практике использования // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – № 1 (21). – С. 183-190.

Тощенко 2000 – *Тощенко Ж.Т.* Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. – 2000. – № 4. – С. 3-14.

Федоровский 2011 – *Федоровский А.П.* Историческое сознание: особенности формирования и объективизации // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2011. – № 3. – С. 29-34.

Фуко 2005 – *Фуко М.* Нужно защищать общество // Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976. – СПб.: «Наука», 2005. – 312 с.

Хальбвакс 2007 – *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.

Шубрт 2010 – *Шубрт И.* Историческое сознание как предмет социологического исследования // Вестник Вятского государственного университета. Философия и социология. – 2010. – № 4-1. – С. 6-12.

REFERENCES

ASSMAN Ya. *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in high cultures of antiquity]. – М.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. – 363 p. (In Russian)

BAGDASARYAN V.E., RESNYANSKII S.I. *Dinamika istoricheskogo soznaniya rossiiskogo naseleniya v postsovetskii period* [The dynamics of the historical consciousness of the Russian population in the post-Soviet period]. IN: *Voprosy istorii*. 2019. – No 11. – P. 20-32. DOI: <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii201911Statyi04> (In Russian)

BOGDANOV V.V., FOMENKO O.A., BAILOV A.V. *Sotsial'naya pamyat'* [Social memory]. – Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2015. – 160 p. (In Russian)

FEDOROVSKII A.P. *Istoricheskoe soznanie: osobennosti formirovaniya i ob'ektivizatsii* [Historical consciousness: features of formation and objectification]. IN: *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*. – 2011. – No 3. – P. 29-34. (In Russian)

FUKO M. *Nuzhno zashchishchat' obshchestvo* [Il faut defender la societe (Fr)]. IN: *Kurs lektsii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1975-1976* [Course of lectures at the Collège de France in 1975-1976]. – Sankt-Petersburg: «Nauka», 2005. – 312 p. (In Russian)

GORKUNOVA O.S. *Massovoe istoricheskoe rossiyam rubezha XX-XXI vv* [Mass historical consciousness of Russians at the turn of 20-21 centuries]. IN: *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*. – 2014. – No 2 (139). – P. 68-75. (In Russian)

GORSHKOV M.K., DAVYDOVA N.M. *Istoricheskoe samosoznanie rossiyam* [Historical identity of Russians]. IN: *Monitoring obshchestvennogo mneniya. Ekonomicheskie i sotsial'nye peremen*. – 2005. – No 1(73). – P. 17-24. (In Russian)

KHAL'BAKHS M. *Sotsial'nye ramki pamyati* [Les cadres sociaux de la memoire (Fr)]. Transl. from fr. and intr. article by S.N. Zenkin. – M.: Novoe izdatel'stvo, 2007. – 348 p. (In Russian)

KULIKOV D.K. *Istoricheskoe soznanie i ego teoreticheskie protivorechiya* [Historical consciousness and its theoretical inconsistencies]. IN: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Seriya: Obshchestvennye nauki*. – 2008. – No 1(143). – P. 14-18. (In Russian)

LYKOVA V.V. *Istoricheskaya pamyat' v sovremennoi Rossii: problemy transformatsii* [Historical memory in modern Russia: problems of transformation]. IN: *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2007. – No 1-2 (3-4). – P. 176-182. (In Russian)

MATUSEVICH O.A. *Istoricheskoe soznanie i kollektivnaya pamyat' kak predmet sotsial'no-gumanitarnogo poznaniya* [Historical consciousness and collective memory as a subject of social and humanitarian knowledge]. IN: *Trudy BGTU. Seriya: Istoriya, filosofiya, filologiya*. – 2011. – No 5 (143). – P. 111-113. (In Russian)

NORA P. *Mezhdru pamyat'yu i istoriei. Problematika mest pamyati* [Between Memory and History. Problematic of the Memory Sites]. IN: *Frantsiya – pamyat'* [France – Memory]. – Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 1999. – P. 17-50.

REPINA L.P. *Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriopisaniya (istoriograficheskie zametki)* [Cultural memory and problems of historiography (historiographic notes)]. Preprint WP6/2003/07. – M.: GU VShE, 2003. – 44 p. (In Russian)

SHUBRT I. *Istoricheskoe soznanie kak predmet sotsiologicheskogo issledovaniya* [Historical consciousness as a subject of sociological research]. IN: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya i sotsiologiya*. – 2010. – No 4-1. – P. 6-12. (In Russian)

SVIRIDA N.N. *Istoricheskoe soznanie kak yavlenie kul'tury. Avtoreferat. dis. ... kandidata filos. nauk* [Historical consciousness as a cultural phenomenon. Abstract of the thesis for a Candidate of philosophical sciences degree]. – Omsk: Omskii gos. ped. un-t, 2004. – 18 p. (In Russian)

SYROV V.N. *V kakom istoricheskom soznanii my nuzhdaemsya: k metodologii podkhoda i praktike ispol'zovaniya* [What historical consciousness do we need: on the methodology of approach and practice of use]. IN: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. – 2013. – No 1 (21). – P. 183-190. (In Russian)

TOSHCHENKO Zh.T. *Istoricheskoe soznanie i istoricheskaya pamyat'. Analiz sovremennogo sostoyaniya* [Historical consciousness and historical memory. Analysis of the current state]. IN: *Novaya i noveishaya istoriya*. – 2000. – No 4. – P. 3-14. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Этнография, этнология, антропология**

УДК 361.058.82(470.64)

DOI 10.31143/2542-212X-2019-4-92-111

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО
СОДЕРЖАНИЯ ИНСТИТУТА ВЗАИМОПОМОЩИ КАБАРДИНЦЕВ И
БАЛКАРЦЕВ****З.Х. СОБЛИРОВА
М.А. ХОКОНОВ
А.А. ЖУРТОВА**

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: zareta.soblirova@inbox.ru, mhokonov@gmail.com, anzhelka28@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается традиционный для народов Кабардино-Балкарии институт взаимопомощи. Нормы взаимопомощи определяли внутреннее содержание механизма социально-экономического взаимодействия в жестко институционализированном горском социуме и нивелировали его нравственные изъяны. Они являлись составной частью народного менталитета и воплощали прецедент социального порядка, стабильности и самоорганизации. Сочетание устойчивости и динамики традиций взаимопомощи обеспечивало передачу этногенетического эмпатического комплекса культуры подрастающему поколению. В устном народном творчестве кабардинцев и балкарцев встречаются многочисленные примеры хозяйственно-экономического взаимодействия и имплицитивные им предрелигиозные виды помощи. Этические обязательства способствовали усилению экономического потенциала небольших патриархально-родовых хозяйств горцев. Формы и виды взаимной поддержки функционировали как целостная система и носили добровольный характер. Необходимость выполнения в ограниченные сроки большого объема тяжелых сельскохозяйственных видов работ требовала объединения трудовых усилий всего аула. В период советских преобразований институт взаимопомощи претерпел изменения и был включен в процесс формирования государственной системы социального обеспечения.

Ключевые слова: взаимопомощь; традиционное общество; крестьянство; нравственность; социальное обеспечение.

**ETHNOGRAPHIC ANALYSIS OF THE SOCIO-CULTURAL CONTENT OF
THE MUTUAL ASSISTANCE PRACTICES OF THE KABARDIANS AND
BALKARS**

Z.H. SOBLIROVA
M.A. HOKONOV
A.A. ZHURTOVA

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: zareta.soblirova@inbox.ru, mhokonov@gmail.com, anzhelka28@mail.ru

Abstract. The article deals with the traditional Institute of mutual assistance for the peoples of Kabardino-Balkaria. The norms of mutual assistance determined the internal content of the mechanism of socio-economic interaction in the rigidly institutionalized society of highlanders and leveled its moral flaws. They were an integral part of the people's mentality and embodied the precedent of social order, stability and self-organization. The combination of stability and dynamics of traditions of mutual assistance ensured the transfer of ethno-genetic empathic complex of culture to the younger generation. In the folk art of Kabardians and Balkarians there are many examples of agricultural and economic interaction and implicative pre-religious types of assistance. Ethical obligations contributed to the improvement of the economic potential of small Patriarchal-tribal farms of the highlanders. Forms and types of mutual support functioned as a whole system and were voluntary. The need to perform a large amount of heavy agricultural work in a limited time required the unification of labor efforts of the whole village. During the Soviet period, the institution of mutual assistance suffered changes and was included in the process of forming the state social security system.

Keywords: mutual aid; traditional society; peasantry; morality; social security.

На современном этапе развития исторической науки наблюдается повышенный интерес к истории повседневности, позволяющей сквозь призму внутреннего содержания событий выявить роль человека как субъекта-творца исторического процесса. Изучение крестьянской повседневности способствует выявлению, как общих черт, так и регионально-национальных особенностей этой социальной группы. Рассмотрение традиционных культурных механизмов функционирования кабардинского и балкарского общества невозможно без обращения к различным формам взаимной помощи, которые длительное время являлись рычагом социально-экономического взаимодействия внутри крестьянства. Аутентичные формы взаимодействия служили не только фактором этнической идентификации, но и средством социализации индивида. Исследование института взаимопомощи как специфического элемента этнографии народа научно обосновано. Изучение общественного быта, его различных форм и проявлений актуально и в современном мире, ведь он непосредственно связан с аккумуляцией и трансляцией культурного наследия.

Существовавшие в неразрывной связи с реальностью человеческого бытия, сакральные символы и знаки помощи были наделены конгруэнтностью. Реальность выступала в качестве одного из важнейших способов сохранения и передачи духовной культуры в условиях отсутствия письменных средств передачи этнокультурной памяти. Эта особенность культуры изучена широким кругом исследователей, в числе которых Э. Кассирер и К. Леви-Стросс.

Взаимопомощь – это исторически развившаяся в культурно-историческом континууме того или иного народа относительно устойчивая система обмена различными ценностями, ресурсами, услугами, которая в свою очередь составляет действительность социального бытия. Она призвана интегрировать общественное сознание в трудовых, хозяйственных и творческих проявлениях деятельности. Этот фактор особенно важен в таких институциональных образованиях как кланы, патронимии, семьи, общины.

Как феномен социокультурных систем, взаимопомощь следует считать парадигмальной, относящейся к универсальным алгоритмам социокультурного мышления. Его наличие в контексте традиционных механизмов и институтов социализации объясняется, в первую очередь, необходимостью удовлетворения потребностей базового характера индивида, а затем социальной группы.

Теоретическое описание функциональных аспектов взаимопомощи и ее роли в организации новых форм социокультурной солидарности прослеживается в трудах Б. Малиновского, П. Сорокина, К. Изарда, А.К. Байбурина. Так, американский антрополог Б. Малиновский отмечал: «Главное понятие культуры – организация. Чтобы достичь какой-нибудь цели, люди должны организоваться. Организация предполагает определенную схему или структуру, основные составляющие которой универсальны. Функцию культуры нельзя определить иначе, нежели как удовлетворение некоторых потребностей путем консолидированной деятельности обмена и взаимопомощи» [Малиновский 2000: 46]. Институциональные составляющие взаимопомощи воспроизводились через определенные хозяйственные культы и семейные обряды.

Взаимопомощь в инвариантном аспекте можно рассматривать как социальную солидарность. Такая терминологическая характеристика предложена одним из основоположников социологии Э. Дюркгеймом. Он рассматривает социальную солидарность как главный скрепляющий фактор естественного состояния общества. «Общественная солидарность – чисто моральное явление, не поддающееся само по себе ни точному наблюдению, ни особенно измерению» [Дюркгейм 1996: 71]. Социальная солидарность основывается на коллективном сознании, совокупности верований, чувств, действий, сплачивающих индивидуальное и коллективное в некое духовное поле многоуровневой эмпатии. Э. Дюркгейм выделяет механическую солидарность, которая характерна для традиционных обществ и выражается в коллективном характере всех действий, постоянном автономном взаимодействии субъектов. «В обществе, где солидарность развита, индивид не принадлежит себе; это буквально вещь, которой распоряжается общество» [Дюркгейм 1996: 118].

Виды и формы взаимной помощи в традиционных обществах носили добровольный характер и в условиях социальной паритетности не воспринимались тягостным делом. Они становились компонентами нравственных норм общества, создавали эффективную продуктивность в различных видах деятельности. Страх и бессилие перед природными стихиями интегрировали людей в тесные союзы и группы. Постепенно элементы

общественной взаимопомощи проникли во все институты общества и превратились в компоненты культуры. Закономерности и модели подобного сосуществования и деятельности превратились в детально расписанные обрядово-ритуальные практики и действия.

Культурно-исторические и экономические детерминанты практики общественной взаимопомощи существовали у всех народов Северного Кавказа и имели идентичные проявления. У чеченцев и ингушей существовал обычай «белхи» – сложный по своей структуре институт, в центре которого находился совместный хозяйственный труд» [Хасбулатова 2017: 2]. У осетин в хозяйственной деятельности были известны различные формы совместной помощи, которые также имели добровольный, бескорыстный и одновременно обязательный характер организации [Магометов 1968: 71]. Обычай взаимопомощи «у аварцев именовался «гвай», у даргинцев «билхъа», у лакцев «марша», у кумыков «булкъа», у народов Южного Дагестана «мел». Здесь обычай появился и развивался в условиях господства родовой общины, отражал коллективный, общинный характер труда» [Эльмурзаева 2009: 3].

В традиционной культуре кабардинцев и балкарцев взаимопомощь воспринималась как исторически сложившаяся форма существования этнокультурной консолидации. Выработанное в жизненных ситуациях и условиях чувство оказания взаимовыручки и помощи способствовало впоследствии возникновению обычая оказания помощи и взаимной помощи. [Малкандуев 2004: 7] Исследуя социокультурное содержание адыгской этики, известный этнограф Б.Х. Бгажноков отмечал: «Идея права реализуется через систему принципов и норм сочувственного, понимающего мышления и поведения. Традиция взаимопомощи, занимающая важное место в обычном праве всех народов – ярко выраженный эмпатический социальный институт». [Бгажноков 2003: 88]

Известно, что адыгская хабзэ, до появления соответствующих общественных институтов, была носителем этногенетического кодекса нравственной культуры. Этические нормы адата требовали реализации определенных этических обязанностей – сочувственное отношение к родственникам, соседям, сородичам, кунакам. Деятельное сострадание являлось воплощением этих обязательств и распространялось на все членов общества.

Многочисленные подтверждения подобного взаимодействия встречаются в мифопоэтической культуре. В эпических произведениях говорится не только о героических поступках отдельных персонажей, но и о материальной основе жизни – добыче руды, хлебопашестве, скотоводстве. В поступках нартских богатырей выражены помощь слабому и защита обиженных. В эпосе высоко оценивалось осознание человеком своей ответственности перед обществом. В конечном итоге эпос влиял на сознание подростков, который воспитывал готовность отвечать за свои поступки [Малкандуев 2004: 45] Так, циклы сказаний «Как Сосруко добыл огонь» или «Как Сосруко вернул стране нартов просо» повествуют о трудолюбии нартов и уважении к крестьянской деятельности. В сказаниях «Как Уазырмес спас нартов от голода» и «Как

Кайцук помог нартам перебраться» проиллюстрированы примеры того, как богатыри оказывают помощь простым людям [Нарты... 2017: 120]. В эпическом цикле, посвященном известному герою Ашемезу («Песня о Ашемезе») повествуется о том, как у нартов, легендарного эпического народа, были украдены получеловеком, полудраконом символы возрождения и благоденствия – красавица Ахумиду (Ахумыдэ) и чудесная свирель (бжьамий). Свирель представляла собой магический инструмент, на котором можно было играть с двух концов. Игра Ашемеза с белого конца вызывала возрождение природы, изобилие, всеобщее счастье людей, а мелодия, издаваемая с черного конца, разрушала мироздание, уничтожала урожай, животных, людей, словом, все живое на этой земле. Богатыри-нарты, узнав о произошедшем, возвращаются с похода и вызываются помочь Ашемезу. Бадыноко, Сосруко, Батерез, Канж, сын Шауея и многие герои отправляются с Ашемезом в этот поход, в пути, помогая герою, выручая его. В конце странствия они вместе побеждают чудовище и возвращают миру нартов чудесную свирель и Ахумиду. [Нартхэр... 1995: 277-278]. В этом фрагменте эпической песни мы видим, как на уровне архаического художественного мышления произошло запечатление одного из самых ранних упоминаний в этнокультурной памяти адыгов (черкесов) традиции взаимопомощи.

В другом мифоэпическом цикле сказаний и песен, которые охватывают все сюжеты, связанные с появлением среди пантеона богов Тлепша (бога кузнечного дела), прослеживается метафизическая связь божественного культурно-героического начала и элементов традиции взаимопомощи. Эпическая песня «Дебеч и Тлепш» повествует о том, как великий бог Дебеч удручен тем, что не имеет помощников и может найти себе достойную замену. Дела его увеличивались, усложнялись, а силы еще быстрее покидали его тело. Тогда, Дебеч стал замечать, что к его кузне часто приходит юноша-богатырь, который таинственным образом исчезает. Но в один день этот юноша сам заговорил: «О, Дебеч, кто до старости ждал воспитанника своего, тяжело дышащий старец, я могу быть полезным тебе во многом, открой мне двери кузни своей! С сего часа я буду продолжателем твоего великого дела! О, дедушка Дебеч! Тлепшем звать меня! Я тот, кто родился для молота, наковальни, я тот, кто должен стать равным богам нашим!». [Нартхэр... 1995: 338]. Дебеч, удивленный самоуверенности и необычайным умениям юного Тлепша, принимает его. Данный сюжет проецирует понимание важности традиции взаимопомощи как фактора социокультурной интеграции. Значимость передачи следующим поколениям основных видов искусства и ремесел для традиционных знаний выходит за пределы мифоэпического мировоззрения.

Социальные и нравственные идеалы народа были воплощены в сказках и сказаниях. В бытовых повествованиях «Куйжий и пши», «Князь и пшитль», «Как обманули Хаджи» описаны недостатки и тяжести повседневного быта. Традиции бытования, исполнения и распространения сказаний и сказок, сложившиеся в дореволюционное время, продолжили жизнь и в советскую эпоху. Собиратель адыгских сказаний и сказов Т.М. Керашев вспоминал, что в

колхозах, во время перерывов, устраивались конкурсы на лучшего рассказчика [Сказания... 1987: 16]. Через игровые способы социализации, таким образом, происходила социальная партиципация общества. Например, адыгский обряд «щ[э]пшак[уэ]», устраиваемый для облегчения процесса излечения больного и раненного человека являлся специфической формой духовной и физической ревитализации. Обряд сочувствия и сопереживания выражался в сложной вербально-контактной форме коллективного отвлечения человека от тяжелого недуга с помощью шумных игр. У постели тяжелобольного устраивались увеселительные игры, танцы, забавы, пелись песни, в которых реализовывалась вербальная магия [Мафедзев 1979: 168]. Данный обряд характеризует коллективную ответственность в оказании помощи нуждающемуся и стремление каждого в отдельности внести свой вклад в выздоровление.

Пословицы и поговорки выходили за пределы трансцендентной реальности и содержали примеры взаимодействия (содействия) во время выполнения трудоемкой работы. Весьма популярны среди народа были пословицы о труде и трудовом воспитании, о социальных взаимоотношениях. Например, «Народ двинется – землю сдвинет», «Будет дружная работа – будет богатый урожай», «Дружные горы сдвигают», «Будешь работать – не останешься без доли» [Пословицы... 1990: 88-95]. В многочисленных трудовых песнях кабардинцев и балкарцев мы также можем найти сюжеты, наполненные гуманистическим содержанием сочувствия тяжелому труду и стремления магически воздействовать на результат работы [Налоев 2009: 14].

Кабардинцы и балкарцы жили небольшими корпорациями родственников и семейно-родовых групп, которые функционировали как целостная система, определявшая специфику общественного и семейного быта [Бгажноков 2010: 3-4]. Коллективное ведение хозяйства диктовалось необходимостью особого общественного устройства, т.к. земля являлась собственностью кровнородственных групп населения и ее возделывание производилось силами всех членов группы. Взаимная помощь в этих условиях носила чаще всего хозяйственно-трудовой характер среди родственников, соседей и односельчан. «Соседи живут между собою в согласии, которое могло бы служить примером... Полевые работы производятся всегда сообща несколькими соседями. Если один из дворов разорен пожаром, падежом скота или нападением врага, если русские взяли в плен кого-нибудь из фамилии и необходим выкуп, то приходят на помощь не только соседи, но и члены фамилии, живущие в отдаленнейших местах страны, и если этого недостаточно, то помочь обязано все племя...» [Лапинский 1995: 120] До конца XIX века наблюдалось переплетение элементов родовой и соседской общины [Невская, Кондрашева 2015: 6]. В условиях господства натурального хозяйства, вопросы его эффективного ведения неизменно становились главными на семейных советах больших патриархальных семей кабардинцев и балкарцев.

Специфика природно-географических условий определила основной род занятий горцев – земледелие и животноводство. В основе скотоводческого хозяйства кабардинцев и балкарцев лежала отгонная система, дававшая возможность лучше использовать кормовые ресурсы и климатические условия

всех трех природных зон: степной, предгорной и горной. Животных (как крупный, так и мелкий рогатый скот) большую часть года содержали на высокогорных пастбищах, вдали от жилищно-производственных центров. Мелкие владельцы не могли сами ухаживать за своим скотом, угонять его в период сельскохозяйственных работ на пастбища и месяцами находиться вдали от своего хозяйства, поэтому, крестьяне создавали кошевые объединения на 150–400 голов овец и 50–200 голов крупного рогатого скота [Месяц 2009: 29].

Исследуя устойчивость социально-экономических структур и хозяйственного уклада в балкарском обществе дореволюционного периода, Е.Г. Муратова отмечает, что «объективные условия экономической жизни горцев требовали известной солидарности, тесной связи в процессе труда, соблюдения определенных правил общежития» [Муратова 2012: 76]. Так, 3-4 балкарских хозяйства за небольшую плату могли следить за чужим скотом и совместно арендовать землю [Мусукаев, Першиц 1992: 73]. Все хозяйственные работы осуществлялись совместно: постройка временного жилища, приготовление пищи, заготовка сена, перегон скота и пр. За свой труд чабаны получали плату натурой и деньгами в соответствии с установившимися обычаями. Но ее размеры в различных селениях были неодинаковыми. Они колебались в зависимости от опыта чабана и величины стада. В Балкарии владелец скота отбирал из своей отары 45-60 овец и ставил на них тавро чабана, нанятого на работу сроком на 5 лет. По истечении этого срока приплод делился пополам [Мамбетов 1974: 139].

До начала XIX века кошевые объединения строились по родовому принципу, позднее стали преобладать территориально-соседские объединения, носившие коммерческий характер. Владельцы скота предпочитали оплатить работу специально обученных людей-скотоводов, чем самим возглавлять стадо. Необходимо отметить, что кошевые объединения не являются подлинным примером взаимной помощи, поскольку работу исполняли нанятые за определенную плату чабаны. Однако, бывали случаи, когда в совместный выпас скота, особенно общеаульского, включали скот, принадлежащий вдовам, инвалидам, сиротам, беднякам и др.

Широко была распространена взаимопомощь при стрижке овец и таврении скота. Стрижка являлась трудоемким делом, поэтому за один день невозможно было ее выполнить без посторонней помощи. Приглашали родственников и соседей, которые могли осуществить стрижку 50–60 баранов за один день [Бабич 1995: 60]. Это же справедливо в отношении работ по таврению скота.

Особое значение взаимопомощь имела при сельскохозяйственных работах, которая включала всех трудоспособных членов общины в зависимости от объемов работы или ее сроков. В ней участвовали родственные семьи, помогавшие друг другу в пахоте путем соединения рабочих рук, тяглогового скота или же сельскохозяйственного инвентаря. Несколько родственных семей могли консолидироваться во время пахоты, посева, прополки, при уборке урожая, обмолоте, сеноуборочных работах. Так, малые семьи получали возможность компенсировать недостаток в рабочей силе, рабочем скоте или

сельскохозяйственном инвентаре путем взаимной ссуды [Мусукаев, Першиц 1992: 74].

Наиболее известной формой объединения служила супряга (дзей), связывавшая во время выполнения тяжелых сельскохозяйственных работ 2-4 близкородственных дворов путем соединения рабочего инвентаря и тягловой силы. В случае близкого расположения чужих патронимий, спланиваться могли и целые селения. Объективная необходимость супряги (сопряжения) была связана с использованием тяжелых плугов и упряжки в местностях с твердой почвой, на подсеке и при освоении залежных целинных земель. По мнению Х.М. Думанова, сущность дзей заключалась в соединении усилий нескольких семей для обработки своих земельных участков. Каждый вносил то, что имел, и то, что было необходимо для проведения полевых работ. Одни вносили в это объединение тягловую силу, другие плуг, третьи – рабочую силу. В одних случаях сельский сход конкретно определял будущих членов или иного трудового объединения, в других – инициаторами выступали отдельные семьи и сами подбирали себе супряжников [Думанов 1976: 31]. Предпочтительным считалось объединение равных по трудовым возможностям семейств. «Каждый участник работал столько дней, сколько пар его волов участвовали в плуге» [Чурсин 2014: 24]. По обычному праву кабардинцев, участник дзей не имел права покинуть объединение до конца сельскохозяйственных работ. Помощь участникам супряги в ремонте сельскохозяйственного инвентаря оказывал аульный кузнец, которому общинники вспахивали участок. Супряжные союзы обрабатывали земли одиноким старикам, сиротам, инвалидам, вдовам. Причем все пахотные работы в общине должны были начинаться и заканчиваться одновременно. «Никто с поля не возвращался, пока не были вспаханы все участки земли, а отставшим помогали те, которые заканчивали раньше» [Думанов 1976: 34].

Конец XIX века Д.Н. Прасолов рассматривает как время трансформации супряжной формы объединения. Происходит разделение традиционного дзей и вольнонаемного. Вероятно, стоимость пахотных работ была настолько высока, что общинники предпочитали оплачивать ее сдачей части своего пая в наем. Часть семейных паев стала оставаться за пределами традиционной взаимопомощи. Она могла служить потенциальным пространством применения вольнонаемного труда. Хозяин излишка имел возможность выбора между продолжением работы за дополнительное вознаграждение или сохранением остатка нераспаханным для иных целей. Эти вопросы, скорее всего, оговаривались предварительно, во избежание преждевременного распада супряжного объединения и приостановки производственного процесса. «В сельских общинах Кабарды в пореформенный период бытовал один вид супряги – вспашка в размере, соответствующем вкладу в производственный процесс. Это же объединение могло по окончании одних работ выступить в качестве вольнонаемной артели, осуществляя вспашку за натуральное или денежное вознаграждение, как своим участникам, так и посторонним лицам» [Прасолов 2001: 67]. Утратила свою обязательность «вспоможение плугом» – помощь

отставшим и помимо основного традиционного предназначения, а дзей приобрел качества артельного коллектива.

Взаимопомощь имела большое значение в период сеноуборочных работ: косьбы, копнения, стогования, перевозки, скирдования. Сенокосные участки располагались вдали от населенного пункта, поэтому туда выезжали на несколько дней (10-20), все расходы брал на себя хозяин. У балкарцев во время сенокоса создавались временные объединения косарей, которые совместно арендовали землю, работали, жили, сообща питались [Муратова 2012: 77].

К помощи родных и соседей прибегали в период прополки сельскохозяйственных культур и уборки урожая. Нуждавшийся в дополнительных рабочих руках, обращался к односельчанам с просьбой об оказании ему помощи. Участники созывались в один день, в конце работы хозяин угощал всех собравшихся. Если «щЦыхъэху» устраивали для прополки кукурузы, картофеля или для окучивания последнего, то люди приходили со инвентарем. Совместно осуществлялся обмолот и просеивание зерна.

Начало и завершение пахоты и сенокосения отмечались как большие всенародные празднества, сопровождавшиеся жертвоприношениями, обильным угощением, скачками, национальной стрельбой, песнями, танцами и играми. «... Община обыкновенно празднует или перед началом работ и известных экономических начинаний, или после окончания их...» [Щербина 2006: 207].

Взаимопомощь была широко распространена при строительстве дома. Турлучный дом строился силами родственников и соседей всего за три дня. Каменные или деревянные дома гораздо дольше с участием специалистов различных направлений. Помощь хозяину оказывалась при заготовке строительного материала (плетня), возведении турлучных стен, их обмазке и покрытии крыши. При строительстве саманных домов – для заготовки самана, обмазке, побелке. К данной форме прибегали в основном малообеспеченные кабардинцы. Возведением стен и устройством крыш кончалась мужская часть работ по дому. Балкарцы приглашали подростков, которые утрамбовывали крышу (они были плоскими и земляными). Остальную работу – обмазку дома и дымохода с обеих сторон, внутренней части крыши, пола выполняли женщины. «Самой тяжелой была первая обмазка, когда глина, смешанная с соломой наносилась большими кусками. Эту работу не могла выполнить одна хозяйка, поэтому на помощь приглашались наиболее сильные и молодые женщины – соседки и родственницы. Среди них существовало строгое разделение труда. Одни тщательно месили и готовили глину для обмазки, другие приносили, третьи, наиболее опытные мазали наружную часть, четвертые – внутреннюю часть крыши, дымохода, дом и т.д. Эти работы занимали один день. На второй день обмазывали пол. Через 3-4 дня мазали второй, третий слой глины. После третьей обмазки качественной глиной стены белились белой глиной» [Мамбетов 1970: 87-88].

Организация работы по обычаю взаимопомощи при строительстве дома отличалась своей торжественностью, праздничностью и всегда собирала много людей. Ведь многие показывали на этих работах свое умение, трудолюбие, силу и даже характер. Завязывались новые знакомства, дружба, любовь. Если дом

был построен для молодых, то на новоселье, родственники и друзья приносили различные подарки.

Обычаи взаимопомощи, связанные с семейным бытом (совместные празднества по случаю рождения ребенка, его завязывания в люльку (гуцэхэпхэ, бешикке солгъан), первого шага (лъэтеувэ), выпадения первого зуба, совершеннолетия, свадебных обрядов, создания своего самостоятельного хозяйства, похоронные обряды и др.), имели широкое распространение у всех народов Северного Кавказа, в том числе у кабардинцев и балкарцев. «Свадебные церемонии носят осложненный и длительный по продолжительности, во времени характер. Традиционные свадебные обряды такие, как обряд бракосочетания молодых, ввод невесты в родительский дом (комнату) и многие другие связаны с немалыми материально-финансовыми расходами. Последние обусловлены приходом для поздравления многих родственников, соседей, друзей, товарищей и знакомых односельчан. Приход их необходим для оказания и помощи, и поддержки в организации и проведении свадьбы по обычаю» [Мафедзев 1979: 122]. Обычай обязательного участия близких родственников в свадебных расходах любой семьи, даже самой обеспеченной, свидетельствует о родовом характере самой свадьбы и самой взаимопомощи. «На самом деле помощь оказывалась не потому, что семья нуждалась, а потому, что родственник не имел права не участвовать в свадьбе родственника, обычай обязывал его внести свою долю в расходы брата, дяди т.д.» [Мамбетов 1974: 118] Часть подарков поступала в личное распоряжение невесты, что укрепляло ее положение в новой семье, делало ее более независимой от других членов семьи. Во многих случаях крестьянская семья своими силами не могла обеспечить свою дочь необходимыми подарками, поэтому взаимопомощь играла существенную роль как для семьи, так и для их дочери.

Бытовало оказание взаимной материальной помощи при выплате «цены крови» для предотвращения кровной мести (особенно среди западных адыгов). Подобная помощь оказывалась в первую очередь родственникам, но бывали случаи, когда участвовали жители всего селения. Данная форма была закреплена обычным правом. Западные адыги были объединены в соприсяжные братства, все члены которого несли ответственность за убийство, оскорбление и бесчестье. Т. Лапинский отмечал, что «за осужденного или обвиненного отвечает все племя, которое в случае нужды поддерживает его. Если он присужден к уплате штрафа и его собственных средств не хватает, то он собирает их сперва у своей фамилии, а если этого не достаточно, у своего племени, переходя из дома в дом. Каждый в таком случае обязан ему помогать» [Лапинский 1995: 120]. Плата за преступление была столь высока, что одно лицо не в состоянии было заплатить, но в случае повтора – род категорически отказывал в помощи.

С приходом ислама наблюдается синкретизм хозяйственных и религиозных обязанностей крестьян. Так, закят – ежегодный налог в пользу бедняков получил наименование саджит (сагид) и стал непременным условием уплаты религиозного долга после сбора урожая. Выплата закята как

обязанность, «столп ислама», пришедшая к кабардинцам и балкарцам с религией, в повседневной практике органично сосуществовала с развитыми, обусловленными адатами, традициями взаимопомощи. Духовенство умело пользовалось своим правом перед общиной и сосредотачивало в своих руках внушительные средства, о размерах которого мы имеем документальные сведения только с начала XX века.

Взаимопомощь дифференцировалась на родственную и соседскую, основанную по территориальному принципу. Обязательной соседская не была и вызывалась объективными причинами сохранения хозяйственного функционирования молодых поселений. Широкое распространение получила односторонняя коллективная помощь, оказываемая обедневшим семьям вдов, инвалидов, сирот, которые не могли самостоятельно справиться с тяжелой работой. Это касалось строительства дома, сбора, перевозки сена, дров с гор и других видов работ. Повседневная сельская жизнь была насыщена примерами взаимных одалживаний у родственников, друзей и соседей. Спектр одалживаемых предметов был довольно широк: от домашней утвари до тягловой силы. Это могли быть кухонные принадлежности, рабочие предметы, элементы одежды, орудия труда, продукты, тягловый скот и т.д. В случае, когда речь шла об односельчанах, впавших во временную нужду, взаимопомощь носила добровольный характер, исходившую из мотивов совести [Гаглойти 1974: 114].

Мужские и женские виды хозяйственной деятельности были детерминированы тяжелыми условиями жизни горского социума. Исключительно женскими видами работ считалось копнение сена и прополочные работы. Женский труд использовался в период уборки урожая, обмолота зерна, его провеивания и т.д. При строительстве нового дома, возведении хозяйственных сооружений, стрижке овец, пахоте трудилась мужская часть населения. Женская работа заключалась в обмазке глиной новых построек, в обработке шерсти, валянии войлока, бурок. Эти действия требовали большого количества людей. Так, например, изготовление бурки считалось традиционно женским занятием. Трудоемкую работу по очистке и валянию шерсти выполняли от 4 до 16 женщин, трудившиеся непрерывно для изготовления одного изделия несколько недель. Более устойчивый характер носили объединения балкарских женщин при изготовлении войлочных ковров, головных уборов и пр.

Основанная на добровольных началах, такая взаимная помощь задействовала всех членов общества. Человек, получивший общественную помощь, обычно устраивал совместное застолье, за которым нередко следовали песни и танцы. Помощь родственнику или соседу давала уверенность в ответной помощи при необходимости. Родовые связи были настолько живучи, что каждый человек считал своим долгом принять моральное, физическое и материальное участие в делах своего родственника или соседа [Мамбетов 1997: 201].

Благодаря институту взаимопомощи и родственной солидарности в традиционной культуре кабардинцев и балкарцев фактически отсутствовали

примеры нищенства и беспризорности. Нетрудоспособный человек в обязательном порядке переходил на иждивение близких родственников, которые получали право распоряжаться имуществом последнего. В тех случаях, когда это было невозможно, сельское общество в лице старшины или доверенного лица передавало полномочия размещения этой категории граждан «соответственно имеющимся плугам» [Кажаров 2014: 259-260]. «Бедный человек никогда не плачет у двери богатого напрасно; сирота обеспечивается самым близким родственником, как его собственный ребенок; если дом человека сгорел, соседи помогли в построении его; если он потеряет свое стадо из-за болезни или свое зерно из-за насекомых-паразитов, каждый оказывает ему помощь, которую обязанная сторона, всегда считает долгом совести вознаградить тем же, когда к ним сообразованит судьба», писал путешественник Э. Спенсер [Спенсер 1994:117].

После проведения в Кабарде и Балкарии земельной реформы в 60-70-х гг. XIX века и повсеместного распространения малой семьи, обычай взаимопомощи проявил особую жизнестойкость. Организационная структура – кабардинская вотчина, которая обеспечивала синхронизацию сельскохозяйственных работ, оказалась ликвидирована. Хозяйства получили дальнейший импульс самостоятельного развития, однако сохранение многоотраслевого хозяйства – земледелие, скотоводство, домашние промыслы, консервировало многие традиционные черты. В сфере регулирования землепользования и сельскохозяйственных работ, в формах организации животноводческого хозяйства, а также найма хозяйственного персонала проявились многие прежние порядки [Прасолов 2015: 63]. В период образования малых семей институт взаимопомощи оказался наиболее устойчивым средством преодоления их экономической слабости. Путем объединения в производственные коллективы при многих видах хозяйственных действий и больших семейных мероприятиях, малые семьи приобретали возможность получения помощи в одностороннем порядке. Объединение трудовых усилий находило проявление в разнообразных формах взаимопомощи: при выполнении сельскохозяйственных работ, таких как пахота, уборка урожая, молотба; при постройке и обмазке нового дома; при проведении свадебных мероприятий или обрядов, связанных с рождением ребенка; во время похорон, а также при выполнении общесельских работ (например, при строительстве мостов, создании оросительных систем, прокладке дорог и т.д.). В период развития капиталистических отношений некоторые формы взаимопомощи претерпели трансформацию, некоторые исчезли. Из обязательной они стали носить рекомендательный характер.

Обычай взаимопомощи в новом качестве восстановился в послеоктябрьский период, претерпев большую модернизацию. Он лег в основу создания в национальном регионе принципов государственного социального обеспечения. Система добровольной социальной помощи послужила началом деятельности крестьянских комитетов общественной взаимопомощи. Комитеты, возглавляемые представителями духовенства, получили контроль над закят (сагитом, саджитом) и впоследствии стали связующим звеном

между сельской общиной и органами власти, способствуя усилению влияния советов в крестьянской среде.

Советская администрация пыталась в создавшихся условиях возродить не только супряжные формы взаимопомощи, но и развить благотворительность, т.е. безвозмездную помощь неимущим в земледелии и скотоводстве, которую, по предположению советских лидеров, следовало развить по нескольким направлениям: во-первых, это организация общественных запасок инвалидам, вдовам, сиротам и малоимущим крестьянам; во-вторых, оказание срочной помощи пострадавшим от стихийных бедствий; в-третьих, создание общественного фонда и организация общественных запасок и, наконец, организация трудовой помощи беднякам путем субботников и воскресников во время посева, уборки урожая, при строительстве чего-либо [Бабич 1995: 98].

В распространенных инструкциях и указаниях по созданию ККОВов в доступной для местного населения форме обосновывалось назначение этих органов для помощи крестьянским хозяйствам. Главные направления деятельности крестьянских обществ взаимопомощи были определены в Декрете от 14 мая 1921 года «Об улучшении постановки дела социального обеспечения рабочих, крестьян, семей красноармейцев». Крестьянские комитеты избирались на сельских сходах большинством голосов. Крестьянам предоставлялась инициатива в поиске форм и методов работы, а государство гарантировало организационную и правовую поддержку [ГАРО. Ф. 2243. Оп. 1. Д. 7. Л. 55]. Круг деятельности крестьянских обществ взаимопомощи включал организацию своевременной поддержки малообеспеченным крестьянским хозяйствам в случаях пожара, неурожая, стихийных бедствиях путем справедливого распределения государственных средств и собственных фондов. На такую поддержку могли рассчитывать, прежде всего, семьи погибших красноармейцев и бедняков. Все крестьяне могли надеяться на защиту и разъяснение своих хозяйственно-экономических и правовых интересов в различных государственных органах.

Первые крестьянские комитеты общественной взаимопомощи в Кабардино-Балкарии стали создаваться областным отделом социального обеспечения в конце 1922 года. А. Абуков был назначен председателем Областного ККОВ. Еще 51 мулла выступили в качестве председателей комитетов взаимопомощи [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16. Л. 50.] Выбор представителей духовенства во главе советских органов не случаен – за счет их авторитета среди простых крестьян, власть намеревалась привлечь как можно большее количество членов. На первых же перевыборах муллы были смещены.

Для реализации в жизнь Декрета Народным комиссариатом социального обеспечения 27 мая 1921 года была утверждена «Инструкция Крестьянским комитетам общественной взаимопомощи», которая была переведена на арабский язык и направлена во все селения Области. [ЦГА КБР. Ф. Р-106. О. 1. Д. 26. Л. 1] В ней были определены цели, задачи, права и обязанности комитетов, а также прядок их организации. «Инструкция...» обозначила, что на помощь могут рассчитывать не только малоимущие крестьяне, но и средние и зажиточные, испытывающие недостаток в рабочей силе и инвентаре в период

стихийных бедствий. [ЦГА КБР. Ф. Р-106. О. 1. Д. 26. Л. 1] Точных предписаний форм и видов деятельности ККОВ она не приводила, делая ставку местные особенности и на инициативу самих крестьян.

Первые комитеты взаимопомощи были организованы в селениях Урванского, Нальчикского и Баксанского округов. Фонды формировались за счет «закята», небольшого процента от продовольственного налога, конфискованного имущества, добровольных отчислений и прочих поступлений. В селениях, где преобладало русскоязычное население было использовано традиционное самообложение в размере 2,5 рублей.

Комитетам вменялось в обязанность организовывать помимо единовременной помощи и регулярную помощь определенной категории – вдовам, сиротам, инвалидам и семьям погибших красноармейцев. За 1924 г. зарегистрировано находящихся на иждивении комитетов: инвалидов – 615, вдов красноармейцев – 2 035, сирот – 3 968. [ЦГА КБР. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 20. Л. 74 об.] Семей пенсионеров по Области насчитывалось 144, из них 103 – городского населения и 41 – сельского, со средней нормой выплаты – 9 р. 66 коп.

Отношение крестьян к институционализации традиции взаимопомощи было неоднозначным. Крестьяне были убеждены, что нет необходимости в стороннем надзоре за взаимопомощью, т.к. она является обыденной и добровольной. Первые неудачи были связаны с отказом населения вносить «закят», «деур-искат», «биттир», «калым» в фонды комитетов. Несмотря на это, государство настойчиво продолжало политику подчинения организаций взаимопомощи в деревне.

В начале 1925 г. в Кабардино-Балкарской Области был образован 81 крестьянский комитет общественной взаимопомощи: в Нальчикском округе – 10, в Урванском округе – 13, в Прималкинском округе – 10, в Мало-Кабардинском округе – 13, в Нагорном округе – 9, в Баксанском округе – 12, в Балкарском округе – 14 [ЦГА КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 260. Т. II. Л. 353]. Количество населения, охваченного работой КОВ, составило в 1926 году 145 091 человек, состав партийных работников в обществах взаимопомощи варьировался от 40 до 60 %. [ЦГА КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 358. Т. III. Л. 475.] Областной ККОВ возглавил З.К. Бозиев, который провел значительную работу по их укреплению.

Работа была сопряжена с большими трудностями, связанными с нехваткой образованных кадров, с недостатком финансирования на оплату труда работников, с ограниченным фондом натуральных и денежных средств. В селениях членами правления ККОВ были составлены списки нуждающихся и распределены имеющиеся средства. Инициатива крестьян чаще проявлялась в оказании привычной трудовой помощи, которая получила окрас безвозмездности и коллективизма.

Следующий этап с 1925-1927 гг. связан с реорганизацией ККОВ в Крестьянские Общества Взаимопомощи (КОВ). 25 сентября 1924 г. было издано новое «Положение о КОВ», в котором были определены основные принципы деятельности организаций, законодательно закреплено коллективное

членство [ЦГА КБР. Ф. Р-232. Оп. 1. Д. 3. Л. 28]. Добровольное самообложение было заменено обязательными членскими взносами, а «закят» стал поступать в денежном эквиваленте, выплата взносов стала обязанностью всех членов КОВ. Крестьянские общества получили право создания различных внутренних организаций, включавших членов КОВ, которые оказывали правовую (юридическую) помощь различного рода путем выдачи справок, оказания консультаций по судебным разбирательствам и т.д. Комитеты организовывали общественную запашку, создавали производственные предприятия, организовывали трудовые артели, участвовали в культурно-просветительной работе. При их участии проводились многие мероприятия в области образования и здравоохранения, создавались первые дошкольные учреждения и т.д.

Во второй половине 20-х гг. XX в. крестьянские комитеты получили большую популярность. Крестьяне охотно вступали в их ряды, особенно бедняки и середняки, использовали свои привилегии – брали деньги и орудия займа. В связи с развитием производительной деятельности некоторые комитеты особенно продвинулись в своем развитии и стали самостоятельными в экономическом отношении организациями. Ими были накоплены денежные и зерновые фонды, что способствовало усилению их авторитета среди крестьян.

В КБАО общества взаимопомощи объединили до 50 % крестьян. В кабардинских селениях широкое распространение получила общественная запашка и трудовая помощь, в балкарских же, в связи с отсутствием пахотных земель, больший упор был сделан на организацию крепких скотоводческих хозяйств. Социальный состав включал в большинстве случаев бедняков и середняков. Значительное внимание комитетами было уделено вовлечению женщин-горянок в общественную работу. Они проводили активную агитационную кампанию по ликвидации неграмотности среди женского населения, организовывая специализированные женские ликпункты. Большое внимание уделено созданию производственных объединений для женщин. Многие комитеты имели в своем правлении женщин, отдельные из них возглавляли эти организации. Для облегчения жизни крестьян, комитеты участвовали в работе кооперативов и вносили за бедняков членские взносы из своих фондов.

КБАО оставалась земледельческим районом, поэтому производственная деятельность не приобрела выдающихся масштабов. Но, тем не менее, предприятия КОВ приносили значительное облегчение простым жителям села. Основной причиной низкой доходности становились высокие арендные показатели, которые были не под силу скудным фондам комитетов. Также предприятия переходили им в плачевном состоянии и требовали больших вложений для восстановления. Развитие системы государственного кредитования комитетов позволило комитетам приобретать машины и создавать прокатные пункты. Благодаря этому многие КОВы получали возможность купить трактор, позволявший проводить общественную запашку, получая дополнительную прибыль. Комитеты взаимопомощи обрабатывали земли местных школ, оказывали помощь местным больницам. Благодаря

комитетам взаимопомощи могли осуществлять деятельность пункты ликвидации неграмотности, поддерживали свою работу избы-читальни. Из своих фондов члены комитета одевали и обували в школу детей бедняков, обеспечивали их учебным материалом.

В ноябре 1929 года пленум ЦК ВКП (б) объявил о начале сплошной коллективизации. Основные задачи КОВ отныне заключались в оказании помощи крестьянам в вопросах организации и укрепления колхозов. В селениях КБАО Крестьянские общества взаимопомощи частично функционировали до официального оформления колхозов, постепенно передавая им имущество. 13 марта 1931 г. ВЦИК и СНК РСФСР ратифицировали «Положение о кассах общественной взаимопомощи колхозников и колхозниц» [Алексанов 1974: 103] сосредоточивших в своих руках прежние функции КОВ. Ликвидация крестьянских обществ взаимопомощи произошла после принятия 1 февраля 1932 г. президиумом ЦИК СССР постановления «О кассах общественной взаимопомощи колхозов» [ГАРО. Ф. Р-3528. Оп. 1. Д. 3. Л. 14].

Так, за период своей активной деятельности комитеты взаимопомощи претерпели значительные трансформации, но неизменным осталось их главное назначение – оказание поддержки малообеспеченным слоям населения. Позже, по мере развития государства, они были включены в состав коллективных хозяйств. Не согласны с мнением И.Л. Бабич, что «нет оснований считать деятельность советской администрации по возрождению форм традиционной взаимопомощи успешной». [Бабич 1995: 100] Советское государство, создавая крестьянские общества взаимопомощи, поставило задачу налаживания экономики и мирной жизни в деревне за счет крестьянской инициативы. Всеобщая разруха и голод во многом были преодолены силами самих крестьян, т.к. государство не могло обеспечить одновременно такое количество нуждавшихся. Несмотря на недочеты, крестьянские общества взаимопомощи стали опорой для многих горских семей и способствовали безболезненному включению населения в новую социалистическую реальность.

Таким образом, пребывая в тесной взаимосвязи с народным менталитетом и культурными традициями, взаимная помощь служила внутренним охраняемым механизмом социально-экономического взаимодействия горского крестьянства и нравственным ориентиром для подрастающего поколения. Различные виды и формы хозяйственно-бытовой помощи подстраивались под социально-общественные нужды в зависимости от исторических условий. До появления общественных институтов носителем этногенетического кодекса нравственной культуры кабардинцев и балкарцев были нормы обычного права, которые содержали в качестве этических обязательств эмпатические правила поведения. Примеры взаимной поддержки и выручки сохранялись в памяти народа в устном народном творчестве, в нартском эпосе, в сказках и сказаниях, пословицах, поговорках. Кабардинцы и балкарцы жили небольшими корпорациями родственников и семейно-родовых групп, которые функционировали как целостная система и определяли специфику общественного и семейного быта. Коллективная деятельность носила добровольный, необременительный характер. В период образования малых

семей институт взаимопомощи оказался наиболее устойчивым средством преодоления их экономической слабости. Объединение трудовых усилий находило проявление в разнообразных формах взаимопомощи: при выполнении сельскохозяйственных работ, при постройке и обмазке нового дома, проведении свадебных мероприятий или обрядов, связанных с рождением ребенка, во время похорон. Взаимопомощь проявила жизнестойкость и в период советских преобразований. Она стала основой государственного социального обеспечения и была успешно приспособлена к новым историческим условиям.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Алексанов 1994 – *Алексанов П.А.* Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи (1921–1925 гг.) // Отечественная история. – 1964. – № 3. – С. 91-103.

Бабич 1995 – *Бабич И.Л.* Народные традиции в общественном быту кабардинцев. – М.: Типография Российской библиотеки, 1995. – 129 с.

Бгажноков 2003 – *Бгажноков Б.Х.* Основание гуманистической этнологии. – М: РУДН, 2003. – 272 с.

Бгажноков 2010 – *Бгажноков Б.Х.* Социальная организация семьи. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2010. – 128 с.

Гаглойти 1974 – *Гаглойти З.Д.* Очерки по этнографии Осетии. – Тбилиси: Мецниереба, 1974. – 160 с.

ГАРО – *Государственный архив Ростовской области.*

Думанов 1976 – *Думанов Х.М.* Обычное имущественное право кабардинцев (вторая половина XIX – начало XX в.). – Нальчик: Эльбрус, 1976. – 140 с.

Дюркгейм 1996 – *Дюркгейм Э.О.* О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Канон. 1996. – 432 с.

Кажаров 2014 – *Кажаров В.Х.* Избранные труды по истории и этнографии адыгов. – Нальчик: Печатный двор, 2014. – 904 с.

Лапинский 1995 – *Лапинский Т.* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. – Нальчик: Эль-Фа, 1995. – 456 с.

Магомедов 2000 – *Магомедов А.Х.* Культура и быт осетинского народа. – Орджоникидзе: Ир, 1968. – 568 с.

Малиновский 2000 – *Малиновский Б.К.* Научная теория культуры. – М.: ОГИ, 2000. – 208 с.

Малкандуев 2004 – *Малкандуев А.М.* Нравственные аспекты и системный характер традиций этнической культуры. – Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2004. – 164 с.

Мамбетов 1970 – *Мамбетов Г.Х.* Некоторые традиции и обычаи кабардинцев и балкарцев, связанные с жилищем // Вестник КБНИИ. – 1970. – Вып. 4. – С. 82-100.

Мамбетов 1974 – *Мамбетов Г.Х.* О производственных объединениях по совместному содержанию скота у кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX века // Археолого-этнографический сборник. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – Вып. 1. – С. 128-147.

Мамбетов 1974 – *Мамбетов Г.Х.* Пережиточные формы института взаимопомощи, связанные с семейным бытом кабардинцев и балкарцев в XIX – начале XX в. // Ученые записки КБНИИ. – 1974. – Т. 26. – С. 115-131.

Мамбетов 1997 – *Мамбетов Г.Х.* Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. – Нальчик: Эльбрус, 1997. – 276 с.

Мафедзев 1979 – *Мафедзев С.Х.* Обряды и обрядовые игры адыгов. – Нальчик: Эльбрус, 1979. – 204 с.

Месяц 2009 – *Месяц С.И.* Пастбищное хозяйство Кабарды. Зольские и горные пастбища. – Нальчик: КБГСХА, 2009. – 53 с.

- Муратова 2012 – *Муратова Е.Г.* Балкарские общества на пути от традиций к современности (XVII – начало XX в.). – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2012. – 157 с.
- Мусукаев, Першиц 1992 – *Мусукаев А.И., Першиц А.И.* Народные традиции кабардинцев и балкарцев. – Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 1992. – 238 с.
- Налоев 2009 – *Налов З.М.* Этюды по истории культуры адыгов. – Нальчик: Эльбрус, 2009. – 656 с.
- Нартхэр... 1995 – *Нартхэр.* Къэбэрдей эпос (Нарты. Кабардинский эпос). – Нальчик: Эль-Фа, 1995. – 559 с.
- Нарты... 2017 – *Нарты* (Адыгский эпос): в 7 т. Т. 1 / Под ред. Б.М. Берсирова. – Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2017. – 296 с.
- Невская, Кондрашева 2015 – *Невская Т.А., Кондрашева А.С.* Северный Кавказ. Традиционное общество и реформы (конец XVIII – начало XX в.). – Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2015. – 368 с. – Текст: электронный // Электронно-библиотечная система IPR BOOKS: [сайт]. URL: <http://www.iprbookshop.ru/62864.html> (дата обращения: 04.09.2019)
- Пословицы... 1990 – *Пословицы* и поговорки народов Карачаево-Черкесии / Сост. Р.А.-К. Ортабаева, М.И. Мижаев и др. – Черкесск: Ставропольское книжное изд-во, Карачаево-Черкесское отделение, 1990. – 368 с.
- Прасолов 2001 – *Прасолов Д.Н.* Кабардинская сельская община во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. – Нальчик, 2001. – 222 с.
- Прасолов 2015 – *Прасолов Д.Н.* Кабардинское общество во второй половине XIX – начале XX в. // Вопросы истории. – 2015. – № 12. – С. 56-66.
- Сказания... 1987 – *Сказания* и сказки адыгов / Сост. Ш.Х. Хут. – М.: Современник, 1987. – 320 с.
- Спенсер 1994 – *Спенсер Э.* Путешествия в Черкесию. – Майкоп: РИПО «Адыгея» 1994. – 153 с.
- Хасбулатова 2017 – *Хасбулатова З.И.* «Белхи» как традиционная форма взаимопомощи, связанная с хозяйственным и семейным бытом чеченцев в XIX-XX вв. // Общество: философия, история, культура. 2017. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/belhi-kak-traditsionnaya-forma-vzaimopomoschi-svyazannaya-s-hozyaystvennym-i-semeynym-bytom-chechentsev-v-xix-hh-vv> (дата обращения: 03.08.2018)
- ЦГА КБР – *Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики.*
- ЦДНИ КБР – *Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики.*
- Чурсин 2014 – *Чурсин Г.Ф.* Очерки по этнологии Кавказа. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 206 с.
- Щербина 2006 – *Щербина Ф.А.* Общинный быт и землевладение у кавказских горцев // Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в российской политике XVIII – начала XX века. Архивные материалы и научные исследования: в 2-х томах. Том I. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., Эль-Фа, 2006. – С. 180-230.
- Эльмурзаева 2009 – *Эльмурзаева А.Дж.* Обычай взаимопомощи в хозяйственной деятельности народов Дагестана. XIX – начало XX века. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 2009. – 175 с.

REFERENCES

- ALEKSANOV P.A. *Krest'yanskie komitety obshchestvennoi vzaimopomoshchi (1921-1925 gg.)* [Peasant Committees of Public Mutual Assistance (1921–1925)]. IN: *Otechestvennaya istoriya.* – 1964. – No 3. – P. 91-103. (In Russian)
- BABICH I.L. *Narodnye traditsii v obshchestvennom bytu kabardintsev* [Folk Traditions in the Public Life of Kabardians]. – М.: Tipografiya Rossiiskoi biblioteki, 1995. – 129 p. (In Russian)

- BGAZHNOKOV B.Kh. *Osnovanie gumanisticheskoi etnologii* [The Foundation of Humanistic Ethnology]. – M.: RUDN, 2003. – 272 p. (In Russian)
- BGAZHNOKOV B.Kh. *Sotsial'naya organizatsiya sem'i* [Social Organization of the Family]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2010. – 128 p. (In Russian)
- CHURSIN G.F. *Ocherki po etnologii Kavkaza* [Essays on the Ethnology of the Caucasus]. – M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2014. – 206 p. (In Russian)
- DUMANOV Kh.M. *Obychnoe imushchestvennoe pravo kabardintsev (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Customary Property Law of Kabardians (Second Half of the XIX – Beginning of the XX Centuries)]. – Nalchik: El'brus, 1976. – 140 p. (In Russian)
- DYURKGEIM E.O. *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [On the Division of Social Labor. The Method of Sociology]. – M.: Kanon. 1996. – 432 p. (In Russian)
- EL'MURZAEVA A. Dzh. *Obychai vzaimopomoshchi v khozyaistvennoi deyatel'nosti narodov Dagestana. XIX – nachalo XX veka. Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk* [The Custom of Mutual Assistance in the Economic Activities of the Peoples of Dagestan. XIX – beginning of XX Century. Abstract of the thesis for a Candidate of historical sciences degree]. – Makhachkala, 2009. – 175 p. (In Russian)
- GAGLOITI Z.D. *Ocherki po etnografii Osetii* [Essays on the Ethnography of Ossetia]. – Tbilisi: Metsniereba, 1974. – 160 p. (In Russian)
- GARO – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State Archive of the Rostov Region]
- KAZHAROV V.Kh. *Izbrannye trudy po istorii i etnografii adygov* [Selected Works on the History and Ethnography of the Circassians]. – Nalchik: Pechatnyi dvor, 2014. – 904 p. (In Russian)
- KHASBULATOVA Z.I. «Belkhi» kak traditsionnaya forma vzaimopomoshchi, svyazannaya s khozyaistvennym i semeinym bytom chechentsev v XIX–XX vv. [«Belkhi» as a Traditional Form of Mutual Assistance Related to the Economic and Family Life of Chechens in the XIX–XX Centuries]. IN: Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. – 2017. – No 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/belhi-kak-traditsionnaya-forma-vzaimopomoshchi-svyazannaya-s-hozyaystvennym-i-semeinym-bytom-chechentsev-v-xix-hh-vv> (data of access: 03.08.2018) (In Russian)
- LAPINSKII T. *Gortsy Kavkaza i ikh osvoboditel'naya bor'ba protiv russkikh* [Highlanders of the Caucasus and Their Liberation Struggle Against the Russians]. – Nalchik: El'-Fa, 1995. – 456 p.
- MAFEDZEV S.Kh. *Obryady i obryadovye igry adygov* [Rites and Ritual Games of Circassians]. – Nalchik: El'brus, 1979. – 204 p. (In Russian)
- MAGOMETOV A.X. *Kul'tura i byt osetinskogo naroda* [Culture and Life of the Ossetian People]. – Ordzhonikidze: Ir, 1968. – 568 p. (In Russian)
- MALINOVSKII B.K. *Nauchnaya teoriya kul'tury* [Scientific Theory of Culture]. – M.: OGI, 2000. – 208 p. (In Russian)
- MALKANDUEV A.M. *Nravstvennye aspekty i sistemnyi kharakter traditsii etnicheskoi kul'tury* [Moral Aspects and Systemic Nature of Ethnic Culture Traditions]. – Nalchik: Poligrafservis i T, 2004. – 164 p. (In Russian)
- MAMBETOV G.Kh. *Nekotorye traditsii i obychai kabardintsev i balkartsev, svyazannye s zhilishchem* [Some Traditions and Customs of Kabardians and Balkars Associated with Housing]. IN: Vestnik KBNII. – Nalchik: El'brus, – 1970. – Iss. 4. – P. 82–100. (In Russian)
- MAMBETOV G.Kh. *O proizvodstvennykh ob"edineniyakh po sovместному содержанию skota u kabardintsev i balkartsev vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka* [On Production Associations for the Joint Livestock of Kabardinians and Balkars in the Second Half of the XIX – Early XX Centuries]. IN: *Arkheologo-etnograficheskii sbornik* [Archaeological and Ethnographic Collection]. – Nalchik: El'brus, 1974. – Iss. 1. – P. 128–147. (In Russian)
- MAMBETOV G.Kh. *Perezhitochnye formy instituta vzaimopomoshchi, svyazannye s semeinym bytom kabardintsev i balkartsev v XIX – nachale XX v.* [The Surviving Forms of the Institution of Mutual Assistance Associated with the Family Life of Kabardians and Balkars in the

XIX – Early XX Centuries]. IN: Uchenye zapiski KBNII. – 1974. – Т. 26. – P. 115-131. (In Russian)

MAMBETOV G.Kh. *Traditsionnaya kul'tura kabardintsev i balkartsev* [The Traditional Culture of Kabardians and Balkars]. – Nalchik: El'brus, 1997. – 276 p. (In Russian)

MESYATS S.I. *Pastbishchnoe khozyaistvo Kabardy. Zol'skie i gornye pastbishcha* [Pasture of Kabarda. Zolsky and Mountain Pastures]. – Nalchik: KBGSKhA, 2009. – 53 p. (In Russian)

MURATOVA E.G. *Balkarskie obshchestva na puti ot traditsii k sovremennosti (XVII – nachalo XX v.)* [Balkar Societies on the Way from Tradition to Modernity (XVII – Beginning of XX Century)]. – Nalchik: Kab.-Balk. un-t, 2012. – 157 p. (In Russian)

MUSUKAEV A.I., PERSHITS A.I. *Narodnye traditsii kabardintsev i balkartsev* [Folk Traditions of Kabardians and Balkars]. – Nalchik: Poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., 1992. – 238 p. (In Russian)

NALOV Z.M. *Etyudy po istorii kul'tury adygov* [Sketches on the History of the Culture of the Circassians]. – Nalchik: El'brus, 2009. – 656 p. (In Russian)

Nartkher. K'eberdei epos (Narty. Kabardinskii epos) [Narts. Kabardian Epic]. – Nalchik: El'-Fa, 1995 – 559 p. (In Kabardian)

Narty (Adygskii epos): v 7 t. T. 1 / Pod red. B.M. Bersirova [Narts. Adyghe Epic: in 7 vols. Vol. 1. Ed. by B.M. Bersirov]. – Maikop: Poligraf-YuG, 2017. – 296 p. (In Circassian)

NEVSKAYA T.A., KONDRASHEVA A.S. *Severnyi Kavkaz. Traditsionnoe obshchestvo i reformy (konets XVIII – nachalo XX vv.)* [North Caucasus. Traditional Society and Reforms (late XVIII – Early XX Centuries)]. – Stavropol': Severo-Kavkazskii federal'nyi universitet, 2015. – 368 p. IN: Electronic Library System IPR BOOKS: [site]. URL: <http://www.iprbookshop.ru/62864.html> (data of access: 04.09.2019) (In Russian)

Poslovitsy i pogovorki narodov Karachaevo-Cherkessii / Sost. R.A.-K. Ortabaeva, M.I. Mizhaev i dr. [Proverbs and Sayings of the Peoples of Karachay-Cherkessia. Comp. R.A.-K. Ortabaeva, M.I. Mizhaev et al.]. – Cherkessk: Stavropol'skoe knizhnoe izd-vo, Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie, 1990. – 368 p. (In Russian)

PRASOLOV D.N. *Kabardinskaya sel'skaya obshchina vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.: diss. ... kand. ist. nauk* [Kabardian Rural Community in the Second Half of the XIX – Beginning of XX Centuries. The dissertation for the Candidate of historical sciences degree]. – Nalchik, 2001. – 222 p. (In Russian)

PRASOLOV D.N. *Kabardinskoe obshchestvo vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Kabardian Society in the Second Half of the XIX – Beginning of XX Centuries]. IN: *Voprosy istorii*. – 2015. – No 12. – P. 56-66. (In Russian)

SHCHERBINA F.A. *Obshchinnyy byt i zemlevladienie u kavkazskikh gortsev* [Community Life and Land Tenure among Caucasian Highlanders]. IN: *Agrarnye otnosheniya u narodov Severnogo Kavkaza v rossiyskoy politike XVIII – nachala XX veka. Arkhivnye materialy i nauchnye issledovaniya: v 2 t. T. 1 / Sost. P.A. Kuz'minov* [Agrarian Relations among the Peoples of the North Caucasus in Russian Politics of the XVIII – Early XX Centuries. Archival materials and research: in 2 vols. Vol. 1. Comp. P.A. Kuz'minov]. – Nalchik: Respublikanskiy poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., El'-Fa, 2006. – P. 180-230. (In Russian)

Skazaniya i skazki adygov / Sost. Sh.Kh. Khut [Legends and Tales of Circassians. Comp. Sh.Kh. Khut]. – M.: Sovremennik, 1987. – 320 p. (In Russian)

SPENSER E. *Puteshestviya v Cherkessiyu* [Travels to Circassia]. – Maikop: RIPO «Adygeya», 1994. – 153 p. (In Russian)

TsDNI KBR – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Center for Documentation of Recent History of the Kabardino-Balkarian Republic]

TsGA KBR – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic]

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА И ЭТНОПОЛИТИКА

УДК 323.22/28

DOI 10.31143/2542-212X-2019-4-112-127

**КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ В 2014-2019 ГОДАХ: В ПОИСКАХ РЕШЕНИЯ
СТАРЫХ ПРОБЛЕМ****А.А. ТУМОВ
А.А. ТАТАРОВ
Х.В. МАШУКОВ**

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: tumovasker@gmail.com, traveller9090@mail.ru, khiz.87@mail.ru*

Аннотация. В работе рассматривается совокупность актуальных вопросов властно-политического, социально-экономического и этнополитического развития Кабардино-Балкарской Республики на протяжении 2014-2019 гг. Этот отрезок времени является очередной вехой для региона в связи с обострением противоречий в сфере межнациональных отношений и частичным обновлением управленческой команды, назначением нового руководства республики, проведением парламентских выборов и началом реализации очередного комплекса проектов развития региона. При этом к 2019 г. в республике сохраняются очаги напряженности, напрямую связанные с существующими длительное время общественными проблемами. Одни и те же вопросы остаются в повестке дня общественно-политической жизни, и на фоне отсутствия принципиальных сдвигов в республике проявляются высокие риски неконструктивных конфликтов с применением насилия. В исследовании рассмотрены наиболее актуальные инерционные проблемы: демократизация политического процесса, структурно-управленческое обновление, сокращение экономического отставания республики от общероссийских стандартов, проведение земельной реформы, необходимость разрешения существующих противоречий в этнополитической и конфессиональной сферах. Анализ показывает актуальность корректировки стратегии федеральных и региональных властей по решению вопросов социально-экономического развития региона. Без поисков альтернативных подходов, опирающихся на базовые элементы политической демократии, жизнеспособные проекты и гражданскую активность, переход к устойчивому развитию выглядит труднодостижимым.

Ключевые слова: Кабардино-Балкарская Республика; модернизация; земельный вопрос; общественно-политическое развитие; этнополитика.

**KABARDIN-BALKARIA IN 2014-2019: IN THE QUEST FOR SOLUTIONS
TO OLD PROBLEMS****A.A. TUMOV
A.A. TATAROV
Kh.V. MASHUKOV**

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevskogo Str., 173
E-mail: tumovasker@gmail.com, traveller9090@mail.ru, khiz.87@mail.ru

Abstract. The study considers a set of topical issues of the power-political, social/economic and ethno-political development of the Kabardino-Balkarian Republic during 2014-2019. This period of time is another milestone for the region due to the aggravation of contradictions in the field of interethnic relations and the partial renewal of the management team, appointment of a new leadership of the republic, elections to the Parliament, and launched implementation of the new development programme in the region. At the same time, by 2019, flashpoints of tension persist being directly related to social problems that have existed for a considerable stretch of time. Similar issues remain on the agenda of socio-political life, and high risks of unconstructive conflicts with violence manifest themselves against the background of the absence of fundamental shifts in the republic. The study examined the most urgent inertial problems: democratization of the political process, structural and managerial renewal, reducing the republic's economic lag from all-Russian standards, land reform, the need to resolve existing tension in the ethno-political and confessional spheres. The analysis demonstrates the relevance of adjusting the strategy of federal and regional authorities to address the issues of social and economic development of the region. Without the search for alternative approaches based on the basic elements of political democracy, sustainable projects, and civic engagement, the transition to sustainable development is unlikely to be attained.

Keywords: Kabardin-Balkar Republic; modernization; land issue; social and political development; ethnopolitics.

Постановка проблемы

Общественно-политическое развитие регионов России на протяжении 2000-2010-х гг. подчинялось единым трансформационным процессам, что связано со «сверхцентрализованным» характером российского федерализма. Кризис модели российского преобразовательного проекта в его политическом и экономическом измерениях, проявившийся в середине 2010-х гг. и естественным путем отразившийся на социально-экономической ситуации в регионах, вызвал изменения в политике федеральных властей, попытавшихся запустить очередной виток национальной модернизации, что выразилось в принятии новых документов о стратегическом развитии России и утверждении нацпроектов. Подобная ситуация, несомненно, сигнализирует о появлении новых ориентиров политики в отношении регионов, грядущем изменении бюджетных взаимоотношений и ожиданий, которые Центр возлагает на субъекты федерации. В связи с этим необходимо изучение ситуации «на местах» – в каждом отдельно взятом регионе страны, который станет объектом новой государственной политики.

На этом фоне Кабардино-Балкария стала одним из субъектов федерации, в которых сменилось руководство власти. 26 сентября 2018 г. Президент РФ В.В. Путин принял досрочную отставку Главы КБР Ю.А. Кокова, который попросил перевести его на другую должность «по семейным обстоятельствам», и объявил о назначении последнего заместителем Секретаря Совета Безопасности РФ. Информацию о перестановках президент озвучил на встрече с К.В. Коковым – однофамильцем предыдущего главы, назначенным временно

исполняющим обязанности (врио) руководителя КБР¹. Подобная ситуация говорит о повышенном внимании федеральных властей к ситуации в республике и их недовольстве осуществляемым политико-экономическим курсом прежней управленческой командой.

Цель настоящей работы заключается в обзоре комплекса основных вопросов общественно-политической повестки Кабардино-Балкарской Республики с тем, чтобы составить базу для формирования аналитических рамок исследования результатов политических процессов современной КБР, а также перспектив дальнейшего развития и трансформации региона в условиях новой федеральной политики.

Политический процесс

Перестановкам в верхах республиканских органов власти, о которых было сказано выше, предшествовал ряд резонансных событий. В 2016 г. была приостановлена работа местных спиртовых заводов, в результате чего многие жители республики лишились работы, а бюджет недосчитался более 3 млрд. руб.² Осенью 2017 г. в столице КБР Нальчике прошли митинги против несправедливой, по мнению демонстрантов, распродажи бывших совхозных земель на территории города. Демонстрация у здания администрации города была разогнана силовиками, а один из организаторов был арестован по делу об избиении сотрудника СОБР; этот факт вызвал общественное возмущение, поскольку арестованный был инвалидом с ампутированными кистями рук [Ширижик 2018]. В местных и федеральных интернет-изданиях были популярны материалы о запредельном уровне коррупции в республике³, о неспособности правительства решить острые социально-экономические проблемы в регионе⁴, об отсутствии социальных лифтов и невозможности молодежи найти работу. При этом в рейтингах экономического развития регионов России КБР стабильно занимала одно из последних мест⁵. Обсуждение социально-экономических проблем региона в Инстаграме и Фейсбуке (наиболее популярные социальные сети в КБР), как правило, характеризовалось пессимизмом и недовольством экономическим курсом властей, а посвященные местной политической тематике телеграм-каналы в

---

¹Встреча с Казбеком Коковым. 26 сентября 2018 г. // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58627> (дата обращения: 20.10.2019).

²Убытки от приостановки производства алкоголя в Кабардино-Балкарии составили 3,3 млрд рублей // Интернет-СМИ «Кавказский узел»: сайт. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/297129/> (дата обращения: 20.10.2019).

³Транспортный узел Арсена Кудаяева. Часть третья. Воздушные замки // Нальчик.Лайф. URL: <https://nalchik.life/politika/transportnyj-uzel-arsena-kudayeva-chast-tretja-vozdushnye-zamki/> (дата обращения: 01.07.2018).

⁴Коков сделал свое дело, Коков может уходить? // Сетевое издание The Moscow Post: сайт. URL: http://www.moscow-post.ru/politics/kokov_sdelal_svoe_delo_kokov_mozhet_uxodit27076/ (дата обращения: 20.10.2019).

⁵Качество жизни в российских регионах – рейтинг 2018 г. // Рейтинговое агентство «РИА Рейтинг»: сайт. URL: <https://riarating.ru/infografika/20190219/630117422.html> (дата обращения: 20.10.2019).

своих публикациях предвещали реализацию «дагестанского сценария» в КБР – термин, означающий радикальное изменение состава руководства региона и назначение «пришлых» управленцев, не связанных с местными коррумпированными элитами¹.

Однако наивысшей точки напряжения республика достигла в сентябре 2018 г., когда впервые за многие годы возникла опасность межэтнического конфликта. Проходивший через с. Кенделен отряд кабардинской конницы, собравшийся праздновать 310-летие победы в Канжальской победе над крымскими татарами, вызвал недовольство со стороны местного балкарского населения. В течение одного дня к селу съехалась молодежь из соседних населенных пунктов, начались драки, погромы, стрельба. В район были стянуты отряды Росгвардии, в том числе из других регионов, начались столкновения между кабардинской молодежью и силовиками, продолжившиеся в Нальчике и вылившиеся в аресты активистов [Соколов 2018]. Молчание, которое сопровождало эти события со стороны властей КБР, и их неспособность обеспечить стабильность в регионе привели к стремительному падению рейтинга главы Ю.А. Кокова и, по мнению политологов, стали последней каплей, спровоцировавшей федеральные власти на перестановки [Краснов 2018; Проценко 2018].

Экстренное назначение именно К.В. Кокова было обусловлено рядом причин. Во-первых, его отец В.М. Коков был первым президентом КБР в 1992-2005 гг. и запомнился населению как способный управленец, сумевший сохранить республику от этнополитического раскола в «лихие 90-е» и обеспечить относительную стабильность на фоне вооруженных конфликтов в соседних северо-кавказских республиках [Проценко 2018]. Во-вторых, сам К.В. Коков отличался своим бэкграундом – в отличие от большинства руководителей республик СКФО, которые были «силовиками» (включая Ю.А. Кокова), новый врио главы прошел работу в республиканских органах власти, а затем курировал Северо-Кавказский регион в управлении по внутренней политике Администрации Президента РФ. Назначение на должность Главы человека, долгое время проведенного за пределами КБР, косвенно свидетельствует в пользу недоверия федеральных властей региональным элитам. В-третьих, его приход в руководство укладывался в один из основных федеральных трендов – назначение «технократов» на позиции руководителей регионов, требовавших экономической модернизации².

Первые шаги нового врио соответствовали этой логике. Во-первых, он обещал сконцентрироваться на экономической модернизации республики,

---

¹ «Дагестанский рецепт» для Ставрополя // Еженедельный журнал «Профиль»: сайт. URL: <https://profile.ru/politics/dagestanskij-recept-dlya-stavropolya-59617/> (дата обращения: 20.10.2019).

² Новых российских губернаторов называют «технократами». Что это значит? // Медуза: сайт. URL: <https://meduza.io/feature/2017/02/15/novyh-rossiyskih-gubernatorov-nazyvayut-molodymi-tehnokratami-cto-eto-znachit> (дата обращения: 20.10.2019).

поставив целью удвоение ВРП к 2025 г.¹. Во-вторых, в первые месяцы работы Коков провел несколько встреч с федеральными чиновниками и представителями крупного бизнеса, что дало населению надежду на возвращение крупных инвестиционных проектов в республику². В-третьих, врио объявил о проведении в КБР кадрового конкурса «Новая высота», который станет региональной репликой федерального конкурса «Лидеры России», а его победители составят «кадровый резерв» для назначения на управленческие должности³. Подобный шаг вызвал широкий интерес в республике, особенно ввиду малой ротации элит и отсутствия эффективных социальных лифтов по демократическому и меритократическому принципу [Стародубровская, Казенин 2016: 25-26]. Деятельность нового врио стала одним из основных предметов обсуждения в интернете; анализ постов и комментариев свидетельствует о высоком кредите доверия, которое население дало К.В. Кокову; показательна повторяющаяся рефреном в соцсетях фраза «достойный сын достойного отца».

Осуществление процедуры избрания Главы КБР находилось в прямой зависимости от Парламента КБР, который наделен полномочиями представлять Президенту РФ кандидатуры на пост Главы республики, а затем выбирать его из числа предложенных Президентом РФ кандидатов на эту должность. Срок полномочий Парламента V созыва истек в 2019 г. Таким образом, повторилась ситуация 2013-2014 гг., когда врио главы – Ю.А. Коков – был назначен незадолго до парламентских выборов и в связи с этим был вынужден ждать формирования законодательного собрания, которое избрало бы его, что, в свою очередь, становится одним из факторов, стимулирующих манипуляции избирательным процессом [Боров, Тумов 2015: 75].

В целом избирательная кампания прошла без эксцессов. Заявки на участие в выборах подали «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия», «Зеленые» и не представленная в легислатуре «Гражданская платформа». «Коммунисты России» не смогли собрать необходимого количества подписей. Единственным выбивающимся из общего ряда рутинных мероприятий в ходе подготовки к выборам событием было проведение праймериз «Единой России» – предварительного голосования для установления кандидатов от партии на выборные должности. Мероприятие было широко разрекламировано в республиканских СМИ; согласно оценкам регионального отделения партии, в нем приняли участие 12,17% избирателей региона (при

---

¹ Кабардино-Балкария планирует удвоить ВРП к 2025 году // Вестник Кавказа: сайт. URL: <https://vestikavkaza.ru/material/251816> (дата обращения: 20.10.2019).

² Национальный рейтинг губернаторов (январь-февраль 2019 г.) // Национальный рейтинг: сайт. URL: <http://russia-rating.ru/info/15056.html> (дата обращения: 20.10.2019).

³ В Кабардино-Балкарии подвели итоги кадрового конкурса «Новая высота-2018» // Первый канал: сайт. URL: https://www.1tv.ru/news/2018-12-22/357689-v_kabardino_balkarii_podveli_itogi_kadrovogo_konkursa_novaya_vysota_2018 (дата обращения: 20.10.2019).

среднероссийской явке 9,35%)¹. По итогам праймериз был опубликован партийный список, в который вошли 178 человек. Примечательно, что в перечне фигурировали члены действующего Правительства КБР, претендовавших на депутатские мандаты, что намекало на возможное обновление состава кабинета министров. При этом список возглавлял сам врио К.В. Коков, что создавало яркий контраст с другими субъектами РФ, где многие политики предпочитали избираться как самовыдвиженцы, чтобы визуально «отстраниться» от теряющей популярность партии².

В прошедших 8 сентября 2019 г. выборах в Парламент приняли участие 67,14% избирателей республики. «Единая Россия», за которую отдали голоса 65,85% голосовавших, получила 50 мест, КПРФ – 9, «Справедливая Россия» – 7, «Зеленые» и ЛДПР – по 2³. Сравнение с итогами выборов 2014 г. («Единая Россия» – 50 мандатов, КПРФ и «Справедливая Россия» – по 8, «Зеленые» и ЛДПР – по 2) может свидетельствовать о двух факторах: либо предпочтения избирателей за последние 5 лет практически не изменились (если не считать перехода небольшой части голосов к КПРФ), либо существующие в политических элитах негласные договоренности остались в силе на очередные несколько лет. Последнее, в свою очередь, свидетельствует о заранее «заданном» результате выборов, что, в принципе, является характерной чертой электорального режима Кабардино-Балкарии на протяжении всего постсоветского периода [Тумов 2017: 134].

Формирование законодательного органа стало последним шагом перед назначением руководителя региона. На заседании Парламента 3 октября 2019 г. были внесены 3 кандидатуры Президента РФ на должность Главы КБР. В ходе тайного голосования все 70 депутатов отдали свои голоса за К.В. Кокова [Ларинцева 2019: 2]. Процесс триумфального утверждения нового Главы логически завершился ноябрьской поездкой Президента РФ В.В. Путина, визит которого в Нальчик являлся, по сути, символической поддержкой К.В. Кокова⁴.

Социально-экономическая ситуация

Экономика КБР не выбивается из общего ряда регионов СКФО по структуре и объемам. ВРП республики по итогам 2017 г. составил 138,5 млрд. руб. (75-е место по объемам среди субъектов РФ), показав небольшой рост по сравнению с предыдущим периодом. ВРП на душу населения составил 160,1

---

¹ Праймериз «Единой России» в Кабардино-Балкарии прошли при высокой явке // ИА REGNUM: сайт. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2636283.html> (дата обращения: 20.10.2019).

² Медведев потребовал от единосроссов не идти на выборы самовыдвиженцами // РБК: сайт. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/10/2019/5db18c3b9a794735f69bf09d> (дата обращения: 20.10.2019).

³ Протокол выборов депутатов Парламента Кабардино-Балкарской Республики шестого созыва 8 сентября 2019 года // Кабардино-Балкарская правда. – 10 сентября 2019 г. – № 108. – С. 2.

⁴ Поездка Путина в Нальчик // ИА REGNUM: сайт. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2793616.html> (дата обращения: 20.10.2019).

тыс. руб., что в 3 раза меньше среднероссийского показателя, и по нему КБР занимает 82 место.

Отраслевая структура валовой добавленной стоимости за 2017 г. такова: сельское хозяйство – 18,4%, обрабатывающие производства – 11,3%, строительство – 11,7%, оптовая и розничная торговля – 16,7%, государственное управление и социальное обеспечение – 10,1%, образование – 7,3%, здравоохранение – 6,5%. Все остальные сферы имеют долю не более 4%, включая деятельность гостиниц и общепита – 1,6%. Последний показатель резонирует с расхожим убеждением о значимой роли туризма в экономике республики, что может быть объяснено только тем, что многие фирмы в этой сфере предпочитают действовать в «сером» или «теневом» сегменте рынка.

Особая ситуация сложилась в структуре распределения доходов. Коэффициент Джини в 2017 г. составил 0,351 (в РФ – 0,412), что свидетельствует об относительно меньшем неравенстве в экономических доходах населения в сравнении с большинством субъектов России. Тем не менее, согласно данным Севкавстата, на 20% богатейших граждан республики приходится 42,1% всех денежных доходов. Более 24% населения республики получает доход ниже прожиточного минимума. При этом среднемесячная начисленная заработная плата на одного работника – 22781,7 руб. (по РФ – 43 тыс. руб.)¹.

Как видно, экономическое положение Кабардино-Балкарии характеризуется как «отстающее» по отношению к среднему российскому региону. Ситуацию усугубляет ряд структурных факторов, в числе них – деградация социально-экономического пространства от индустриально-аграрного к аграрно-торговому, слабый реальный сектор экономики, высокая доля непромышленного сектора (госуправление), зависимость республиканского бюджета от федеральных дотаций. Помимо этого, «тормозами» экономического роста республики являются высокий уровень коррупции и чрезвычайно развитый сектор теневой экономики, связанный с преступностью. По оценкам экспертов, более 35% от общей численности занятых в КБР имеют отношение к неформальному сектору, что является одной из причин растущей коррупции [Косиков 2012: 63-77].

Отрицательные показатели социально-экономического положения республики оказывают прямое влияние на ситуацию в демографической сфере. Здесь в последние годы по-прежнему сохраняется устойчивая тенденция стагнации урбанизации и оттока населения из республики. На Северо-Западном Кавказе Кабардино-Балкария остается единственной республикой, где наблюдаются заметный естественный прирост населения (4-е место среди всех северокавказских республик) и в то же время высокие показатели миграционной убыли населения с 2016 г. (Таблица 1), что, в свою очередь, отражает стремление населения переместиться к существующим в других

---

¹ Кабардино-Балкарская Республика // Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу: сайт. URL: https://stavstat.gks.ru/ofstatistics_kbr (дата обращения: 20.10.2019).

регионах центрам развития [Боров, Бербекова 2019: 100; Мисхожев 2017: 124-125].

Таблица 1. Демографические показатели регионов Северного Кавказа в 2016-2018 гг.

Регион	Прирост (+) / убыль (-) населения, 2016-2018 гг., в %	Численность населения на 1 января 2019 г., тыс. чел.	Естественный прирост (+) / убыль (-) населения, 2016-2018 гг., тыс. чел.	Миграционный прирост (+) / убыль (-) населения, 2016-2018 гг., тыс. чел.	Естественный прирост (+) / убыль (-) населения, 2016-2018 гг., в % к численности населения	Миграционный прирост (+)/убыль (-) населения, 2016-2018 гг., тыс. чел., в % к численности населения
Адыгея	0,72	454,74	-2,49	5,74	- 0,54	+ 1,26
Карачаево-Черкесия	-0,48	465,56	2,75	-5,00	+ 0,59	- 1,07
Кабардино-Балкария	0,47	866,22	12,40	-8,26	+ 1,43	- 0,95
Северная Осетия	-0,63	699,25	6,46	-10,82	+ 0,92	- 1,54
Ингушетия	5,20	497,39	18,88	5,61	+ 3,79	+ 1,12
Чечня	4,50	1456,95	69,75	-8,94	+ 4,78	- 0,61
Дагестан	2,34	3086,13	104,87	-34,63	+ 3,39	- 1,12

Составлено по: Рейтинг регионов по демографии – 2019 // Рейтинговое агентство «РИА Рейтинг»: сайт. URL: <https://riarating.ru/infografika/20190423/630123908.html> (дата обращения: 28.10.19).

Земельный вопрос

Земельная проблема заняла прочное место в общественно-политической жизни Кабардино-Балкарии еще в 1990-е гг., причем изначально дискуссия велась в связи с необходимостью реабилитации балкарского народа и несла ярко выраженную этноориентированную нагрузку. Новый цикл этой коллизии был запущен в середине 2000-х гг., когда интересы этнических активистов сплелись воедино с социально-экономическими требованиями сельского населения. Тем не менее, к 2014 г. национальный аспект проблем землепользования и землевладения потерял свою актуальность, и социально-экономическая компонента превалирует в риторике протестных движений [Боров, Тумов 2015: 78].

Корни земельной проблемы обусловлены рядом факторов, к которым относится и развал функционирующих в советское время колхозов и совхозов, и фактическое распоряжение землями в руках местных администраций, не желающих прибегать к выделению земельных паев населению, и длительный

(до 2053 года) мораторий на куплю-продажу земель сельскохозяйственного назначения. Как итог, основным механизмом доступа к земле для хозяйствующих субъектов стала аренда.

Анализ линий напряженности в многочисленных земельных конфликтах в республике позволяет выявить следующие фронтиры: борьба между сельскими жителями и государством; между сельскими жителями и крупными союзами чиновников и бизнесменов, сосредоточивших основные земельные массивы в своих руках; между соседствующими селами, конкурирующих за одни и те же территории. При этом различные акторы рассматривают одни и те же участки с разных позиций – земля может выступать и как ценный экономический объект, и как административный ресурс, и как территория проживания этнокультурной общности, и как средство жизни, изъятие которой ставит под угрозу существование людей [Гуня и др. 2017: 172]. Некоторые населенные пункты испытывают настолько острый недостаток земельного фонда, что в них не хватает места ни под индивидуальную жилищную застройку, ни под пастбища¹.

Требования земельной реформы в течение многих лет остаются в повестке общественно-политической жизни республики. Еще в 2012 г. Глава А.Б. Каноков подчеркнул необходимость проведения земельной реформы и важность поиска баланса интересов основных землепользователей и учета особенностей горной и равнинной части республики. Был принят проект реформы, предусматривающий выделение пая каждому прописанному в сельской местности жителю, к реализации которой, однако, так и не приступили.

В 2014 г. новый врио главы Ю.А. Коков тоже высказал мнение о необходимости справедливого перераспределения земель, однако и в данном случае не было сделано особых подвижек. В годы его руководства градус земельных конфликтов в республике изначально снизился, однако это было вызвано не выработкой новой эффективной стратегии, а скорее тем, что планы курортного строительства, подогревавшие уровень напряженности, были «заморожены», и риски передачи земель под эти проекты в обход интересов местных жителей снизились [Казенин 2017]. Более того, вскоре в регионе обострилась очередная волна «аграрного движения», затронувшая ряд периферийных сел практически во всех районах Кабардино-Балкарии [Атласкиров 2019: 200-205]. Таким образом, ситуация видится как попытка региональных властей «законсервировать» существующее положение вещей и избежать проведения земельной реформы в связи с высокими рисками и труднодостижимостью компромисса между основными социальными группами, имеющими интерес в земельном вопросе.

---

¹ Селение Нартан в КБР получило в собственность 11 земельных участков общей площадью 1 276 га // Северо-Кавказские новости: сайт. URL: <https://sk-news.ru/news/authority/60873/> (дата обращения: 28.10.19).

Этнорелигиозный дискурс

Зачастую уклад жизни и политико-экономические факторы на Северном Кавказе рассматриваются через призму традиционных отношений, которые сохраняются и трансформируются в постсоветский период. Данный период демонстрирует высокую динамику развития и изменения маркеров этнорелигиозной идентичности. За последние два десятилетия КБР пережила пик подъема исламского фундаментализма и поступательное развитие этнического дискурса, в том числе связанное с утверждением новых практик, дней национальной культуры и памяти.

Острые дискуссии о балансе идентичности, под которым многие подразумевают сохранение ислама в «этнических» рамках и возрождение некоторых традиционных институтов, проходят на фоне поисков новых форм и контрнарративов, призванных противодействовать радикализации молодежи. К ним относятся, в частности, адыгские конные переходы, приуроченные к памятным дням [Нефляшева 2019]. При этом сохранение баланса разных типов идентичности обусловлено наличием в КБР трех основных этнических групп – кабардинцев, балкарцев и русских. Нарушение этнического баланса вызывает вербальную реакцию со стороны этноактивистов и представителей академического сообщества, как это происходит в случае с увеличивающимся количеством турок-месхетинцев, проживающих в Майском и Прохладненском районе и фактически «замещающих» эмигрирующее за пределы республики русское население [Калмыков 2018; Кушхабиев 2019: 113-114]. Другим примером является принятие поправок в федеральный закон об образовании, отменяющих право национальных субъектов Федерации вводить обязательное изучение государственных языков школьниками и спровоцировавших гнев общественников, заявивших о надвигающейся «гибели» национальных языков¹.

Как показывает практика, этнический дискурс значительно оживляется в период праздников или памятных дней. При этом социальные сети все очевиднее выступают как основные площадки дискуссий. В КБР многообразные коммеморативные практики все еще в состоянии поиска баланса, вместе с тем они формируют конкуренцию стратегий идентификации и интерпретации прошлого [Прасолов 2017: 78]. Политика Ю.А. Кокова и его команды отразилась в утверждении в 2014 г. Дня адыгов (20 сентября). Цель акции была недвусмысленной – указ главы КБР был направлен на умиротворение адыгской общественности, часть которой в период Олимпиады в Сочи апеллировала к историческим несправедливостям в период Кавказской войны и ее последствий. Однако конфликтный потенциал коммеморативной конкуренции проявил себя в сентябре 2018 г., последствием чего стала смена руководства республики.

---

¹ Представители общественности КБР призывают власти республики провести публичное обсуждение проблем, связанных с сохранением родных языков // ООО «Кабардино-Балкарский региональный правозащитный центр»: сайт. URL: <http://www.zpravakbr.ru/index.php/30-uncategorised/1373-predstaviteli-obshchestvennosti-kbr-prizyvayut-vlasti-respubliki-provesti-publichnoe-obsuzhdenie-problem-svyazannykh-s-sokhraneniem-rodnykh-yazykov> (дата обращения: 04.12.19).

18-19 сентября 2018 г. в Кабардино-Балкарии развернулись столкновения между активистами и силовиками в окрестностях балкарского села Кёнделен, затем «кабардинский акцент» переместился в с. Заюково, в Баксан и Нальчик. 310-летие Канжальской битвы, которая среди кабардинцев считается знаковым событием – победой адыгов над войском крымского хана, – должно было быть отмечено конным переходом всадников-кабардинцев к месту сражения на Канжальском плато. Жители Кёнделена отказались пропустить процессию, и это было повторением напряженной ситуации в 2008 г. в период празднования 300-летия Канжальской битвы.

Этническая маркировка конфликта определяется историческими спорами за землю и исторические институты. Канжальский вопрос становится производителем политического капитала в борьбе за ресурсы и триггером мобилизации этнической идентичности. Эксперты выделяют различные причины событий в Кенделене в 2018 г. – от споров за землю и разногласий относительно факта реальности Канжальской битвы до политического заказа и отстранения властей от решения ключевых проблем в социально-экономической сфере¹. По мнению Д. Соколова, силовое вмешательство в конфликт стало отражением отсутствия у республиканской политической элиты стратегии тонких политических решений [Соколов 2018].

В контексте религии в последние годы в Кабардино-Балкарии сохраняется относительно низкий уровень насилия, если сравнивать показатели начала и конца 2010-х гг. (Схема 1). Некогда активное террористическое подполье практически свернуло свою деятельность, что экспертами и СМИ связывается с успешными действиями силовиков, а также оттоком части боевиков в Сирию. Тем не менее, в регионе сохраняется недовольство отдельных групп населения тактикой правоохранительных органов, которая, по мнению активистов и правозащитников, нарушает права человека. Особенно ярко это проявилось в ходе так называемого «дела 58-и», когда были осуждены участники нападения на Нальчик 13 октября 2005 г. Завершившийся в 2014 г. суд сопровождался многочисленными заявлениями о нарушениях, допущенных при подготовке к процессу [Казенин 2017].

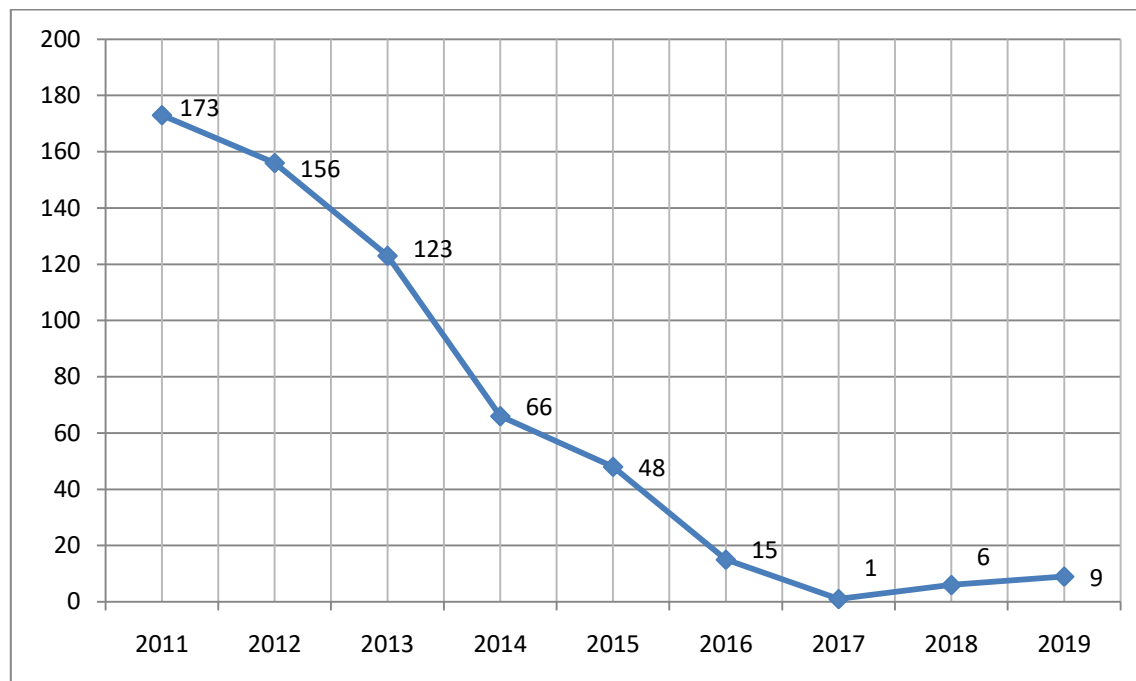
В то же время, несмотря на общий спад насильственных акций, в первой половине 2019 г. КБР, наряду с Дагестаном, стала наиболее беспокойной республикой на Северном Кавказе. Продолжение тенденции вооруженных инцидентов между представителями силовых ведомств и членами радикального подполья протекает на фоне сохранения структурного кризиса в республике. Даже ослабление влияния Исламского государства (организация, запрещенная в РФ) и успехов в борьбе с радикализмом на Северном Кавказе не гарантирует

---

¹ Составлено по: Кенделен: горы предубеждений или кризис управления // Интернет-СМИ «Кавказский узел»: сайт. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/340368/> (дата обращения: 15.10.19).

снижения напряженности и угрозы со стороны «одиноких волков» – как А. Ярлыкапов называет сторонников радикального ислама и идеологии ИГ¹.

Схема 1. Динамика жертв вооруженных конфликтов в Кабардино-Балкарии (убитые и раненые среди спецслужб и членов радикального подполья)

Составлено по материалам Интернет-портала «Кавказский узел»:

В 2017 году число жертв конфликта на Северном Кавказе снизилось на 39%. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/317687/> (дата обращения: 15.10.19);

За 2018 год число жертв конфликта в Кабардино-Балкарии выросло на 500%. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/331639/> (дата обращения: 15.10.19);

В 2018 году число жертв конфликта на Северном Кавказе снизилось на 38%. URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/snizhenie_chisla_zhertv_2018#n3_4 (дата обращения: 15.10.19).

Выводы

К 2019 г. общественно-политическая конъюнктура в Кабардино-Балкарии демонстрирует амбивалентный характер. С одной стороны, произошли определенные перестановки в верхах республиканских элит. С другой стороны, эти изменения не несли кардинальных последствий, говорящих о корректировке структурных факторов напряженности в политической повестке дня в республике.

Во властно-политической сфере КБР произошел приход нового главы. Это событие не сопровождалось ростом внутриэлитных трений, однако не вылилось в радикальную смену управленческой команды и изменение способов ее рекрутирования. Социально-экономическая стратегия правительства

¹ Террористы-одиночки новая угроза для России – Ахмет Ярлыкапов // Информационное агентство Caucasus Times: сайт. URL: <https://caucasustimes.com/ru/terroristy-odinochki-novaja-ugroza-dlja-rossii-ahmet-jarlykapov/> (дата обращения: 20.10.2019).

по-прежнему декларирует необходимость создания новых вертикальных лифтов и решения застарелых проблем, однако вынуждена формироваться в условиях сильного «теневых рынка» и общего низкого уровня жизни населения (в сравнении со средними показателями по РФ), что является триггером высоких показателей миграционной убыли. Проведение земельной реформы, вопрос о которой остро стоит в течение последних двух десятилетий, откладывается ввиду относительной невозможности достижения компромисса между основными акторами земельного рынка – перераспределение земельного фонда властями республики отождествляется с высокими рисками увеличения конфликтности. В этнополитической сфере не наблюдается смены инструментария по разрешению существующих противоречий, что в итоге выливается в повторение прежних сценариев проявления межэтнической напряженности (о чем свидетельствует повторение ситуации в Кенделене спустя 10 лет). В религиозной сфере отсутствие напряженности продолжает оставаться скорее результатом действий федеральных структур, а не заслугой республиканских властей.

Таким образом, обеспечение поступательного развития во всех ключевых сферах Кабардино-Балкарии сталкивается с рядом препятствий, которые продолжают оставаться релевантными на протяжении всего постсоветского периода. На деле, анализ сложившейся в регионе ситуации позволяет говорить о том, что попытки инициированной «сверху» социально-экономической модернизации рискуют не только не преодолеть существующие конфликтные поля, но и способствовать расширению их границ вкупе с дальнейшим обострением. В научном сообществе существует консенсус о невозможности перехода социетальной единицы (в данном случае – региона) на «рельсы» устойчивого развития без базовых элементов политической демократии и широкой гражданской активности [Боров 2018: 256-264]. Это, в свою очередь, необходимо учитывать при корректировке существующих государственных стратегий в отношении субъектов федерации.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Атласкиров 2019 – *Атласкиров А.Р.* Проблема земельных отношений в общественной жизни Кабардино-Балкарской Республики // Электронный журнал «Кавказология». – 2019. – №1. – С. 193-212. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-1-193-212>

Боров 2018 – *Боров А.Х.* Устойчивое развитие и демократизация: концептуальный анализ // Электронный журнал «Кавказология». – 2018. – №1. – С. 245-270. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-1-245-270>

Боров, Бербекова 2019 – *Боров А.Х., Бербекова М.М.* Демографическая модернизация Кабардино-Балкарии: история и современные проблемы // Электронный журнал «Кавказология». – 2019. – № 2. – С. 72-104. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-2-72-104>

Боров, Тумов 2015 – *Боров А.Х., Тумов А.А.* Основные параметры общественно-политического развития Кабардино-Балкарской Республики: изменения и преемственность // Современные исследования социальных проблем. – 2015. – №11 (55). – С. 73-86. DOI: <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-11-7>

Гуныя и др. 2017 – *Гуныя А.Н., Тенов Т.З., Чеченов А.М., Шогенов М.З.* Земельные конфликты в горных районах Северного Кавказа: акторы, ресурсы, институты //

Электронный журнал «Кавказология». – 2017. – № 1. – С. 154-175. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2017-1-154-175>

Казенин 2017 – *Казенин К.И.* Кабардино-Балкария. Сколько стоит тишина // Московский центр Карнеги: сайт. URL: <https://carnegie.ru/commentary/67769> (дата обращения: 20.10.2019).

Калмыков 2018 – *Калмыков Ж.А.* В Кабардино-Балкарии меняется этнический состав // Информационное агентство Caucasus Times: сайт. URL: <https://caucasustimes.com/ru/v-kabardino-balkarii-menjaetsja-jetniceskoj-sostav/> (дата обращения: 20.10.2019).

Косиков 2012 – *Косиков И.Г.* Социально-экономическая ситуация и роль фактора этноэкономики в обеспечении региональной стабильности / Республики Северного Кавказа: этнополитическая ситуация и отношения с федеральным Центром: Монография / Научный редактор и составитель И.Г. Косиков. – М.: МАКС Пресс, 2012. – С. 63-77.

Краснов 2018 – *Краснов О.* Политологи сочли отставку Юрия Кокова следствием конфликта в Кенделене. 26 сентября 2018 г. // Интернет-СМИ «Кавказский узел»: сайт. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/325879/> (дата обращения: 20.10.2019).

Кушхабиев 2019 – *Кушхабиев А.В.* Миграционные проблемы в общественно-политической жизни Кабардино-Балкарии в конце XX – начале XXI века // Электронный журнал «Кавказология». – 2019. – № 2. – С. 105-126. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-2-105-126>

Ларинцева 2019 – *Ларинцева А.* Кабардино-Балкария ценит постоянство и ждет перемен // Коммерсантъ. – 4 октября 2019 г. – № 181.

Мисхожев 2017 – *Мисхожев Э.Р.* Современное социально-экономическое положение Кабардино-Балкарской Республики // Петербургский экономический журнал. – 2017. – №4. – С. 119-125.

Нефляшева 2019 – *Нефляшева Н.* «Конь и всадник». Мужские союзы против радикализации. 21 мая 2019 г. // Интернет-СМИ «Кавказский узел»: сайт. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/335716/> (дата обращения: 21.10.2019).

Прасолов 2017 – *Прасолов Д.Н.* Коммеморативные практики в современной Кабардино-Балкарии // Неприкосновенный запас. – 2017. – № 2. – С. 67-82.

Проценко 2018 – *Проценко Н.* В Кабардино-Балкарии Путина не подвело политическое чутье – эксперт. 28 сентября 2018 // Интернет-портал EurasiaDaily. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2018/09/28/v-kabardino-balkarii-putina-ne-podvelo-politicheskoe-chute-ekspert> (дата обращения: 20.11.2019).

Соколов 2018 – *Соколов Д.В.* Канжал в спину губернатора. 21 сентября 2018 г. // Интернет-СМИ «Кавказский узел»: сайт. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/325671/> (дата обращения: 20.10.2019).

Стародубровская, Казенин 2016 – *Стародубровская И.В., Казенин К.И.* Северный Кавказ и современная модель демократического развития. Экспертный доклад. – М.: Комитет гражданских инициатив, 2016. – 69 с.

Тумов 2017 – *Тумов А.А.* Избирательный процесс в современной Кабардино-Балкарии: эволюция политических условий, устойчивость политических результатов // Электронный журнал «Кавказология». – 2017. – № 2. – С. 119-139. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2017-2-119-139>

Ширижик 2018 – *Ширижик Л.* «Вы видите у меня кисти?». 29 мая 2018 г. // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2018/05/29/iritov/> (дата обращения: 20.10.2019).

REFERENCES

ATLASKIROV A.R. *Problema zemel'nyh otnoshenij v obshhestvennoj zhizni Kabardino-Balkarskoj Respubliki* [The Problem of Land Relations in the Public Life of the Kabardin-Balkar Republic]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2019. – No 1. – P. 193-212. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-1-193-212> (In Russian)

BOROV A.Kh. *Ustojchivoe razvitie i demokratizacija: konceptual'nyj analiz* [Sustainable Development and Democracy: Conceptual Analysis]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2018. – No 1. – P. 245-270. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-1-245-270> (In Russian)

BOROV A.Kh., BERBEKOVA M.M. *Demograficheskaja modernizacija Kabardino-Balkarii: istorija i sovremennye problemy* [Demographic Modernization of Kabardin-Balkaria: History and Nowadays Problems]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – No 2. – 2019. – P. 72-104. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-2-72-104> (In Russian)

BOROV A.Kh., TUMOV A.A. *Osnovnye parametry obshhestvenno-politicheskogo razvitija Kabardino-Balkarskoj Respubliki: izmenenija i preemstvennost'* [Basic Variables in Socio-Political Development of Kabardin-Balkar Republic: Change and Persistence]. IN: *Sovremennye issledovanija social'nyh problem*. – 2015. – No 11 (55). – P. 73-86. DOI: <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-11-7> (In Russian)

GUNYA A.N., TENOV T.Z., CHECHENOV A.M., SHOGENOV M.Z. *Zemel'nye konflikty v gornyh rajonah Severnogo Kavkaza: aktory, resursy, instituty* [The Land Conflicts in Mountainous Areas of the North Caucasus: Actors, Resources, Institutes]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2017. – No 1. – P. 154-175. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2017-1-154-175> (In Russian)

KALMYKOV Zh.A. *V Kabardino-Balkarii menjaetsja jetniceskij sostav* [Ethnic Composition of Kabardin-Balkaria has been undergoing changes]. IN: *Caucasus Times News Agency: website*. URL: <https://caucasustimes.com/ru/v-kabardino-balkarii-menjaetsja-jetniceskoj-sostav/> (access date: 20.10.2019). (In Russian)

KAZENIN K.I. *Kabardino-Balkarija. Skol'ko stoit tishina* [Kabardin-Balkaria. What does the peace cost]. IN: *Carnegie Moscow Center: website*. URL: <https://carnegie.ru/commentary/67769> (access date: 20.10.2019). (In Russian)

KOSIKOV I.G. *Social'no-jekonomicheskaja situacija i rol' faktora jetnojekonomiki v obespechenii regional'noj stabil'nosti* [Socio-Economic Situation and the Role of The Factor of Ethno-Economics in Ensuring Regional Stability]. IN: *Respubliki Severnogo Kavkaza: jetnopoliticheskaja situacija i otnoshenija s federal'nym Centrom* [Republic of the North Caucasus: Ethno-Political Situation and Relations with the Federal Center. Edited by I.G. Kosikov. – Moscow: MAKS Press, 2012. – P. 63-77. (In Russian)

KRASNOV O. *Politologi sochli otstavku Jurija Kokova sledstviem konflikta v Kendelene* [Political Scientists Considered the Resignation of Yuri Kokov as Consequence of the Conflict in Kendelen] September 26, 2018. IN: «Caucasian Knot»: Internet-portal. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/325879/> (access date: 20.10.2019). (In Russian)

KUSHKHABIEV A.V. *Migratsionnye problemy v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Kabardino-Balkarii v kontse XX – nachale XXI veka* [Migration Issues in Socio-Political Sphere of Kabardin-Balkaria in late XX – early XXI century]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2019. – No 2. – P. 105-126. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-2-105-126> (In Russian)

LARINTSEVA A. *Kabardino-Balkarija cenit postojanstvo i zhdet peremen* [Kabardin-Balkaria Appreciates Constancy and Awaits Change]. IN: *Kommersant*. – October 4, 2019. – No 181. (In Russian)

MISKHOZHEV E.R. *Sovremennoe social'no-jekonomicheskoe polozhenie Kabardino-Balkarskoj Respubliki* [The Current Socio-Economic State of the Kabardino-Balkarian Republic]. IN: *Peterburgskij jekonomicheskij zhurnal*. – 2017. – No 4. – P. 119-125. (In Russian)

NEFLYASHEVA N. «Kon' i vsadnik». *Muzhskie sojuzy protiv radikalizacii* [«Horse and Rider». Men's Unions against Radicalization] May 21, 2019. IN: «Caucasian Knot»: Internet-portal. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/335716/> (access date: 21.10.2019). (In Russian)

PRASOLOV D.N. *Kommemorativnye praktiki v sovremennoj Kabardino-Balkarii* [Commemorative Practices in Modern Kabardin-Balkaria]. IN: *Neprikosnovennyj zapas*. – 2017. – No 2. – P. 67-82. (In Russian)

PROTSENKO N. V *Kabardino-Balkarii Putina ne podvelo politicheskoe chut'e – jekspert* [Putin Did Not Lose His Flair for Politics in Kabardino-Balkaria – Expert] September 28, 2018. IN: «EurasiaDaily»: Internet portal. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2018/09/28/v-kabardino-balkarii-putina-ne-podvelo-politicheskoe-chute-ekspert> (access date: 20.10.2019). (In Russian)

SHIRIZHIK L. «*Vy vidite u menja kisti?*» [«Do you see my hands?»] May 29, 2018. IN: Internet newspaper «Lenta.ru.» URL: <https://lenta.ru/articles/2018/05/29/iritov/> (access date: 20.10.2019). (In Russian)

SOKOLOV D.V. *Kanzhal v spinu gubernatora* [Kanzhal in the Back of the Governor] September 21, 2018. IN: «Caucasian Knot»: Internet-portal. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/325671/> (access date: 20.10.2019). (In Russian)

STARODUBROVSKAYA I.V., KAZENIN K.I. *Severnyj Kavkaz i sovremennaja model' demokraticeskogo razvitija. Jekspertnyj doklad* [The North Caucasus and the Modern Model of Democratic Development. Expert Report]. – M.: Komitet grazhdanskih iniciativ, 2016. – 69 p. (In Russian)

TUMOV A.A. *Izбирatel'nyj process v sovremennoj Kabardino-Balkarii: jevoljucija politicheskij uslovij, ustojchivost' politicheskij rezul'tatov* [Electoral Process in Modern Kabardino-Balkaria: Evolution of Political Situation, Stability of Political Results]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2017. – No 2. – P. 119-139. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2017-2-119-139>

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА И ЭТНОПОЛИТИКА

УДК 316.4: 323.2

DOI 10.31143/2542-212X-2019-4-128-152

**ШЕРИНГ-ЭКОНОМИКА, ДОВЕРИЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ В
СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: ПО
МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹****М.З.ШОГЕНОВ**

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: shogen@inbox.ru*

А.А. ХОКОНОВ

*Финансовый университет при Правительстве РФ
125167, г. Москва, Ленинградский проспект, 49
E-mail: dr_enzo@mail.ru*

Аннотация. Целью настоящего исследования является изучение общественного мнения в отношении перспектив экономики совместного пользования как фактора гражданского и политического участия. В фокусе работы находятся вопросы, связанные влиянием шеринг-экономических практик и цифровых краудсорсинговых факторов доверия на накопление социального капитала, гражданское сотрудничество и политическую активность. В качестве исследуемого материала анализируются результаты социологического исследования, проведенного в четырех регионах РФ – г. Москва, г. Санкт-Петербург, г. Краснодар и г. Нальчик. Авторы выявили связь между высоким уровнем участия в пользовании сервисами экономики совместного потребления и (1) ростом значения цифровых источников доверия в общей структуре факторов, (2) большей готовностью к неформальному сотрудничеству и кооперации, и (3) высокой электоральной активностью, а также более критическом отношении к органам государственной власти и политическим институтам. Результаты исследования повалили сделать вывод, что шеринг-экономика обуславливает изменения в традиционной системе общественных отношений, что создает предпосылки для трансформации гражданских и политических институтов. Вместе с тем, для оценки устойчивости изученных причинно-следственных связей необходимы дальнейшие длительные наблюдения за эффектами шеринг-экономических отношений наряду с другими социальными факторами.

Ключевые слова: шеринг-экономика; доверие; сотрудничество; гражданское участие; политическое участие; политические институты.

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект 19-011-31495 «Факторы, содержание и сценарии трансформации политических институтов в условиях развития экономики совместного потребления (sharing economy)» и сетевых информационных технологий».

SHARING ECONOMY, TRUST AND POLITICAL PARTICIPATION IN MODERN INFORMATION SOCIETY: BASED ON SOCIOLOGICAL SURVEY MATERIALS

M.Z. SHOGENOV

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky str., 173
E-mail: shogen@inbox.ru*

A.A. KHOKONOV

*Financial University under the Government of the Russian Federation
125167, Moscow, Leningradsky Prospekt 49
E-mail: dr_enzo@mail.ru*

Abstract. The purpose of this study is to examine public opinion regarding perspectives of sharing economy as a factor of civic and political participation. The research is focused on issues related to influence of sharing economy practices and crowdsourced digital trust on social capital, civic cooperation and political activism. The study is based on materials of the sociological survey conducted in four regions of the Russian Federation — Moscow, St. Petersburg, Krasnodar, and Nalchik. There is a connection revealed between a higher level of participation in sharing economy and (1) increased importance of digital trust in the overall structure of trust sources, (2) a greater readiness for informal cooperation, (3) a higher voter turnout and a more critical attitude to the state authorities and current political institutions. As a result, authors conclude that sharing economy is causing changes in traditional system of societal relations, which creates the prerequisites for transformation of civil and political institutions. However, further long-term observations of the effects of sharing economy practices along with other social factors are needed to assess the sustainability of the causality.

Keywords: sharing economy; trust; cooperation; civic participation; political participation; political institutions.

1. Введение

Шеринг-экономика (sharing economy) как современный феномен привлекала себе повышенное внимание исследователей в связи с широким распространением Интернета в начале 2000 годов. Благодаря информационным технологиям стало возможным появление новых форм рыночного обмена между незнакомыми людьми вместо традиционных, закрытых внутри сообществ. Эти формы обмена создают возможности доступа к товарам и услугам через совместное потребление по типу пиринговых отношений, или, другими словами отношений «равный-равному» (peer-to-peer), без участия иных рыночных посредников. В 2011 году авторитетный журнал «Time» навал совместное потребление одной из 10 идей, способных изменить мир к лучшему.

Объем рынка шеринг-экономики оценивался в 2014 году в 14 млрд. долларов, а к 2025 году ожидается его рост до 335 млрд. долларов¹.

Помимо собственно инновационной информационно-экономической составляющей отмечается и социально-трансформативное значение шеринг-экономики. Это связывается с ее потенциалом обеспечивать равный и широкий доступ к материальным благам и услугам, с позитивными экологическими эффектами снижающихся объемов производства, с возможностями вовлечения в справедливый экономический обмен категорий граждан с ограниченной для традиционного рынка труда профессиональной квалификацией [Schor 2010].

Изучение взаимосвязи шеринг-экономики и множественных кризисных явлений в различных сферах жизни современного общества и государства является одним из популярных исследовательских направлений [Sharing... 2018]. Так, британский исследователь Стюарт Лансли указывает на то, что в основе растущего неравенства лежат различные модели корпоративного капитализма и увеличивающиеся объемы частного капитала. Проблема неравенства, по его мнению, может быть решена только путем «деконцентрации» благосостояния, а понятие шеринг-экономики может служить для определения отдельного направления политики, направленной на обеспечение более равномерного распределения доходов от экономической деятельности и растущего общественного благосостояния [Lansley 2016]. Наиболее известными популяризаторами шеринг-экономики являются Рйечел Ботсман и Ру Роджерс. Их публикации, посвященные исследованию механизмов сотрудничества и кооперативного поведения среди участников шеринг-платформ, стали основой для возникновения целого социального движения, направленного на цели муниципального развития, экологии, информационной прозрачности и демократического управления [Botsman, Rogers 2010]. Многие социальные движения и активисты присоединились к шерингу для укрепления своих позиций, видя в пиринговых платформах обмена будущее настоящей, низовой гражданской активности.

Вместе с тем, критики новой экономики обмена, анализируя преимущественно деятельность коммерческих шеринг-платформ, ставят под сомнение выводы их сторонников о прогрессивном, ведущем к росту социальной справедливом характере новых практик обмена. В них усматривается форма эксплуатации труда, способная привести к появлению нового прекариата – класса работников, находящихся на самом краю экономической безопасности. По мнению критиков, основным мотивом участия в обмене является не доверие, а отчаяние [Slee 2016]. Часть критики приходится на проблемы нормативно-правового регулирования деятельности шеринг-платформ [Katz 2015]. Экономист Дин Бейкер утверждает, что шеринг «в значительной степени базируется на обходе нормативно-правовых актов и нарушении законов» и предлагает потребителям не стандартизированные и,

---

¹ The Sharing Economy Contents: Consumer Intelligence Series // PricewaterhouseCoopers: website. URL: https://www.pwc.fr/fr/assets/files/pdf/2015/05/pwc_etude_sharing_economy.pdf (дата обращения: 21.11.2019)

возможно, небезопасные услуги¹. Другой исследователь-скептик Энтони Каламар называет «шеринг-промыиванием-мозгов» (sharewashing), стремлением платформ переложить все риски на пользователей под видом шеринга². Некоторые активисты прямо обвиняют популярные коммерческие шеринг-платформы в том, что их пользователи зарабатывают лишь небольшие деньги, в то время, как почти половина дохода генерируется за счет комиссий внутри корпораций³. Многие шеринг-платформы уже поддержаны крупными профильными венчурными капиталами, что, напротив, может привести к большей монополизации рынка. По мнению Джулиан Агиман и др. ключевым условием обеспечения и поддержания социальной справедливости шеринг-экономики является фокус на локальное городское пространство, поддержка коллективных, публичных форм совместного пользования, и соответствующая последовательная политика⁴.

По мнению Джулиет Счор, способность новых практик выступать инструментом преодоления социального неравенства зависит от перспектив их интеграции в социальные движения муниципального уровня: чем больше интеграция, тем больше вероятность достижения указанных целей. По ее мнению, технологии, которые лежат в основе шеринга, позволяют обмениваться информацией, создавать социальные связи и кооперацию с ранее незнакомыми людьми, социально-трансформативны и предоставляют собой мощный инструмент формирования социальной солидарности, демократического управления и устойчивого развития [Schor 2014].

Дискуссии об ограничениях шеринг-экономики связаны с тем, как определяются те или иные примеры совместного потребления, что отличает новые практики обмена от традиционных. Выделяют три ключевые типологические характеристики шеринг-экономики: 1) возможность вступать в экономический обмен с ранее незнакомыми людьми благодаря новым источникам доверия, не связанным с локальным социальным и культурным капиталом; 2) цифровые информационные технологии, которые обеспечивают мгновенный краудсорсинг рейтинговой и репутационной информации об участниках; 3) высокая доля участия в обмене потребителей, для которых обмен – это скорее культурный, ценностный выбор, чем экономическая необходимость [Handbook... 2017].

---

¹ Baker, Dean. Don't Buy the «Sharing Economy» Hype: Aibnb and Uber Are Facilitating Ripoffs // The Guardian: website. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/may/27/airbnb-uber-taxes-regulation> (дата обращения: 21.11.2019)

² Kalamar, Anthony. Sharewashing is the New Greenwashing // OpEd News: website. URL: <https://www.opednews.com/populum/page.php?f=Sharewashing-is-the-New-Gr-by-Anthony-Kalamar-130513-834.html> (дата обращения: 21.11.2019)

³ Slee Tom. Sharing and Caring // Jacobin Magazine: website. URL: <https://www.jacobinmag.com/2014/01/sharing-and-caring> (дата обращения: 21.11.2019)

⁴ Agyeman Julian, Duncan McLaren, Adrienne Schaefer-Borrego. Sharing Cities. Friends of Earth Briefing Paper // Friends of Earth: website. URL: https://friendsoftheearth.uk/sites/default/files/downloads/agyeman_sharing_cities.pdf (дата обращения: 21.11.2019)

Вопросы доверия и репутации составляют одно из наиболее важных направлений исследований шеринг-экономики. Так, множество авторов обращается к анализу ограничений репутационных механизмов шеринг-платформ, в частности, влиянию на объективность оценок таких факторов как социальный прессинг, а также возможное искажение информации из-за анонимных отзывов [Lauterbach et al. 2009]. Некоторые исследования показывают, что краудсорсинговые (crowdsourcing) репутационные механизмы уязвимы для намеренных влияний со стороны объединяющихся внутри шеринг-платформ групп интересов [Wang, Nakao 2010]. Исследование М. Ри и Н. Такахаши показало, что альтруистическое поведение не является необходимым, что демонстрирует, по его мнению, как возникающие нормы обмена существуют до тех пор, пока у участников есть индивидуальное ощущение справедливости [Rie, Takahashi 2008].

Отдельное направление исследований посвящено тому, как шеринг-экономика может стимулировать социальную активность на уровне локальных сообществ, или даже формирование таковых. Исследования Л. Озан и П. Балантайн выявили, что среди участников платформы по обмену игрушками возникала площадка единомышленников, объединенных антипотребительскими ценностями [Ozanne, Ballantine 2010]. П. Альбинсон и Я. Перера делают предположение о том, что индивиды, вовлеченные в шеринг-экономику посредством альтернативных площадок рыночного обмена, формируют на локальном уровне сообщество «граждан-потребителей», преследующих цели более устойчивого и предсказуемого будущего [Albinsson, Perera 2012]. Исследование Ф. Сетиффи позволило автору сделать вывод о том, что массовый обмен, или рециркуляция товаров длительного пользования, приобретают социальное значение, что ставит вопрос о необходимости теоретизации, так называемой, «культуры бывшего в употреблении» [Setiffi 2011].

Другие исследования, напротив, указывают на меньшее значение социальных связей, возникающих среди участников шеринг-платформ. Так, Ф. Барди и Г. Экхард обнаружили, что альтруистическое поведение, ассоциируемое с шеринг-экономикой, может быть ограничено коммерческим посредничеством самих платформ, а также возможностью для участников оставаться анонимными [Bardhi, Eckhardt 2012]. Исследование сервисов по обмену услугами (банки времени) также выявили ограничения в формировании социального капитала, поскольку многие участники не предлагают для обмена услуги, за которые они могут быть материально вознаграждены на традиционном рынке труда и стараются предлагать услуги, в которых они недостаточно компетентны [Emilie et al. 2014]. Исследование А. Фентон сервиса по обмену транспортом выявило распространенную среди участников убежденность в том, что платформа может создавать устойчивые социальные связи, которые они преимущественно описывают как «анонимные» и «стерильные» [Handbook... 2017]. Помимо ограничений, связанных с формированием социальных связей и социального капитала, ряд исследований указывают на способность некоторых шеринг-платформ воспроизводить среди

участников неравенство и дискриминацию через выбор партнеров по обмену на основе расовых, культурных и социальных стереотипов [Cheng, Foley 2018].

Продолжающиеся дебаты о социально-трансформативном потенциале шеринг-экономики связаны с недостатком длительных наблюдений за ее эффектами. Некоторые из шеринг-практик действительно могут стимулировать более справедливые, устойчивые и социально-интегрированные экономические отношения. Другие практики, напротив, воспроизводят существующую социальную несправедливость, дискриминацию, стимулируют лишь незначительный потребительский спрос, или же сливаются с традиционными формами бизнеса. Перспективы развития тех или иных шеринг-практик зависят от ряда факторов, таких как тип площадки – пиринговая или с участием посредников, бизнес-модель – коммерческая или некоммерческая, а также тем, что является предметом обмена – сами товары, услуги или время, либо деньги. Учитывая, что практики совместного потребления достаточно новы, можно ожидать дальнейший их значительный рост и распространение.

2. Методология и материалы исследования

Таким образом, сотрудничество среди участников обмена, а также основания, на которых оно строится и механизмы его воспроизводства, являются важнейшими характеристиками экономики совместного потребления. Одним из ключевых оснований сотрудничества и наиболее сложных в изучении считается доверие как социальный и культурный феномен, имеющий, в свою очередь, социально-трансформативный потенциал, в том числе и для сферы общественно-политических отношений.

В социальной теории можно выделить два основных направления интерпретаций феномена доверия. Первое направление рассматривает доверие как культурно обусловленный иррациональный феномен, присущий обществам традиционного типа, основанный на принципе веры, чувстве уверенности в другом человеке, в его словах и действиях [Штомпка 2012; Фукуяма 2008; Гарфинкель 2009]. Другое направление понимает доверие как социальный ресурс и рациональный продукт, основанный на расчете, а не на иррациональном чувстве. По мнению сторонников этого подхода, потребность в доверии как основе социального взаимодействия в перманентных обстоятельствах риска и неопределенности в большей степени присуща современному обществу [Луман 2000; Парсонс 1998]. Современная рационализация доверия имеет во многом экономическое измерение – способность доверия оказывать влияние на экономическую эффективность через сокращение «транзакционных издержек» [Веселов 2011]. Существует мнение, что оба типа доверия – иррациональное и рациональное – сосуществуют в современном обществе в условиях острой потребности в доверии как интегрирующем механизме, обладающем потенциалом социальной кооперации и консолидации [Кривопусков 2013].

Для объяснения потенциала сотрудничества, основанного на доверии необходимо обратиться понятию социального капитала, который можно определить, как некий кредит доверия, облегчающий любой акт социального

обмена [Бурдые 2004; Бурдые 2005], как потенциал взаимного доверия и взаимопомощи [Коулмен 2001]. Социальный капитал позволяет мобилизовать ресурсы отношений на основе доверия людей друг к другу. Часть исследователей, наряду с социальным капиталом (принадлежность к социальной группе) и культурным (принадлежность к культуре), выделяют символический капитал (репутация, внешность, имя, знаки достоинства, высокого социального статуса и т.п.) [Бурдые 1994]. В структуре социального капитала выделяют две составляющие: репутацию как реальную, рациональную составляющую и имидж как эмоциональную и виртуальную составляющую капитала. Таким образом, репутацию, имеющую объективно культурное либо субъективно личностное символическое значение, можно отнести к компонентам социального капитала [Иванов 2010]. Репутационное строительство предполагает наращивание экономического, культурного и социального капиталов. Вместе с тем, все виды капитала имеют социальную природу, все они оказывают воздействие друг на друга, а также имеют способность ко взаимной конвертации: символический капитал позволяет притягивать к себе капитал как экономический, так и политический [Радаев 2002].

Значение рейтинговой и репутационной информации об участниках обмена относится к сути вопросов, связанных с доверием и сотрудничеством в экономике совместного пользования. Поскольку шеринг-платформы стимулируют частный обмен между ранее незнакомыми людьми, он связан с рисками, которые снижаются посредством краудсорсинговых систем выставления оценок и рейтингов. Цифровизация публичного пространства экономического обмена в режиме реального времени снижает транзакционные издержки и создает новые возможности, обеспечивая чувство безопасности при взаимодействии с незнакомыми людьми.

Вместе с тем, вопрос о том, могут ли шеринг-платформы действительно создавать социальное доверие и устойчивые социальные связи является одним из наиболее дискуссионных. Так, ряд исследований показывают, что в некоторых случаях между пользователями шеринг-платформ возникают дружеские связи [Ozanne, Ballantine 2010; Albinsson, Perera 2012; Setiffi 2011]. Однако более длительные наблюдения свидетельствуют о том, что такие связи скорее иллюзорны и преходящи, пользователи говорят о своем разочаровании в качестве установившихся социальных связей, описывают их как «анонимные» и «стерильные» [Handbook... 2017]. Для объяснения этого явления наиболее полезным, на наш взгляд, будет обращение к концепции кооперативного поведения, разрабатываемой в рамках теории игр.

В соответствии с исследованиями Р. Аксельрода, одного из ведущих теоретиков сотрудничества, ключевым его условием является продолжительность во времени. Множественность транзакций делает сотрудничество более рациональным выбором в неопределенной перспективе, чем эгоистичное поведение при единичных коммуникациях. Рациональность сотрудничества, как наиболее удачная стратегия, утверждается эволюционным путем – эгоистические стратегии игнорируются как неэффективные. То есть,

взаимовыгодные отношения становятся настолько распространенными, что личность участников уже не имеет значения. Более того, сотрудничество, основанное на взаимности, ведет к самоуправлению, так как необходимости в третьей стороне или центральном авторитете нет. Таким образом, фундаментом сотрудничества служит не доверие, а продолжительность отношений, в ходе которых вырабатываются наиболее удачные стратегии поведения и устойчивые образцы сотрудничества [Axelrod 2006].

Применительно к шеринг-экономике условия сотрудничества возникают благодаря повторяющемуся взаимодействию, множественности транзакций, возможности получения выгоды каждым из участников, а также скорости обмена информацией, формирующей репутационный капитал. Доступные для участников индивидуальные профили и страхование сделок на шеринг-платформах создают условия для безопасных сделок. Исследования показывают, что люди склонны доверять групповым рейтингам продуктов и услуг. То же справедливо и в отношении оценок отдельных людей. Пока у участников есть стимулы избегать необоснованного сотрудничества, из-за угрозы возникновения репутационных рисков, шеринг-платформа будет воспроизводить сценарии сотрудничества и минимизировать появление других сценариев. Такой репутационный капитал может рассматриваться как кроссплатформенное решение для стимулирования сотрудничества и создания безопасных условий в любом сообществе обмена.

В связи с этим интерес представляет то, насколько опыт сотрудничества и репутационный капитал участников обмена, возникший в рамках шеринг-платформ, имеет потенциал к трансформации в иные формы сотрудничества, в частности в гражданском и политическом секторах общественных отношений.

Так некоторые западные исследователи отмечают, что альтернативой коммерческой эксплуатации шеринг отношений является объединение платформ в большее социальное движение, преследующее цели перераспределения благосостояния, стимулирование гражданского участия, защиту экологии и укрепление социальные связей. Однако это предполагает организацию этого движения, то есть формирование некоего союза пользователей. К примеру, сервис аренды жилья Airbnb начал стимулировать пользователей к такой организации. В 2013 году Airbnb создал платформу для функционирования социального движения владельцев недвижимости, гостей и сотрудников, в рамках которой было создано множество локальных групп пользователей, которые встречаются онлайн и офлайн для обмена опытом и обсуждения различных вопросов, в том числе связанных с влиянием на государственную политику (public policy). Компания ожидает от таких групп достижения лучших условий нормативно-правового регулирования деятельности платформы в том или ином городе, регионе или даже государстве.

Таким образом, прецеденты трансформации опыта шеринг сотрудничества в модели гражданского и даже политического участия, совместной кооперации граждан, объединенных территориальным признаком и соответственно общностью интересов, выходящих за рамки экономического обмена, уже существуют и представляют, как нам кажется, значительный

исследовательский интерес. Такие группы могут формировать собственные повестки, включающие требования и к самой платформе, к примеру, в области ценовой политики или распределения рисков. Существующие платформы потенциально могут управляться пользователями и быть в кооперативной собственности, чего уже требуют многие пользователи. Дискурсы шеринг-платформ в значительной степени подтверждают способность современных технологий и в целом цифровизации публичного пространства расширять возможности гражданского и политического участия граждан. В свою очередь, институты и организации гражданского общества, союзы, общественные группы и кооперативы могут создавать собственные платформы для достижения тех же эффектов сотрудничества, но уже не для коммерческих целей, но общественных и политических.

Трансформируя теоретическую концептуализацию в прикладное эмпирическое исследование, авторы провели конкретное социологическое исследование на тему «Экономика совместного пользования, социальный капитал и политические институты», для которого были сформулированы следующие *исследовательские вопросы*:

1. Оказывает ли участие в практиках экономического обмена влияние на появление и накопление социального капитала, имеющего перспективу для сотрудничества в других сферах общественной?

2. Каковы современные источники доверия и соотношение традиционных культурно-обусловленных его оснований и краудсорсинговых, связанных с появлением и распространением цифрового публичного пространства?

3. Оказывает ли опыт участия в практиках экономического обмена на уровень социального капитала и готовность к сотрудничеству, а также влияние на содержание и формы гражданской активности вне экономического сектора общественных отношений?

4. Возможна ли трансформация практик и опыта сотрудничества, накопленных в сфере экономического обмена и гражданской активности, в политическое участие? Обладает ли это участие трансформативным потенциалом для политических институтов?

Цель исследования – изучение общественного мнения в отношении перспектив экономики совместного пользования как фактора роста гражданского и политического участия – предполагала решение следующих исследовательских задач:

- выявить степень распространённости и уровень участия граждан в пользовании шеринг-платформами, включая формы участия в практиках обмена, частоту, наиболее популярные виды услуг, мотивацию пользователей, возможности установления новых социальных связей, особенности воспроизводства или преодоления дискриминационных установок,

- оценить существующий в обществе уровень доверия, включая его общий уровень, социальные, демографические и культурные источники доверия, соотношение традиционных культурных и цифровых краудсорсинговых источников доверия;

- выявить особенности гражданской активности опрошенных, включая формы и уровень участия в формализованных некоммерческих общественных организациях или объединениях, участие в различных неформальных гражданских инициативах, а также их мнение относительно допустимости участия граждан в тех или иных формах общественной деятельности и гражданской протестной активности;

- изучить особенности политического участия респондентов, включая уровень доверия к различным гражданским и политическим институтам, электоральную активность на различных уровнях управления, формы участия в выборном процессе, мнение о допустимой деятельности НКО во время выборов, а также готовность к изменениям политических институтов и приоритетные способы политической протестной активности;

- представить социально-демографическую характеристику опрошенных в контексте представлений опрошенных о различных аспектах ценностной оппозиции «владение-пользование» и ведущих классовых маркерах идентичности.

В качестве основной гипотезы было выдвинуто предположение о том, что экономика совместного пользования, основанная на расширении и цифровизации публичного пространства, обуславливает социальные и культурные изменения в традиционной системе общественных отношений и системе ценностей, что в свою очередь создает предпосылки для трансформации гражданских и политических институтов.

Объектом исследования выступили респонденты выборочной совокупности четырех регионов проведения опроса – г. Москва, г. Санкт-Петербург, г. Краснодар и г. Нальчик. Предмет исследования – общественное мнение и оценки респондентов по различным блокам вопросов в соответствии с программой исследования. Выборочная совокупность составила – 800 человек. Выборка была целевая, пропорциональная – по 200 респондентов для каждого города – пользователей услуг сервисов экономики совместного пользования, самостоятельно изъявивших желание участвовать в исследовании в результате таргетированной рекламы опроса в указанных регионах. Исследование было проведено в октябре – ноябре 2019 г. Форма проведения – онлайн опрос по стандартизированному опроснику.

3. Результаты

Структура опросника включала в себя пять тематических блоков, необходимых для раскрытия поставленных исследовательских вопросов.

3.1. Пользование шеринг-платформами

Первый блок вопросов был направлен на выявление общих оценок и отношения респондентов к услугам шеринга, а также возможном опыте пользования ими.

Среди общего числа принявших участие в опросе около половины указало, что пользовалось услугами сервисов совместного потребления за

последние 12 месяцев. Наибольшей популярностью подобные услуги пользуются в городах Краснодар, Москва и Санкт-Петербург. В меньшей степени в г. Нальчик – 19,7% (табл. 1). Соответствующее распределение наблюдается и в числе пользующихся подобными сервисами «на постоянной основе, ежедневно», «регулярно, несколько раз в неделю» и «время от времени, несколько раз в месяц». Более ½ пользователей из Нальчика обращаются к этим сервисам «редко, не чаще раза в год».

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Пользовались ли Вы сервисами совместного потребления товаров или услуг за последние 12 месяцев?»

	Москва	СПб	Краснодар	Нальчик	Всего
Да	58,5%	52,0%	65,1%	19,7%	48,8%
Нет	41,5%	48,0%	34,9%	80,3%	51,2%
Итого	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

Наибольшей популярностью пользуются такие виды услуг, как: 1) транспортные, такси, поиск попутчиков и пассажиров; 2) поиск и предложение товаров и услуги в социальных сетях и сервисах объявлений, а также услуги в сфере аренды сдача в аренду жилья. При этом пользователи наибольшую активность не только в пользовании, но и предоставлении услуг проявляют в сервисах объявлений и услугах такси (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Какими именно и каким образом Вы пользовались сервисами совместного потребления товаров или услуг?»

	Предоставляю	Пользуюсь
Банки времени – обмен бытовыми и прочими услугами (по ремонту, уборке и др.)	6,9%	11,4%
Платные бытовые услуги (такие сервисы как «Муж на час», «Мастер на час»)	5,7%	7,1%
Кар-шеринг – аренда/сдача в аренду транспорта (Яндекс.Драйв, Делимобиль, Belca Car)	5,1%	17,4%
Услуги такси (такие сервисы как Яндекс.Такси, Uber, GetTaxi)	17,7%	61,5%
Аренда жилья и сдача в аренду жилья (такие сервисы как Airbnb, Avito, Booking.com)	7,0%	32,1%
Поиск попутчиков и пассажиров (такие сервисы как BlaBlaCar, «Попутчик», VananaCar)	7,6%	20,8%
Товары и услуги в социальных сетях и сервисах объявлений (Avito, Юла и др.)	26,1%	45,6%
Различные кассы взаимопомощи (материальной, финансовой)	6,1%	7,4%

Среди основных причин, по которым респонденты предпочитают сервисы совместного пользования традиционным видам потребления товаров или услуг выделяются «стоимость, более доступные цены, экономия», «время, быстрое получение услуги, удобное время работы», «выбор, больше различных

предложений» и «удобство оплаты, учета финансов». По мнению абсолютного большинства, опрошенных во всех регионах сервисы совместного потребления товаров или услуг позволяют заводить новые знакомства или дружеские связи.

В выборе факторов, определяющих предпочтения респондентов в выборе поставщиков товаров и услуг, приоритет на стороне факторов информационно-цифрового характера в сравнении с традиционными, такими как возраст, пол или национальная принадлежность, но. В Москве, Санкт-Петербурге и Краснодаре наибольшее значение с примерно равным соотношением имеют такие критерии, как «оценки и отзывы других, незнакомых вам пользователей», «публичные рейтинги» и «репутация на основе опыта знакомых людей». В Нальчике наибольшее значение для выбора имеют факторы «оценки и отзывы других, незнакомых вам пользователей» и «репутация на основе опыта знакомых людей» (рис. 1).

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос «Что из перечисленного является для Вас важным и определяет выбор пользователей или поставщиков товаров и услуг при использовании сервисами совместного потребления?»

3.2. Доверие

Следующий блок вопросов был посвящен проблематике доверия в его связи с экономикой совместного пользования.

Около ¼ опрошенных в каждом регионе занимают срединное положение в оценках того, насколько можно доверять незнакомым людям. Однако в региональном разрезе почти такое же число респондентов из Нальчика проявили самую низкую степень доверия к незнакомцам. Среди категорий людей, пользующихся наибольшим доверием во всех регионах, выделяются в первую очередь члены семьи, люди, которых респонденты знают лично. Популярным ответом во всех регионах является «люди одного с вами поколения». В Москве эта категория людей уступает категории «ваши знакомые из социальных сетей». Сопоставимый уровень доверия к этой

категории наблюдается в Краснодаре и Санкт-Петербурге. В Нальчике этот показатель уступает категориям «люди одного с вами поколения» и «люди одного с вами социального класса» (табл. 3).

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Не могли бы вы указать для каждой из следующих категорий, в какой степени Вы доверяете людям из этих групп?»¹

	Москва	СПб	Краснодар	Нальчик	Всего
Ваша семья	98,8%	98,8%	100,0%	96,7%	98,6%
Люди, которых вы знаете лично	86,6%	86,5%	89,9%	80,3%	85,8%
Ваши знакомые из социальных сетей	53,7%	50,8%	57,8%	34,4%	49,2%
Люди одного с вами социального класса	46,3%	53,2%	62,4%	45,9%	52,0%
Люди одного с вами поколения	42,7%	50,4%	55,0%	52,5%	50,1%

Около 2/3 респондентов в каждом регионе согласно с тем, что «публичным рейтингам можно доверять, потому что они формируются из отзывов и оценок других пользователей». Более ½ опрошенных согласны с тем, что «незнакомые пользователи сервисов шеринг-услуг с высоким публичным рейтингом заслуживают больше доверия, чем просто незнакомые люди». Самый низкий уровень согласия с этим утверждением отмечается в Нальчике. По мнению половины респондентов в каждом регионе «публичные рейтинги пользователей сервисов шеринг-услуг влияют и на их репутацию в обычной жизни», а «при выборе товаров или услуг следует ориентироваться на отзывы пользователей и публичные рейтинги, чем на мнение знакомых людей».

3.3. Гражданская активность

В следующем блоке вопросов респондентам было предложено оценить различные аспекты, связанные с современными особенностями гражданской активности, участием в ней граждан, а и взаимодействия государственной власти и общества.

На вопрос о том, участвуют ли респонденты в каких-либо некоммерческих общественных организациях или объединениях на постоянной основе абсолютное большинство ответило отрицательно. Наименьшее вовлечение в формализованную гражданскую активность наблюдается в Нальчике (табл. 4).

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Участвуете ли Вы в каких-либо некоммерческих общественных организациях или объединениях на постоянной основе?»

	Москва	СПб	Краснодар	Нальчик	Всего
Да	17,1%	21,4%	30,3%	11,5%	20,1%
Нет	82,9%	78,6%	69,7%	88,5%	79,9%
Итого	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

¹ Сумма ответов для вариантов «доверяю полностью» и «скорее доверяю»

Среди видов общественной деятельности, в которых опрошенные принимали участие в течение последних 12 месяцев, наибольшей популярностью во всех регионах, за исключением Москвы пользуются «добровольные гражданские инициативы по своей воле, а не по поручению какой-либо некоммерческой общественной организации». В Москве наиболее популярно «неофициальное сотрудничество с отдельными людьми или группой лиц для решения какой-либо местной проблемы». «Участие в неофициальных общественных собраниях, сходах жителей для того, чтобы разрешить какие-либо важные местные проблемы» популярно среди ¼ опрошенных.

Респонденты из Нальчика, в отличие от других регионов, в меньшей степени согласны с тем, что граждане могут принимать участие в решении таких социальных вопросов, как «избирательный процесс» (прозрачность и справедливость выборов и т.д.), «прозрачность и подотчетность государственных учреждений», «борьба с коррупцией», «благотворительная деятельность», «общественная и социальная работа», «образование» и «жилищно-коммунальное хозяйство». При этом, по их мнению, «межнациональные отношения» и «межрелигиозные отношения» могут быть сферой участия граждан. В том, что касается решения насущных вопросов благоустройства и поддержания порядка на общей территории, реагирования на нарушение общественного порядка, разрешения конфликтов и других проблем совместного проживания «собираться вместе и решать проблему» в Нальчике больше соответствует духу местных традиций, чем в других регионах (табл. 5).

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, следует ли рядовым гражданам принимать активное участие в решении указанных социальных вопросов или ими должно заниматься только государство?»¹

	Москва	СПб	Краснодар	Нальчик	Всего
Избирательный процесс (прозрачность и справедливость выборов и т.д.)	89,0%	86,1%	89,9%	75,4%	85,1%
Прозрачность и подотчетность государственных учреждений	70,7%	63,1%	63,3%	52,5%	62,4%
Борьба с коррупцией	70,7%	69,4%	77,1%	54,1%	67,8%
Межнациональные отношения	51,2%	56,7%	56,9%	63,9%	57,2%
Межрелигиозные отношения	58,5%	62,7%	63,3%	67,2%	62,9%
Права человека	75,6%	80,2%	89,0%	70,5%	78,8%
Благотворительная деятельность	85,4%	86,9%	92,7%	78,7%	85,9%
Образование	65,9%	66,3%	74,3%	52,5%	64,7%
Общественная и социальная работа	81,7%	83,3%	93,6%	67,2%	81,5%
Жилищно-коммунальное хозяйство	63,4%	63,1%	73,4%	44,3%	61,0%
Порядок и безопасность в вашем городе/районе/селе	54,9%	58,3%	63,3%	54,1%	57,7%
Защита окружающей среды	74,4%	79,8%	87,2%	73,8%	78,8%

¹ Указана сумма ответов для варианта «граждане могут участвовать»

Во всех регионах, по мнению респондентов, наиболее эффективно решать общественные проблемы могут в первую очередь «соответствующие государственные органы». Затем идут «официально зарегистрированные общественные организации», «частные инициативы отдельных лиц, которые имеют средства и влияние в обществе» и «официально не зарегистрированные группы людей, объединенные общими интересами и целями». В гипотетической ситуации существования планов какого-либо строительства (например, здания или дороги) в районе или селе, против которого у респондентов есть категорические возражения, опрошенные готовы, в первую очередь, «направить протест в местную администрацию», затем «в вышестоящий административный орган», а уже следом «обратиться за помощью к общественным организациям». Последний вариант ответа пользуется наименьшей популярностью в Нальчике.

Большинство опрошенных оценивают добровольную общественную деятельность, осуществляемую некоммерческими общественными организациями или объединениями граждан не по инициативе государства или органов власти как «форму помощи государству в деле достижения общенациональных целей», а также «как проявление личного стремления изменить жизнь к лучшему». Вместе с тем в Москве, количество тех, кто выбрал вариант ответа «как альтернативу неэффективным государственным учреждениям и структурам» самое значительное среди регионов выборки (таб. 6).

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете добровольную общественную деятельность, осуществляемую некоммерческими общественными организациями или объединениями граждан НЕ по инициативе государства или органов власти?»

	Москва	СПб	Краснодар	Нальчик	Всего
Как форму помощи государству в деле достижения общенациональных целей	31,7%	43,7%	56,9%	36,1%	42,1%
Как альтернативу неэффективным государственным учреждениям и структурам	45,1%	32,5%	34,9%	11,5%	31,0%
Как возможность влиять на государство, выявить тем самым недостатки социальной и политической системы	36,6%	29,4%	33,0%	13,1%	28,0%
Как проявление личного стремления изменить жизнь к лучшему	46,3%	43,3%	52,3%	23,0%	41,2%
Как форму достижения корыстных интересов за счет грантов и иных финансовых ресурсов	3,7%	4,4%	3,7%	6,6%	4,6%
Как форму конкуренции между различными элитными группами за власть и влияние	6,1%	3,6%	1,8%	3,3%	3,7%
Затрудняюсь ответить	11,0%	13,9%	5,5%	32,8%	15,8%

3.4. Политическое участие и институты

Блок анкеты, посвященный политическому участию и институтам, был направлен на выявление мнений респондентов о деятельности граждан, направленной на участие в принятии политических решений и их осуществлении.

Оценка уровня доверия опрошенных к различным политическим и гражданским институтам выявила определенные региональные различия. В Нальчике отмечается большее доверие к федеральным органам власти и государственным органам в целом. Кроме отмечается сравнительно высокий уровень доверия к политическим партиям, НПО, религиозным учреждениям и СМИ (табл. 7).

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос «Пожалуйста, оцените свой уровень доверия к следующим политическим и гражданским институтам»¹

	Москва	СПб	Краснодар	Нальчик	Всего
Президент РФ	45,1%	60,1%	64,5%	72,1%	60,5%
Парламент РФ	37,8%	44,7%	42,7%	57,4%	45,6%
Глава республики (региона)	40,2%	51,0%	51,8%	63,9%	51,7%
Парламент республики (региона)	36,6%	45,8%	48,2%	54,1%	46,2%
Муниципальные органы власти	32,9%	47,8%	51,8%	60,7%	48,3%
Судебная система	31,7%	43,9%	45,5%	57,4%	44,6%
Правоохранительные органы	30,5%	45,8%	48,2%	62,3%	46,7%
Армия	32,9%	57,3%	68,2%	70,5%	57,2%
Политические партии	19,5%	34,0%	33,6%	54,1%	35,3%
Профсоюзы	40,2%	49,8%	51,8%	59,0%	50,2%
НПО, общественные организации	36,6%	53,8%	63,6%	59,0%	53,2%
Религиозные учреждения	25,6%	41,1%	40,0%	63,9%	42,7%
СМИ	23,2%	36,0%	40,9%	44,3%	36,1%

При этом наименьшая электоральная активность отмечается также в Нальчике. В среднем только 1/3 опрошенных участвует в выборах различного уровня. Наибольшее участие по регионам отмечается в выборах национального (федерального) уровня (табл. 8).

Таблица 8. Распределение ответов на вопрос «Укажите, пожалуйста, участвуете ли Вы в выборах и насколько регулярно: (ОДИН ответ для КАЖДОЙ категории)»²

	Москва	СПб	Краснодар	Нальчик	Всего
Местный уровень	51,2%	45,8%	47,3%	36,1%	45,1%
Региональный уровень	51,2%	42,7%	44,5%	27,9%	41,6%
Федеральный уровень	62,2%	52,2%	55,5%	32,8%	50,7%

¹ Сумма ответов для вариантов «полностью доверяю» и «скорее доверяю»

² Сумма ответов для вариантов «всегда» и «как правило»

Во всех регионах отмечается незначительное участие опрошенных в дискуссиях с другими людьми, попытки убеждать голосовать за или против одной из сторон или кандидатов во время выборных кампаний. Сопоставимое число опрошенных участвуют в какой-либо форме в избирательных кампаниях (носят символы партии, или кандидатов, участвующих в выборах, делают пожертвования, участвуют в агитационной работе и др.).

Среди видов деятельности, которые могли бы выполнять, по мнению опрошенных, общественные организации (НПО, НКО) во время выборов выделяются: «мониторинг процесса голосования», «защита прав избирателей» и «содействие повышению избирательной грамотности» (табл. 9). Среди различных форм общественно-политической активности, в которых опрошенные принимали либо готовы принять участие отмечаются «петиция» и «мирная демонстрация» – в среднем около ½ всех респондентов, далее следуют «митинг», «бойкот» и «забастовки». Наименьшая готовность к участию в различных акциях протеста отмечается в Нальчике.

Таблица 9. Распределение ответов на вопрос «Какие из перечисленных видов деятельности могли бы выполнять, по Вашему мнению, общественные организации (НПО, НКО) во время выборов?»

	Москва	СПб	Краснодар	Нальчик	Всего
Содействие избирательной грамотности	42,7%	38,9%	48,6%	16,4%	36,6%
Защита прав избирателей	50,0%	40,5%	40,4%	27,9%	39,7%
Помощь в организации выборов	28,0%	24,2%	29,4%	9,8%	22,9%
Защита прав кандидатов	15,9%	14,3%	16,5%	8,2%	13,7%
Мониторинг процесса голосования	53,7%	45,2%	57,8%	11,5%	42,0%
Проведение экзит-поллов	19,5%	14,3%	16,5%	3,3%	13,4%
Не должны принимать участие вообще	4,9%	4,8%	2,8%	8,2%	5,1%
Затрудняюсь ответить	15,9%	27,4%	18,3%	59,0%	30,1%

Для выявления мнений респондентов о необходимости изменений политических институтов были предложены пары противоположных утверждений. Больше половины респондентов из Москвы, в отличие от других регионов, указали, что «политические институты устарели и не позволяют участвовать в политическом процессе всем желающим». При этом в большей степени с ними не согласны опрошенные из Нальчика, считающие что «политические институты несовершенны, но они работают достаточно эффективно и позволяют участвовать в политическом процессе всем желающим». Наиболее схожие представления опрошенных из всех регионов наблюдаются относительно доступности политических институтов. Абсолютное большинство считает, что «политические институты должны быть доступны для всех, кто желает участвовать в процессе управления государством». Вместе с тем в Нальчике почти ¼ респондентов указала, что «политические институты должны быть доступны только для представителей политической элиты, кто уже участвует в процессе управления государством (табл. 10).

Таблица 10. Распределение ответов на вопросы «Выберите, пожалуйста в каждой паре утверждений одно, с которым Вы могли бы согласиться в большей степени»

	Москва	СПб	Краснодар	Нальчик
Политические институты устарели и не позволяют участвовать в политическом процессе всем желающим	57,3%	47,6%	46,8%	36,1%
Политические институты несовершенны, но они работают достаточно эффективно и позволяют участвовать в политическом процессе всем желающим	42,7%	52,4%	53,2%	63,9%
Политические институты должны быть доступны для всех, кто желает участвовать в процессе управления государством	81,7%	85,3%	92,7%	77,0%
Политические институты должны быть доступны только для представителей политической элиты, кто уже участвует в процессе управления государством	18,3%	14,7%	7,3%	23,0%

3.5. Уровень жизни и социально-демографические данные

Последний раздел опросника был направлен на оценку социально-демографических характеристик респондентов, но также их представлений о том, что и как влияет на *уровень жизни и социальный статус* человека в современном мире.

Среди признаков, по которым респонденты могут с уверенностью судить о том, принадлежит ли тот или иной человек к одному с ними социальному классу на первое место вышел нематериальный критерий «уровень образования». Далее следуют «культурные ценности» и «жилье». Так для респондентов из Москвы нематериальные и материальные признаки равноценны среди критериев принадлежности к социальному классу (рис. 2).

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос «По каким из следующих критериев Вы можете с уверенностью судить о том, принадлежит ли тот или иной человек к ОДНОМУ с Вами социальному классу?»

Абсолютное большинство опрошенных во всех регионах согласно с тем, что «социальный статус и уважение к человеку в современном обществе должны определяться уровнем его образования и культуры, а не собственностью, которой он владеет». В среднем около 2/3 опрошенных согласно с тем, что «современный человек должен оценивать свои личные достижения не уровнем доходов и собственности, а тем, как он использует заработанное для своего интеллектуального и культурного развития». Около половины респондентов считает, что «в интересах всего общества и каждого гражданина, чтобы человек больше участвовал в общем деле, делился и помогал другим, а не занимался приобретением и накоплением в своих интересах». В наименьшей степени респонденты согласны с утверждением, что «для того, чтобы иметь высокий уровень (качество) жизни человеку необязательно что-то иметь в собственности (жилье, транспорт, товары длительного пользования), а достаточно иметь возможность пользоваться этим по мере необходимости» (табл. 11).

Таблица 11. Распределение ответов на вопрос «В какой степени Вы могли бы согласиться с каждым из следующих утверждений?»¹

	Москва	СПб	Краснодар	Нальчик
Для того, чтобы иметь высокий уровень (качество) жизни человеку необязательно что-то иметь в собственности (жилье, транспорт, товары длительного пользования), а достаточно иметь возможность пользоваться этим по мере необходимости	62,2%	60,3%	53,2%	70,5%
Современный человек должен оценивать свои личные достижения не уровнем доходов и собственности, а тем, как он использует заработанное для своего интеллектуального и культурного развития	75,6%	77,8%	80,7%	75,4%
Социальный статус и уважение к человеку в современном обществе должны определяться уровнем его образования и культуры, а не собственностью, которой он владеет	75,6%	83,3%	89,9%	82,0%
В интересах всего общества и каждого гражданина, чтобы человек больше участвовал в общем деле, делился и помогал другим, а не занимался приобретением и накоплением в своих интересах	63,4%	71,4%	74,3%	77,0%

Около ¼ опрошенных в каждом регионе выразили самую низкую степень готовности отказаться от приобретения чего-либо в собственность в пользу аренды. Однако в региональном разрезе почти такое же число респондентов из Москвы занимают промежуточное положение в оценке своей готовности отказаться от владения в пользу временного пользования.

¹ Сумма ответов для вариантов «совершенно согласен» и «скорее согласен»

Выводы

Результаты опроса показали, что пользование шеринг-платформами широко распространено преимущественно в крупных городах и в значительно меньшей степени – на уровне городов регионального значения. Наибольшей популярностью пользуются транспортные виды услуг, сервисы объявлений, а также аренды жилья. Основными причинами обращения к подобным сервисам являются доступные цены, скорость получения услуг, широкий выбор предложений, а также удобство оплаты. В соотношении факторов, определяющих предпочтения опрошенных в выборе поставщиков товаров и услуг приоритет на стороне факторов цифрового доверия.

Общий уровень социального доверия в регионах исследования не высок, при этом около четверти опрошенных в Нальчике проявили самую низкую степень доверия к незнакомцам. Большинство респондентов в крупных городах склонно доверять незнакомым пользователям с высоким публичным рейтингом больше, чем простым незнакомцам. Большинство опрошенных также считают, что подобные сервисы позволяют заводить новые знакомства или дружеские связи. При выборе товаров или услуг половина респондентов ориентируется в большей степени на отзывы других пользователей, чем на мнение знакомых людей, а сами публичные рейтинги влияют, по их мнению, и на репутацию пользователей в обычной жизни.

Во всех регионах в целом отмечается низкая вовлеченность в формализованную гражданскую активность. Однако, коллективные формы неофициального гражданского сотрудничества распространены во всех регионах и сравнительно в меньшей степени в Нальчике. В представлениях респондентов из Нальчика сферы участия граждан в общественной жизни более ограничены, в частности в том, что касается выборов и контроля над деятельностью органов власти. При этом, жители Нальчика демонстрируют готовность к кооперации в том, что касается решения вопросов благоустройства общей территории и других проблем совместного проживания.

По мнению большей части респондентов, эффективнее всего решать общественные проблемы могут государственные органы, а уже затем институты гражданского общества, частные и неформальные коллективные инициативы. Обращение за помощью к общественным организациям пользуется наименьшей популярностью в Нальчике. Большинство опрошенных оценивают деятельность некоммерческих общественных организаций как «форму помощи государству и проявление личного стремления изменить жизнь к лучшему». Вместе с тем респонденты из Москвы в большей степени рассматривают ее как альтернативу неэффективным государственным учреждениям.

В Нальчике, в отличие от других регионов, отмечается большее доверие к федеральным органам власти и государственным органам в целом, а также отмечается относительно высокое доверие к политическим партиям, НПО, религиозным учреждениям и СМИ. Критично к указанным категориям настроены респонденты из Москвы, которые также демонстрируют наиболее

активное участие в выборах. При этом, в Нальчике отмечается наименьшая электоральная активность, как и меньшая готовность к участию в различных акциях протеста. В отличие от других регионов, большая часть респондентов из Москвы считает, что политические институты устарели и не доступны для широкого участия граждан. С этой позицией преимущественно не согласны опрошенные из Нальчика, четверть из которых убеждена в том, что политические институты должны быть доступны только для представителей политической элиты.

Основными критериями, определяющими принадлежность к социальному классу, опрошенные во всех регионах считают критерии нематериального порядка – уровень образования и общность культурных ценностей. При этом только для респондентов из Москвы нематериальные и материальные критерии сопоставимы по значимости. Большинство опрошенных согласно с тем, что современный человек должен оценивать свои личные достижения не доходами, а уровнем интеллектуального и культурного развития. При этом качество и уровень жизни, по их мнению, определяется владением, а не возможностью временного пользования товарами и услугами. Наибольшую готовность отказаться от приобретения в пользу временного пользования выразили респонденты из Москвы и наименьшую – жители Нальчика.

Заключение

Таким образом, наше предположение о том, что шеринг-экономика обуславливает изменения в традиционной системе общественных отношений и ценностей, создает предпосылки для трансформации гражданских и политических институтов, получило частичное подтверждение. Наблюдается определённая связь между высоким уровнем участия в пользовании сервисами экономики совместного потребления и: 1) ростом значения информационно-цифровых источников доверия в общей структуре факторов, 2) большей готовностью к неформальному сотрудничеству и кооперации, 3) высокой электоральной активностью, а также более критическом отношении к органам государственной власти и современным политическим институтам.

Вместе с тем, несмотря на наблюдаемую корреляционную связь, утверждать об устойчивом причинно-следственном характере этих отношений пока рано. Необходимы дальнейшие длительные наблюдения за эффектами шеринг-экономических отношений наряду с другими социальными факторами, потенциально важными для стимулирования политического участия и имеющих потенциал трансформации политических институтов. Кроме того, необходимо расширение круга регионов исследования, а также внесение изменений в принципы определения выборочной совокупности. Особенности примененной выборки, в частности ее целевой характер, а также способ подбора респондентов на основе таргетированной рекламы, предполагают вероятность определенных искажений. Для дальнейших исследований, предлагается дополнительная сегментация выборочной совокупности на тех, кто пользуется и не пользуется услугами шеринг-платформ в каждом из

регионов. Кроме то, предлагается учесть особенности тех или иных шеринг-платформ, которые могут влиять на такие факторы как доверие, возникновение тесных социальных связей и повторяющаяся кооперация.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бурдые 1994 – *Бурдые П.* Социальное пространство и символическая власть // П. Бурдые. Начала. Choses dites / Пер. с франц. Н.А. Шматко. – М.: SocioLogos, 1994. – 288 с.

Бурдые 2004 – *Бурдые П.* Различение: социальная критика суждения (фрагменты книги) / Пер. с фр. О.И. Кирчик // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. – М.: РОССПЭН, 2004. – 680 с.

Бурдые 2005 – *Бурдые П.* Формы капитала / Пер. с англ. М.С. Добряковой // Экономическая социология. – 2005. – Том 6(3). – С. 60-74.

Веселов 2011 – *Веселов Ю.В.* Доверие и справедливость: моральные основания современного экономического общества. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 231 с.

Гарфинкель 2009 – *Гарфинкель Г.* Концепция и экспериментальные исследования «доверия» как условия стабильных согласованных действий / Пер. с англ. А. М. Корбута // Социологическое обозрение. – 2009. – Т. 8 (1). – С. 3-25.

Иванов 2010 – *Иванов М.М.* Символический капитал работника как средство его карьерного продвижения // Преподаватель XXI век. – 2010. – № 2. – С. 371-375.

Коулман 2001 – *Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 121-139.

Кривоусков 2013 – *Кривоусков В.В.* Концептуализация доверия как социологического феномена // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2013. – № 1(113). – С. 112-117.

Луман 2000 – *Луман Н.* Формы помощи в процессе изменения общественных условий // Социологический журнал. – 2000. – №1-2. – С. 17-36.

Парсонс 1998 – *Парсонс Т.* Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седов и А.Д. Ковалев. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 269 с.

Радаев 2002 – *Радаев В.В.* Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. – 2002. – Том 3(4). – С. 20-32.

Фукуяма 2008 – *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. – М.: АСТ, 2008. – 730 с.

Штомпка 2012 – *Штомпка П.* Доверие – основа общества. – М.: Логос, 2012. – 445 с.

Albinsson, Perera 2012 – *Albinsson Pia. A., Perera B. Yasanthi.* Alternative Market Places in the 21st Century: Building Community through Sharing Events // Journal of Consumer Behavior. – 2012. – Vol. 11. – P. 303-315. DOI: <https://doi.org/10.1002/cb.1389>

Axelrod 2006 – *Axelrod Robert.* The Evolution of Cooperation. – New York: Basic Books Publisher, 2006. – 264 p.

Bardhi, Eckhardt 2012 – *Bardhi Fleura, Eckhardt Giana M.* Access-Based Consumption: The Case of Car Sharing // Journal of Consumer Research. – 2012. – Vol. 39(4). – P. 881-898. DOI: <https://doi.org/10.1086/666376>

Botsman, Rogers 2010 – *Botsman Rachel, Rogers Roo.* Beyond Zipcar: Collaborative Consumption. October 2010 // Harvard Business Review: website. URL: <https://hbr.org/2010/10/beyond-zipcar-collaborative-consumption> (access date: 21.10.2019)

Cheng, Foley 2018 – *Cheng Mingming, Foley Carmel.* The sharing economy and digital discrimination: The case of Airbnb // International Journal of Hospitality Management. – 2018. – Vol. 70. – P. 95-98. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijhm.2017.11.002>

Emilie et al. 2014 – *Emilie Dubois A., Schor Juliet B., Carfagna Lindsey B.* New Cultures of Connection in a Boston Time Bank // Practicing Plenitude. Ed. by Juliet B. Schor and Craig J. Thompson. – New Haven: Yale University Press, 2014. – P. 95-123.

- Handbook... 2017 – *Handbook on Research on Sustainable Consumption*. Ed. by Lucia Reisch and John Thøgersen. – Cheltenham, UK: Edward Elgar Publisher, 2017. – 480 p.
- Katz 2015 – *Katz Vanessa*. Regulating the Sharing Economy // *Berkeley Technology Law Journal*. – 2015. – Vol. 30(4). – P. 1067-1126. DOI: <https://doi.org/10.15779/Z38HG45>
- Lansley 2016 – *Lansley Stewart*. A Sharing Economy: How Social Wealth Funds Can Reduce Inequality and Help Balance the Books. – Bristol: Bristol University Press, 2016. – 150 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctt1t89gzz>
- Lauterbach et al. 2009 – *Lauterbach Debra, Truong Hung, Shah Tanuj, Adamic Lada*. Surfing a Web of Trust: Reputation and Reciprocity on CouchSurfing.com // *International Conference on Computational Science and Engineering*. Vancouver, BC, Canada. – 29-31 Aug. – 2009. – P. 346-353. DOI: <https://doi.org/10.1109/CSE.2009.345>
- Ozanne, Ballantine 2010 – *Ozanne Lucie K., Ballantine Paul W*. Sharing as a Form of Anti-consumption? An Examination of Toy Library Users // *Journal of Consumer Behaviour*. – 2010. – Vol. 9(6). – P. 485-498. DOI: <https://doi.org/10.1002/cb.334>
- Rie, Takahashi 2008 – *Rie Mashima, Takahashi Nobuyuki*. The Emergence of Generalized Exchange by Indirect Reciprocity // *New Issues and Paradigms in Research on Social Dilemmas*. Ed. by A. Biel, D. Eek, T. Gärling, M. Gustafsson. – Boston: Springer, 2008. – P. 159-176. DOI https://doi.org/10.1007/978-0-387-72596-3_10
- Schor 2010 – *Schor Juliet*. Plenitude: The New Economics of True Wealth. – London: Penguin Press, – 2010. – 258 p.
- Schor 2014 – *Schor Juliet*. Debating the Sharing Economy. October 2014 // *Great Transition Initiative: website*. URL: <https://www.greattransition.org/publication/debating-the-sharing-economy> (access date: 21.10.2019)
- Setiffi 2011 – *Setiffi Francesca*. Reflections on the cultures of the new and the second hand in Italy // *Italian Sociological Review*. – 2011. – Vol. 1(3). – P. 12-20. DOI: <https://doi.org/10.13136/isr.v1i3.20>
- Sharing... 2018 – *Sharing Economies in Times of Crisis*. Edited by Anthony Ince, Sarah Marie Hall. – London: Routledge, 2018. – 208 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315660646>
- Slee 2016 – *Slee Tom*. What's Yours is Mine: Against the Sharing Economy. – New York: OR Books, 2016. – 212 p.
- Wang, Nakao 2010 – *Wang Yufeng, Nakao Akihiro*. On cooperative and efficient overlay network evolution based on a group selection pattern // *IEEE Transactions on Systems, Man, and Cybernetics, Part B (Cybernetics)*. – 2010. – Vol. 40(3). – P. 656-667. DOI: <https://doi.org/10.1109/TSMCB.2010.2042123>

REFERENCES

- ALBINSSON PIA. A., PERERA B. YASANTHI. Alternative Market Places in the 21st Century: Building Community through Sharing Events. IN: *Journal of Consumer Behavior*. – 2012. – Vol. 11. – P. 303-315. DOI: <https://doi.org/10.1002/cb.1389> (In English)
- AXELROD ROBERT. *The Evolution of Cooperation*. – New York: Basic Books Publisher, 2006. – 264 p. (In English)
- BARDHI FLEURA, ECKHARDT GIANA M. Access-Based Consumption: The Case of Car Sharing. IN: *Journal of Consumer Research*. – 2012. – Vol. 39(4). – P. 881-898. DOI: <https://doi.org/10.1086/666376> (In English)
- BOTSMAN RACHEL, ROGERS ROO. Beyond Zipcar: Collaborative Consumption. October 2010. IN: *Harvard Business Review: website*. URL: <https://hbr.org/2010/10/beyond-zipcar-collaborative-consumption> (access date: 21.10.2019) (In English)
- BOURDIEU P. *Formy kapitala / Per. s angl. M.S. Dobryakovoi* [The forms of capital. Translated from eng. by M.S. Dobryakova]. IN: *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. – 2005. – Vol. 6(3). – P. 60-74. (In Russian)
- BOURDIEU P. *Razlichenie: sotsial'naya kritika suzhdeniya (fragmenty knigi) / Per. s fr. O.I. Kirchik* [Distinction. A Social Critique of the Judgement of Taste (fragments of a book).

Translated from French by O.I. Kirchik]. IN: *Zapadnaya ekonomicheskaya sotsiologiya: khrestomatiya sovremennoi klassiki* [Western Economic Sociology: a reader of modern classics]. – M.: ROSSPEN, 2004. – 680 p. (In Russian)

BOURDIEU P. *Sotsial'noe prostranstvo i simvolicheskaya vlast'* [Social space and the symbolic power]. IN: P. Burd'e. *Nachala. Choses dites / Per. s frants. N.A. Shmatko* [Choses dites. Translated from French by N.A. Shmatko]. – M.: SocioLogos, 1994. – 288 p. (In Russian)

CHENG MINGMING, FOLEY CARMEL. The sharing economy and digital discrimination: The case of Airbnb. IN: *International Journal of Hospitality Management*. – 2018. – Vol. 70. – P. 95-98. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijhm.2017.11.002> (In English)

COLEMAN J. *Kapital sotsial'nyi i chelovecheskii* [Social Capital in the Creation of Human Capital]. IN: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. – 2001. – No 3. – P. 121-139. (In Russian)

EMILIE DUBOIS A., SCHOR JULIET B., CARFAGNA LINDSEY B. New Cultures of Connection in a Boston Time Bank. IN: *Practicing Plenitude*. Ed. by Juliet B. Schor and Craig J. Thompson. – New Haven: Yale University Press, 2014. – P. 95-123. (In English)

FUKUYAMA F. *Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu* [Trust: The Social Virtue and the Creation of Prosperity]. – M.: AST, 2008. – 730 p. (In Russian)

GARFINKEL H. *Kontsepsiya i eksperimental'nye issledovaniya «doveriya» kak usloviya stabil'nykh soglasovannykh deistvii / Per. s angl. A.M. Korbuta* [A conception of and experiments with «trust» as a condition of concerted stable actions. Translated from eng. by A.M. Korbut]. IN: *Sotsiologicheskoe obozrenie*. – 2009. – Vol. 8 (1). – P. 3-25. (In Russian)

Handbook on Research on Sustainable Consumption. Ed. by Lucia Reisch and John Thøgersen. – Cheltenham, UK: Edward Elgar Publisher, 2017. – 480 p. (In English)

IVANOV M.M. *Simvolicheskii kapital rabotnika kak sredstvo ego kar'ernogo prodvizheniya* [The symbolic capital of an employee as a means of his career advancement]. IN: *Prepodavatel' XXI vek*. – 2010. – No 2. – P. 371-375. (In Russian)

KATZ VANESSA. Regulating the Sharing Economy. IN: *Berkeley Technology Law Journal*. – 2015. – Vol. 30(4). – P. 1067-1126. DOI: <https://doi.org/10.15779/Z38HG45> (In English)

KRIVOPUSKOV V.V. *Kontseptualizatsiya doveriya kak sotsiologicheskogo fenomena* [The conceptualization of trust as a sociological phenomenon]. IN: *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*. – 2013. – No 1(113). – P. 112-117. (In Russian)

LANSLEY STEWART. *A Sharing Economy: How Social Wealth Funds Can Reduce Inequality and Help Balance the Books*. – Bristol: Bristol University Press, 2016. – 150 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctt1t89gzz> (In English)

LAUTERBACH DEBRA, TRUONG HUNG, SHAH TANUJ, ADAMIC LADA. Surfing a Web of Trust: Reputation and Reciprocity on CouchSurfing.com. IN: *International Conference on Computational Science and Engineering*. Vancouver, BC, Canada. – 29-31 Aug. – 2009. – P. 346-353. DOI: <https://doi.org/10.1109/CSE.2009.345> (In English)

LUHMANN N. *Formy pomoshchi v protsesse izmeneniya obshchestvennykh uslovii* [The forms of assistance in the process of changing social conditions]. IN: *Sotsiologicheskii zhurnal*. – 2000. – No 1-2. – P. 17-36. (In Russian)

OZANNE LUCIE K., BALLANTINE PAUL W. Sharing as a Form of Anti-consumption? An Examination of Toy Library Users. IN: *Journal of Consumer Behaviour*. – 2010. – Vol. 9(6). – P. 485-498. DOI: <https://doi.org/10.1002/cb.334> (In English)

PARSONS T. *Sistema sovremennykh obshchestv / Per. s angl. L.A. Sedov i A.D. Kovalev* [The system of modern societies. Translated from eng. by L.A. Sedov and A.D. Kovalev]. – M.: Aspekt Press, 1998. – 269 p. (In Russian)

RADAYEV V.V. *Ponyatie kapitala, formy kapitalov i ikh konvertatsiya* [The concept of capital, the form of capital and their conversion]. IN: *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. – 2002. – Vol. 3(4). – P. 20-32. (In Russian)

RIE MASHIMA, TAKAHASHI NOBUYUKI. The Emergence of Generalized Exchange by Indirect Reciprocity. IN: *New Issues and Paradigms in Research on Social Dilemmas*. Ed. by A. Biel, D. Eek, T. Gärling, M. Gustafsson. – Boston: Springer, 2008. – P. 159-176. DOI: https://doi.org/10.1007/978-0-387-72596-3_10 (In English)

SCHOR JULIET. Debating the Sharing Economy. October 2014. IN: *Great Transition Initiative: website*. URL: <https://www.greattransition.org/publication/debating-the-sharing-economy> (access date: 21.10.2019) (In English)

SCHOR JULIET. *Plenitude: The New Economics of True Wealth*. – London: Penguin Press, – 2010. – 258 p. (In English)

SETIFFI FRANCESCA. Reflections on the cultures of the new and the second hand in Italy. IN: *Italian Sociological Review*. – 2011. – Vol. 1(3). – P. 12-20. DOI: <https://doi.org/10.13136/isr.v1i3.20> (In English)

Sharing Economies in Times of Crisis. Edited by Anthony Ince, Sarah Marie Hall. – London: Routledge, 2018. – 208 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315660646> (In English)

SLEE TOM. *What's Yours is Mine: Against the Sharing Economy*. – New York: OR Books, 2016. – 212 p. (In English)

SZTOMPKA P. *Doverie – osnova obshchestva* [Trust is the foundation of society]. – M.: Logos, 2012. – 445 p. (In Russian)

VESELOV Yu.V. *Doverie i spravedlivost': moral'nye osnovaniya sovremennogo ekonomicheskogo obshchestva* [Trust and justice: moral foundations of a modern economic society]. – M.: Aspekt Press, 2011. – 231 p. (In Russian)

WANG YUFENG, NAKAO AKIHIRO. On cooperative and efficient overlay network evolution based on a group selection pattern. IN: *IEEE Transactions on Systems, Man, and Cybernetics, Part B (Cybernetics)*. – 2010. – Vol. 40(3). – P. 656-667. DOI: <https://doi.org/10.1109/TSMCB.2010.2042123> (In English)

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КAVKAZA

УДК 398

DOI 10.31143/2542-212X-2019-4-153-165

СВАТОВСТВО И ЖЕНИТЬБА У АДЫГОВ В ЗЕРКАЛЕ ФОЛЬКЛОРА**Л.А. ГУТОВА**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: adam.gut@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу этнографических сведений о сватовстве и женитьбе в традициях адыгов и их отражении в таких жанрах фольклора как архаический нартский эпос, сказка и историко-героический эпос. Цель работы определяется задачей установить значение и основные поэтические особенности вербального компонента в ритуалах, связанных с таким важным этапом жизненного цикла как сватовство и женитьба. Как общая закономерность устанавливается, что основные особенности реально существующих или существовавших обычаев нашли в фольклоре художественное отражение. Поскольку фольклор – это, прежде всего искусство, между традициями в реальной жизни и представлениями в контексте художественных произведений могут быть и прямые параллели, и расхождения, иногда настолько явные, что фольклорные описания не могут соответствовать действительности. В разных жанрах они проявляются в соответствии со сложившейся в данной области системой художественных условностей и воспринимаются как вымысел. Так, для архаического эпоса в одних случаях характерно, чтобы женитьба оставалась второй сюжетной линией на фоне основного подвига, в других же – она приближается по функции к культурному подвигу и благодаря этому выходит на первый план повествования. Сказка представляет большее разнообразие функций – от вторичности мотива сватовства и женитьбы до мотива добывания невесты как авантюрного приключения. Ближе всего к реальности стоит данный мотив в контексте историко-героических песен и преданий.

Ключевые слова: архаический эпос; сказка; система условностей; корреляция; сватовство; женитьба.

MATCHMAKING AND MARRIAGE OF THE CIRCASSIANS IN THE MIRROR OF FOLKLORE**L.A. GUTOVA**

The Institute for the Humanities Research – Affiliated of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»

360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18

E-mail: adam.gut@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the comparative analyses of ethnographic information about matchmaking and marriage in the traditions of Adyghs and their reflection in such genres of folklore as an archaic Nart epic, fairy tale and historical-heroic epic. The purpose of the work is determined by the task to establish the meaning and main poetic features of the verbal component in rituals associated with such an important stage of the life cycle as matchmaking and marriage.

As a general regularity, it is established that the main features of really existing or existing customs found in folklore artistic reflection. Since folklore is primarily an art, there can be direct parallels and divergences between traditions in real life and representations in the context of works of art, sometimes so obvious, that folklore descriptions cannot correspond to reality. In different genres, they appear in accordance with the established system of artistic conventions in this area and are perceived as fiction. So for archaic epic in some cases it is characteristic that the marriage remained the second storyline on the background of the main feat, in others – it is closer in function to the cultural feat and thus comes to the fore of the narrative. The tale presents a greater variety of functions – from the secondary motive of matchmaking and marriage to the motive of procuring the bride as an adventurous crime. The closest thing to reality is the motif in the context of historical ad heroic songs and legends.

Keywords: archaic epic; fairy tale; system of conventions; correlative; matchmaking; marriage.

Женитьба как один из важных этапов жизненного цикла человека неоднократно привлекал внимание адыгских специалистов в области традиционной народной культуры. В данном плане интересны исследования С.Х. Мафедзева [Мафедзев 1979], М.А. Джандар [Джандар 1991: 15-19], Б.Х. Бгажнокова [Бгажноков 2011: 307-341] и др. Признавая всю глубину научных трудов названных авторов, надо заметить, что все они, за редким исключением, посвящены историко-этнографическому изучению явлений. Если в них и привлекаются тексты фольклорных произведений, то не иначе, как в качестве иллюстративного материала к этнологическим наблюдениям и выводам. Анализ вербального материала и вообще рассмотрение текста с точки зрения его художественных достоинств специально никем не проводились. Между тем роль песен, стихотворных тирад, народных афористических выражений и устойчивых словесных формул, приуроченных к комплексному обрядовому действию сватовства и женитьбы, отнюдь не ограничивается только служебными функциями. Своим поэтическим языком с яркими образными выражениями, четкой ритмической организацией и эстетически организованной фоникой словесная часть свадьбы как единого комплексного явления несет мощный эстетический потенциал, превращающий ритуализованное действие с первоначальной магической функцией, в театральное представление с мощными элементами секулярного искусства. В этом плане фольклор свадебного цикла имеет свою самостоятельную художественную значимость. То же самое можно сказать и о фольклорных произведениях, в основе которых лежат мотивы сватовства и женитьбы.

Такие важные этапы жизни человека как женитьба и весь цикл явлений, связанных с ней – от первоначального намерения до завершения свадебных церемоний – в фольклоре разных народов бывают широко представлены во

многих жанрах фольклора, в том числе и в архаическом эпосе, и в сказках, и в преданиях, и в песнях. То же мы наблюдаем и в традиционной культуре адыгов, в частности в нартских сказаниях, событийную основу которых в большей части составляют мифологические нарративы, и в сказке с ее гораздо более раскованной фантазией, и в историко-героических циклах, более тесно связанных с исторической действительностью. Конечно же, в каждом из конкретных случаев описание сватовства и самого заключения брака подчинено закономерностям того фольклорного жанра, в котором оно представлено. Но основные моменты, такие как, например, повод отправления героя на поиски невесты, препятствия, которые должен преодолеть герой, сам момент женитьбы, некоторые эпизоды свадебного торжества, степень активности невесты и жениха или каждой из сторон вписываются тесно в общую традицию. Задача настоящей работы – с опорой на ключевые принципы историко-сравнительного метода систематизировать самые распространенные формы заключения брака на основании достоверных сведений и отметить характер их художественного отражения в некоторых жанрах адыгского фольклора. В связи с тем, что материал не просто представлен в разных жанрах фольклора, но и значителен по объему и многообразен по характеру отражения явлений, в настоящей работе мы рассматриваем наиболее общие закономерности их бытования и отражения только в героико-эпических сказаниях и сказках.

Основываясь на обширных достоверных этнографических материалах, исследователи справедливо отмечают, что наиболее распространенная и принятая за основу форма женитьбы – это *официальное сватовство*. Оно предполагает следующую цепь основных и канонизированных традицией действий: предварительные условия, побуждающие к сватовству (напр., знакомство и внешние проявления взаимных симпатий между молодыми людьми, уговор между ними, и согласие родственников с обеих сторон; одной из альтернатив может быть установление контактов и договоренности между родственниками при пассивном участии самих молодых людей), отправление на переговоры в дом невесты сватов от имени самого жениха или же его фамилии, в результате – установление условий и сроков заключения брака, увоза невесты из ее родительского дома, проведение полного цикла торжественных ритуалов, непосредственно связанных со свадьбой.

Идеальным вариантом надо признать случай, когда молодые люди сами, договорившись между собой, поручали кому-либо из друзей оповестить об их намерениях родителей или же старших рода; сами они этого не делали из этических соображений. В таком случае семья девушки должна была быть в курсе того, что их дочь собираются сватать, но до определенного времени на людях не было принято раскрывать намерения сторон. Также и семья будущего жениха узнавала об ожидаемом событии (даже если не она сама была инициатором предстоящего сватовства) и соответственно готовилась к нему. Но при этом также было не принято до определенной поры заявлять о замыслах заранее и, тем более, не объявлялось имя избранницы. В случае обоюдного согласия сторон, включая самих виновников события, весь цикл предсвадебных

и свадебных церемоний проводился полностью – от «дипломатических» переговоров между сторонами до последних по негласному регламенту мероприятий.

Альтернативой открытому сватовству со всеми церемониальными условностями служит *умыкание невесты*: юноша, предварительно никого не предупредив, или же поставив в известность лишь узкий круг людей, умыкает девушку и только вслед за этим гласно оповещаются как его, так и ее родственники. Это исключает целый ряд звеньев свадебного цикла, например, такие компоненты как затяжные переговоры сватов и торжественный вывоз невесты из родного дома. Правда, при этом есть риск негативной реакции с обеих сторон, т. е. родственников как юноши, так и девушки. Однако в большинстве случаев это делается с негласного одобрения старейшин, и в таких случаях умыкание приближается к театрализованной импровизации.

Такой поступок может совершаться как по обоюдному сговору самих молодых людей, так и по инициативе только жениха или жениха вместе с компанией единомышленников. Иногда это происходило даже без учета воли не только родителей и других родственников с обеих сторон, но также и самой умыкаемой. Иногда девушка узнавала своего похитителя уже после самого похищения. Причины, по которым прибегали к данному способу, бывают разными. В одном случае это стремление влюбленных соединить свои судьбы вопреки воле родственников, не приветствующих их союза по каким-либо причинам. В другом случае – желание форсировать все длительные церемонии, связанные с обременительной традиционной формой сватовства и брака. В третьем (что также бывало) – элементарное желание избежать обширных материальных затрат, которые неизбежны и бывают обременительными при соблюдении всех принятых условностей. Не последней из причин было также стремление юноши поступить, как подобает настоящему рыцарю-наезднику: не сосватать себе невесту «мирным путем», а похитить ее и принести в свой дом на лихом скакуне как дорогую добычу. Все названные и разного рода иные обстоятельства привносят разнообразие в последующие действия.

В традиционном обществе брак между молодыми людьми непременно имел следствием установление родственных отношений между двумя и даже более родовыми кланами. Данное обстоятельство побуждало к признанию особой важности выбора не только для жениха и невесты, но и для всей родни, и старейшины порою весьма щепетильно относились к этому. Неудивительно, что нередким явлением было несогласие родителей и близких родственников на брак и, следовательно, на союз между кланами.

Это тоже может иметь разные причины. Во-первых, по сугубо этикетным соображениям, не всегда было принято давать согласие при первом же посещении сватами дома невесты. По негласному уговору, даже при благосклонном отношении к затее, сторона невесты стремилась затянуть переговоры, не дать сразу однозначного ответа. В таких случаях сваты терпеливо приходили и повторно. Но иногда воля жениха или же обоих влюбленных шла откровенно вразрез с волей их родственников – одной из сторон или же обеих. Такова, например, отраженная в мировой художественной

культуре мотивированная взаимная неприязнь между кланом жениха и кланом невесты (условно это можно называть синдромом Монтекки и Капулетти). Также важным фактором было, например, сословное несоответствие фамилий жениха и невесты. Весьма частое в сказках разных народов, в их числе и адыгов, упоминание о том, как герой из низшего сословия женится на дочери короля (на царевне, княжне, дочери хана) есть не что иное, как художественный вымысел, поскольку в действительности межсословные союзы не одобрялись и довольно строго регулировались, хотя, например, между дворянами-уорками разных степеней жесткой разделительной грани не было.

Согласно исследованиям ряда ученых, таких как М.В. Покровский [Покровский 1958: 122], В.К. Гарданов [Гарданов 1967], Б.М. Джимов [Джимов 1986] адыгское общество имело достаточно сложную структуру, в соответствии с которой и аристократические сословия и простой народ подразделялись на достаточно строго дифференцированные категории. Идеальным вариантом считался брак между во всем равными партнерами – молодой князь искал себе невесту из княжеского рода, дворяне более низкого ранга старались родниться с теми, кто на иерархической лестнице стоит на одной ступени с ними, а иногда допускалось искать партию чуть выше или немногим ниже, вольный крестьянин женился на девушке из семьи таких же свободных крестьян.

Как пишет Султан Хан-Гирей, «брак учреждаться должен по обычаям, по равенству родов; князья берут из княжеских родов и, равномерно отдают дочерей лишь за княжеских сыновей» [Хан-Гирей 1978: 291]. Однако чуть ли не все княжеские фамилии черкесов или давно перероднились между собой, или же и вовсе имели общее происхождение. А согласно обычаю, идущему, кстати, вразрез с неписаными или законодательно закрепленными нормами у многих мусульманских народов, иудеев и некоторых ветвей христианства, у адыгов кровосмешение, а иначе – браки между родственниками по крови, решительно осуждались. В данных условиях высшая знать, т. е. представители княжеского сословия, поневоле была вынуждена искать брачных союзов за пределами своего этноязыкового круга. Это явилось одной из важных причин, по которой адыгские княжеские фамилии были связаны родственными узами через брачные отношения с крымскими, калмыцкими и ногайскими ханскими династиями, с домом кумыкских шамхалов, грузинскими княжескими фамилиями, но никак не ниже. Уместно вспомнить здесь и о хорошо известных связях с русской царствующей династией (Иван Грозный и Мария Темрюковна), с персидским шахом, турецким султаном.

За исключением княжеского сословия, в среде дворянства был даже популярен принцип, закрепленный в поговорке: «*eIэбыхи къашэ, дэIэбеи ет*» *Беря* <невесту>, *бери* внизу, *отдавая*, <замуж>, *выбери* *вверху*». прагматическая суть этого выражения в том, что невестка из более знатного рода захотела бы, пользуясь высоким происхождением, диктовать свою волю, поставила бы себя в доме выше других домочадцев и находила бы в этом поддержку со стороны собственной родни. Если же она из рода во всем равного или даже немного более низкого по сравнению с родом мужа, у нее уже нет

опоры для навязывания в новой для нее семье привычных ей принципов, и поэтому она может стать более послушной и покладистой.

Характерным поводом взаимного неприятия для кавказского менталитета и феодальной эпохи в целом могли стать личные неприязненные отношения между родителями / родственниками жениха и невесты или же между старейшинами родов, а также такие важные с точки зрения престижа виды у родителей или всей родни на вероятное появление для своего отпрыска более выгодной партии.

Последнее обстоятельство не нашло широкого отражения ни в архаическом эпосе, ни в сказке, ни в народной афористике. Однако оно все же послужило мотивом для возникновения одного из самых популярных циклов младшего эпоса – песни и предания о Хасанше из рода Шогемоко. Как гласит предание, юноша Хасанш Шогемоко был горячо влюблен в девушку по имени Дадуса, пользовался взаимностью и рассчитывал жениться на ней. Но, не считаясь с чувствами молодых людей, родные девушки считают эту партию для себя не выгодной и выдают возлюбленную героя за знатного чужеземца, сына ногайского хана. Юноша, не желающий мириться с такой утратой, устраивает в одиночку засаду на пути свадебного поезда, увозящего его возлюбленную. Вначале он успешно отбивает невесту у целой компании, но, не сумев все же уйти от погони превосходящих сил, в схватке и сам погибает. Девушка, тронутая столь самоотверженным поступком, продиктованным любовью к ней, предпочитает умереть рядом с юношей. Однако, не выдавая сразу своего намерения, она сначала предлагает поезжанам похоронить погибшего по всем правилам, сама же вызывается опуститься в могильную яму, чтобы уложить его тело в полном соответствии с обычаем, но, оказавшись в яме, закалывается, предпочтя быть похороненной рядом со своим возлюбленным. Пораженные увиденным, участники свадебной церемонии хоронят обоих в одной могиле; со временем над нею вырастают два деревца с переплетенными стволами (в мировом фольклоре и литературе – т. н. мотив Тристана и Изольды) [Народные... 1986: 126-133, 134-137, 138-141].

Аналогичное в общих чертах обстоятельство, взаимная неприязнь родных с обеих сторон является событийной основой еще одной лиро-эпической песни-баллады, «Адиюх» [Къэбэрдей... 1948: 62-63; Адыгэ... 1979: 67-68]. Она распространена по всей исторической Черкесии и представляет собой явление, переходное от подлинно героико-исторического эпоса к лирическому жанру. Предание, сопровождающее ее в развернутом повествовании до нас не дошло, и это, видимо, потому, что информативная часть песни самодостаточна и может быть понятна без специальных комментариев. Те иногда обрывочные сведения, просматривающиеся в песенном контексте позволяют воссоздать целостную картину всего происшедшего по мнению исполнителей. Песня не приурочена к реальному событию, как чаще всего бывает в циклах младшего эпоса. Она сложена от имени безымянного юноши, оплакивающего гибель возлюбленной Адиюх, которая стала жертвой неудачного похищения-побега. Влюбленные, испытывавшие горячие чувства друг к другу с малых лет, видимо, не надеются получить согласие родителей и родственников на их брак. Поэтому они

решаются на умыкание или ее побег из родительского дома, договариваются о сроке и поначалу их замысел будто бы удастся: юноша подъезжает к окну возлюбленной, она садится на холку его коня, и счастливый жених уносит ее на резвом скакуне. Однако, вынужденные скрываться, они скачут лесом, где неожиданно вылетевший из-под ног фазан пугает коня, тот мечется в сторону, девушка неудачно падает наземь и разбивается насмерть. Юноша остается один на один со своим горем и языком песни оплакивает погибшую, одновременно сетует на судьбу. В отличие от большинства традиционных лирических и даже лиро-эпических песен адыгов, «Песня Адиюх» имеет развернутый сюжет. Однако повествовательная канва прослаивается рефреном «Уэр си Адииху» – «О моя Адиюх», повторяющимся после каждого стиха нарративного текста. В сочетании с минорной мелодией песни это создает атмосферу трагической причастности к суровому миру, который остро нуждается в чутком, бережном отношении к личности со всеми тонкими движениями души. Лирический герой сетует на то, что даже тело любимой ему положить некуда: отнести к себе домой – она там чужая, в ее собственном доме она проклята родителями за послушание, уложить на землю – насекомые изъедят, положить на верхушку дерева – вороны исключают. Понятно, что это художественная условность, при посредстве которой изливается во всей глубине чувство огромной утраты, осознание того, что для героя разрушился прекрасный иллюзорный мир, в который он мечтал поместить свою любимую и самому быть с ней рядом.

Образный предметный мир четко делится на явления, полные романтического флера, но все же отдаленно пробуждающие тревогу (*черный конь, распахнутое окно, через которое выходит любимая, ночная дорога, черная бурка, горячее объятие*) и откровенно трагически значимые (*окровавленное тело, смерть в объятиях возлюбленного, бессильного что-либо сделать, звери, рыщущие по лесу, всеядные муравьи, черные вороны*). В тексте песни почти нет эпитетов и метафор, которые бы могли запасть в память. Вместо них мы видим обилие глаголов, которые тоже можно поделить на две группы. Первую составляют слова, обозначающие пылкую любовь: «с малых лет мы любили», «с малых лет я о тебе мечтал», «о тебе тосковал», «коня черного взнуздал», «к окну твоему подскакал», «ты на коня прыгнула», «мы в объятия бросились». Вторая и доминирующая группа – глаголы, имеющие в песенном контексте негативное содержание: фазан *вылетает*, конь *отлетает*, драгоценная ноша *падает, погибает, испускает дух* в объятиях. Всю несложную образную систему пронизывает фраза «Куда, куда же я тебя дену». Понятно, что речь не просто о мертвом теле, а о том, как жить с тем безысходным горем, охватившим лирического героя, если для него обрушились все мечты и надежды, о которых он мечтал с самого детства. Вот такую песню породил мотив конфликта между светлым человеческим чувством и жестокой реальностью бытия.

Особую группу образуют случаи заключения брака *без учета мнения самих молодых людей*, вовсе без их участия, а по уговору между родителями или близкими родственниками. Этот способ, как и другие, имеет несколько различных вариантов. Пожалуй, наиболее распространенный – это волевое

решение старших (отца, матери, старейшин рода и пр.) выдать свою дочь (племянницу, младшую сестру) за такого-то или женить сына (племянника, младшего брата) на такой-то. Молодые люди могли принимать душой или не принимать такое решение, но, как правило, были вынуждены повиноваться предписаниям старших. Думается, что это одна из древнейших форм заключения союза, когда брак двоих означает союз между кланами. Так, например, уже в архаическом эпосе запечатлено, как великанша-мать выдает свою дочь за нарта Канжа, нисколько не интересуясь ее волей, благо, та и не противится. Но уже в замужестве она проявляет свой дикий нрав во всей полноте [Нарты... 1974: 308-310]. Любопытный факт связывается с женитьбой нарта Шауея, сына того же самого Канжа и его жены-великанши: будущая невеста, переодетая в костюм мужчины-наездника, подвергает героя своеобразным испытаниям. Вначале она предлагает ему трудную задачу – содержать гостя на определенных условиях в течение длительного времени. После исполнения данного условия следует не менее суровое испытание – участие в опасном походе и бое с великанами [Нарты... 1974: 313-318]. Тот же мотив переодевания девушки в связке с последующей женитьбой представлен и в другом цикле архаического эпоса: в сказании «Чачана сын Чачаны» из цикла, посвященного нарту Бадиноко / Шабатыныко, герой в поисках пропавшего отца вступает в бой и расправляется с жестокими великанами, с которыми не могла справиться сама девушка (или же ее брат), а затем достаивается ее руки [Нартхэр... 2002: 209-229, 238-240, 241-278]. В вариантах сказания имя героя варьируется, а образ невесты оказывается раздвоенным: фигурируют брат и сестра, однако в контексте девушка именуется «девушка – прекрасная богатырша» [Нартхэр... 2002: 229], и это дает основание считать, что брат – персонаж вторичный, появившийся в результате раздвоения образа, по всей вероятности изначально единого.

Сюжет с переодеванием или даже перевоплощением используется и в сказке – «Прекрасная Елена и богатырь-женщина»: герой, отправившийся на поиски похищенной или сбежавшей от него жены, встречает в пути юношу, при активном содействии которого ему удается разыскать и возвратить законную супругу. Впоследствии помощник оказывается переодетой девушкой, которая впоследствии составляет герою по-настоящему достойную партию. Но чтобы ее разыскать, а затем и заслужить ее полное расположение, герою требуется пройти новую серию испытаний [Кабардинские... 1891: 51-77]. Надо заметить, что уже в архаическом нартском эпосе представлены примеры женитьбы по обоюдному согласию самих молодых людей. Так, нарт Хымыш, оказавшийся в гостях у своего новоявленного кунака из племени карликов-испов, знакомится с его дочерью, в молодых людях пробуждаются взаимные симпатии, и впоследствии они, по общему согласию, женятся [Нартхэр... 1970: 16-18, 20-22, 22-23].

К числу браков *по выбору родителей* относится оригинальный обычай делать *зарубку на колыбели*: если у одного из двух друзей или же целых семей, связанных крепкой дружбой, появляется на свет мальчик, а у другого – девочка, в знак желанья породниться между собой они, по обоюдному уговору, делали

одинаковые зарубки на колыбелях своих новорожденных. Таким образом, судьба детей оказывалась предначертанной родителями еще с колыбели. Этот обычай мало описан в этнографических трудах, нечасто он отмечен также в фольклорных материалах, но в реальной жизни он был нередок, и это нашло отражение даже в современной художественной литературе как явление, не исчезнувшее даже в XX в., когда многие традиционные институты предавались забвению как «пережитки темного прошлого». В частности, в повести Биберда Журтова «Неурочная весна» на этом базируется ключевой художественный конфликт [Журт 1997: 239-317].

Часто в сказках и сказаниях сватовство или поиски жены образуют сопутствующие сюжетные ходы, как, например, в упомянутом выше сказании о Чачане. То же видим и в сюжете из цикла, посвященного нарту Ашамезу: герой отправляется мстить за кровь убитого отца, по пути совершает ряд дерзких поступков, предвещающих главный подвиг, после многих перипетий расправляется с коварным врагом и вместе со всем его добром, которое он забирает в качестве трофея, привозит к себе домой и его жену-волшебницу [Кабардинские... 1891: 38-58].

В сказках нередко сватовство превращается в своего рода продолжение или же органическую часть *инициальных испытаний*. В подобных случаях образ героя представляется не только как идеал отважного наездника, хотя воинские доблести всегда стоят на первом месте. Наряду с этим в идеализированной форме внимание сказителя и аудитории концентрируется на таких качествах как ясность ума, сообразительность, знание тонкостей этикета, верность данному слову, готовность всеми силами защищать и оберегать и свой край, и свою семью, супругу, детей, собственное достоинство. Например, в основе сюжета сказки «Красавица Елена и богатырь-женщина» лежит история о том, как герой хоть и заполучил в жены прекрасную Елену, но быстро ее потерял [Фольклор адыгов... 1979: 365-390]. Тем самым он оказался в положении человека, который или должен примириться с потерей и, значит, утратить былой авторитет в обществе, или же любыми способами разыскать беглянку и этим отстоять свое истинное достоинство. Тем самым он подвергается уже не явно инициальным по сути или досвадебным, а послесвадебным испытаниям. В результате герой разыскивает беглянку, чем восстанавливает свой статус. Заодно он получает право на руку по-настоящему достойной невесты. Сказка представляет собой успешную контаминацию нескольких сюжетов, объединяемых фигурой главного героя. Первый из них – *поиски невесты*, женитьба, исчезновение и возвращение супруги. Начало его это не столько художественное повествование, сколько информативный рассказ о событии. Даются общие сведения о самом герое, сообщается (но не живописуется) о том, как долго он искал невесту, как нашел ее и женился. О свадьбе тоже просто рассказывается – что на нее собралось много народу, и что длилась она несколько дней. Подробных описаний хода самой свадьбы нет. Только эпизод традиционного отправления князя в годичный поход изложен с некоторыми подробностями. Когда же в повествование вплетается новый сюжет, прибытие лукавого соблазителя, появляются обстоятельно

описываемые эпизоды, диалоги, даже рассказ о душевном состоянии героев. Следующий сюжет – *поиски новой невесты*: в нем также резонно выделить такие компоненты как поиски, сватовство, испытания, женитьба. Наконец, еще один сюжет – это своеобразное *послесвадебное испытание* героя.

В другой сказке, записанной в XIX в., «Поиски жены», авантурный сюжет построен на том, что молодой княжеский сын твердо решил не возвращаться домой, пока он не найдет себе невесту с заданными признаками [Фольклор адыгов... 1979: 304-312]. Как нетрудно понять, это не что иное, как художественный прием завязывания интриги, и он имеет место только в системе условностей сказки как жанра словесного искусства.

Упомянутый выше популярный мотив поисков пропавшей жены примечателен в сказках появлением нового героя, помощника, играющего важную роль в дальнейшем повествовании. В эпизоде схватки за Елену герой Карабатыр и его спутник проявляют одинаковое мужество и решительность. Однако для героя, как оказывается, не так важно было вернуть не любимую супругу, как нечто иное – очиститься от позора, который был неизбежен, если бы он не справился с трудной задачей. Поэтому, когда жена уже возвращена, Карабатыр с легким сердцем соглашается на то, чтобы его спутник поделил ее, как добычу, на две равные части, то есть убил бы ее. Мотивирует он такое отношение тем, что после всего случившегося «...все равно мне с ней нет житья!» [Кабардинские... 1891: 61]. В качестве своеобразного вознаграждения за такую твердость духа незнакомый помощник сообщает, где и кого герой может разыскать как достойную его невесту. Однако если это и вознаграждение, то оно выполняет некую промежуточную функцию, предполагающую новую интригу во всем повествовании, но не означает окончательного закрытия темы.

Вторая часть как бы повторяет фрагмент первой, где вновь герой ищет невесту, но уже известную ему по имени. Это уже третье по счету испытание героя, но опять-таки не последнее, потому что разыскав свою суженую, он еще должен победить соперников в состязаниях по метанию или толканию камня, а, уже привезя невесту в свой дом, он оказывается перед необходимостью доказать собственное превосходство над новой женой. Только скрытое участие в кампании наездников под предводительством переодетой жены, в которой он неожиданно для себя узнает того самого помощника-богатыря, который вместе с ним отвоевывал Елену, и очевидное доказательство своего превосходства над ней приводят к окончательному итогу: побежденная в негласном соперничестве, женщина навсегда порывает с прежним образом жизни, перестает облачаться в мужскую одежду и заниматься ратными делами и отныне полностью посвящает себя сугубо женским обязанностям.

Совсем неслучайно В.Ф. Миллер отмечает в данной сказке параллели с гомеровским эпосом, а в образе богатыря-женщины – с мировым мотивом «благодарный мертвец» [Сравнительный... 1979: 144-146]; кроме того, ученый обращает внимание на мотив «деления добычи» – в иных версиях при замахе мечом над нею первая жена от испуга освобождается от вселившейся в нее нечистой силы и после этого становится верной своему супругу

[Кабардинские... 1891: 74; Сравнительный... 1979: 144]. А помощник, выполнивший свою функцию, исчезает, как это характерно для вариантов мотива о благодарном мертвеце.

Разумеется, изложенным не исчерпывается все многообразие форм отражения интересующего нас отрезка жизненного цикла в привлекаемых жанрах фольклора. Данная тема требует гораздо более широкого рассмотрения, что предстоит сделать в будущем. Однако и проанализированный материал позволяет сделать некоторые выводы.

Прежде всего, надо заметить, что между достоверными сведениями о формах брака и их отражением в фольклоре налицо как совпадения, так и расхождения. Так, в реальности, в героическом эпосе и сказке представлены случаи официального *сватовства, предсвадебных испытаний, умыкания*. Но сами формы объективации могут иногда сильно различаться. В нартском эпосе это приближается к архаическому мифу о культурном подвиге (*добывание блага*; только на месте блага в мифологических нарративах здесь – *невеста*), в сказке на первый план выходят задание, исходящее или от старших, или же вызываемое обстановкой, а также собственное желание, поиски приключений.

Как и можно было ожидать, в эпосе вообще побудительный мотив более реалистический, благодаря тому, что эпические герои и события не воспринимаются как чистый вымысел. Соответственно, сватовство здесь соединяется творческой контаминацией с мотивами добывания или упорядочения пространства путем устранения носителей хаоса или всеобщего зла. Эпический герой преодолевает такого же характера трудности, что и герой мифа, приносящий людям огонь, важное орудие труда, зерна культурного растения или же упорядочивающий космос, отвоевывающий пространство у фантастических существ, олицетворяющих неупорядоченную стихию природы, тучные пастбища, волшебный источник благополучия и пр. Отсюда и нередкая вторичность по значению самого акта женитьбы. Так, Чачана вызволяет своего отца и лишь «попутно» обретает невесту, однако привозит домой отца и невесту не вместе, а порознь. Ашамез мстит за своего отца и в качестве трофея привозит к себе жену убитого им противника. В сказке сватовство и женитьба чаще бывают центральными сюжетобразующими мотивами. Условность в повествовании здесь более очевидна и она обусловлена общей для сказок разных народов закономерностью, которая сформулирована в русском фольклоре фразой «сказка – ложь, да в ней намек», указывающей на свободу сознательного вымысла (это могут быть и явно авантюрные сюжетные ходы в описании поисков и средств достижения цели, и жестокость брачных испытаний, когда неудачник лишается головы, чего в реальности не могло быть). Наконец, в историко-героическом эпосе описываемые действия более всего приближены к реальности, а условность занимает в них явно подчиненное положение и служит однозначно воспринимаемым эстетическим целям.

Есть основания заключить, что фольклор как искусство имеет свою систему условностей, базирующуюся на реальной действительности, но не повторяющую ее с фотографической точностью. Причем в каждом жанре эта

система имеет такие особенности, которые коррелируют с его общими тенденциями.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Адыгэ... 1979 – *Адыгэ уэрэдыжхэр*. – Налшык: Эльбрус, 1979. – 224 н. (Адыгские народные песни. – Нальчик: Эльбрус, 1979. – 224 с.) (на кабард.-черк. яз.).

Бгажноков 2011 – *Бгажноков Б.Х.* Базовые принципы и основные условия заключения брака // Бгажноков Б.Х. Этнография адыгов. – Нальчик: Эльбрус, 2011. – С. 307-341.

Гарданов 1967 – *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов. – Москва: Наука, 1967. – 330 с.

Джандар 1991 – *Джандар М.А.* Песня в семейных обрядах адыгов. – Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1991. – 143 с.

Джимов 1986 – *Джимов Б.М.* Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в. – Майкоп: Краснодарское государственное книжное издательство, 1986. – 190 с.

Журт 1997 – *Журт, Биберд.* Гъатхэ пасэ // Журт Биберд. Тхыгъэхэр. – Налшык: Эльбрус, 1997. – 440 н. (Журтов, Биберд. Неурочная весна // Биберд Журтов. Избранные произведения. – Нальчик: Эльбрус, 1997. – 440 с.) (на кабард.-черк. яз.).

Къэбэрдей... 1948 – *Къэбэрдей уэрэдхэмрэ псалъэжхэмрэ*. – Налшык: Къэбэрдей къэрал тхыль тедзапIэ, 1948. – 197 н. (Кабардинские песни, пословицы и поговорки. – Нальчик: Кабардинское государственное книжное издательство, 1948. – 197 с.) (на кабард.-черк. яз.).

Мафедзев 2000 – *Мафедзев С.Х.* Адыги. Обычай. Традиции. – Нальчик: Эль-Фа, 2000. – 359 с.

Нарты... 1974 – *Нарты.* Адыгский героический эпос. – Москва: Наука, 1974. – 416 с.

Нартхэр... 1970 – *Нартхэр.* Адыгэ эпос. Т. IV. – Мыекьюапэ: Краснодар къэрал тхыль тедзапI, 1970. – 311 н. (Нарты. Адыгский эпос. Т. IV. – Майкоп: Краснодарское государственное книжное издательство, 1970. – 311 с.) (на диалектах адыгского языка).

Нартхэр... 2002 – *Нартхэр.* Адыгэ эпос. – Мыекьюапэ: ГУРИПП Адыгея, 2002. – 319 н. (Нарты. Адыгский эпос. – Майкоп: ГУРИПП Адыгея, 2002. – 319 с.) (на кабард. яз.).

Народные... 1986 – *Народные* песни и инструментальные наигрыши адыгов: в 3-х т. Т. 3: Героические величальные и плачевные песни / Под редакцией Е. В. Гиппиуса. – Москва: Советский композитор, 1986. – 264 с.

Покровский 1958 – *Покровский М.В.* Адыгейские племена в конце XVIII – первой половине XIX века // Кавказский этнографический сборник. – М.: Наука, 1958. – Вып. II. – С. 91-138.

Кабардинские... 1891 – *Кабардинские* предания, сказания и сказки, записанные порусски // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующаго гражданскою частию на Кавказе, 1891. – Вып. 12. – 618 с.

Сравнительный... 1979 – *Сравнительный* указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. – Ленинград: Наука, 1979. – 438 с.

Хан-Гирей 1978 – *Султан Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 335 с.

Фольклор адыгов... 1979 – *Фольклор адыгов* в записях и публикациях XIX – начала XX вв. – Нальчик: Эльбрус, 1979. – 404 с.

REFERENCES

Adyge ueredyzh'kher / Adygskie narodnye pesni [Adyge folk songs]. – Nalchik: El'brus, 1979. – 224 p. (In Kabardino-Circassian).

BGAZHNOKOV B.Kh. *Bazovye printsipy i osnovnye usloviya zaklyucheniya braka* [Basic principles and conditions of marriage]. IN: BGAZHNOKOV B.Kh. *Etnografiya adygov* [Adyghs ethnography]. – Nalchik: El'brus, 2011. – P. 307-341. (In Russian)

GARDANOV V.K. *Obshchestvennyi stroi adygsikh narodov* [The social structure of the Circassian people]. – Moscow: Nauka, 1967. – 330 p. (In Russian)

DZHANDAR M.A. *Pesnya v semeinykh obryadakh adygov* [Song in the family rites of Adyghs]. – Maikop: Adygeiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991. – 143 p. (In Russian)

DZHIMOV B.M. *Sotsial'no-ekonomicheskoe i politicheskoe polozhenie adygov v XIX v.* [Socio-economic and political situation of the Adyghs in the 18th century]. – Maikop: Krasnodarskoe gosudarstvennoe knizhnoe izdatel'stvo, 1986. – 190 p. (In Russian)

ZHURT, BIBERD. *G"atkhe pase* [Late spring]. IN: Zhurt Biberd. *Tkhyg"ekher* [Selected works] / Zhurtov, Biberd. *Neurochnaya vesna* [Late spring]. IN: Biberd Zhurtov. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. – Nalchik: El'brus, 1997. – 440 p. (In Kabardino-Circassian).

K"eberdei ueredkhemre psal"ezh'khemre / Kabardinskie pesni, poslovitsy i pogovorki [Kabardian songs, proverbs and sayings]. – Nalchik: Kabardinskoe gosudarstvennoe knizhnoe izdatel'stvo, 1948. – 197 p. (In Kabardino-Circassian).

MAFEDZEV S.Kh. *Adygi. Obychai. Traditsii* [Adyghs. Customs. Traditions]. – Nalchik: El'-Fa, 2000. – 359 p. (In Russian)

Narty. Adygskaa geroicheskii epos [Narts. Adyghs heroic epos]. – Moscow: Nauka, 1974. – 416 p. (In Russian)

Nartkher. Adyge epos. T. IV / Narty. Adygskaa epos. T. IV [Narts. Adyghs epos. Volume IV]. – Maikop: Krasnodarskoe gosudarstvennoe knizhnoe izdatel'stvo, 1970. – 311 p. (In Circassian).

Nartkher. Adyge epos / Narty. Adygskaa epos [Narts. Adyghs epos]. – Maikop: GURIPP Adygeya, 2002. – 319 p. (In Kabardian)

Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov: v 3-kh t. T. 3: Geroicheskie velichal'nye i plachevnye pesni / Pod redaktsiei E. V. Gippiusa [Folk songs and instrumental tunes of the Adyghs: in 3 vols. Vol. 3: Heroic glorifying and crying songs. Edited by E.V. Gippius]. – Moscow: Sovetskii kompozitor, 1986. – 264 p. (In Circassian and Russian)

POKROVSKII M.V. *Adygeiskie plemena v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka* [Adyghs tribes in late 18th the first half of 19th century]. IN: *Kavkazskii etnograficheskii sbornik* [Caucasian ethnographic collection]. – M.: Nauka, 1958. – Issue II. – P. 91-138. (In Russian)

Kabardinskie predaniya, skazaniya i skazki, zapisannye po-russki [Kabardian legends, tales and fairy tales recorded in Russian language]. IN: *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza* [Collection of materials for the description of the localities and the peoples of the Caucasus]. – Tiflis: Tipografiya kantselyarii glavnonachal'stvuyushchago grazhdanskoyu chastiyu na Kavkaze, 1891. – Issue 12. – 618 p. (In Russian)

Sravnitel'nyi ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavianskaya skazka [Comparative index of plots. East Slavic fairy tale]. – Leningrad: Nauka, 1979. – 438 p. (In Russian)

KHAN-GIREI, SULTAN. *Zapiski o Cherkesii* [Notes on Circassia]. – Nalchik: El'brus, 1978. – 335 p. (In Russian)

Fol'klor adygov v zapisyakh i publikatsiyakh XIX – nachala XX vv. [Folklore of Adyghs in records and publications of the 19th and early 20th centuries]. – Nalchik: El'brus, 1979. – 404 p. (In Russian)

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА

УДК 82.0 (470.621)

DOI 10.31143/2542-212X-2019-4-166-174

**О МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ ОДНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО
ОБРАЗА В ЛИРИКЕ АЛИМА КЕШОКОВА****З.Ж. КУДАЕВА**

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: zina_777@bk.ru*

Аннотация. В статье исследуется образ Млечного пути – Шыхульгагъуэ (каб.-черк.), как одной из значимых поэтических констант в лирике Алима Кешокова. Анализ образа Млечного пути в творчестве поэта и знаковой семантики этого образа в нартском сказании «Лъэщрэ Жыг-Гуащэмрэ» – «Тлепш и Богиня-Дерево» и космологической легенде о возникновении Шыхульгагъуэ – Млечного пути позволил выявить общность их основного смысла, опирающегося на древнейшие мифопоэтические представления адыгов. Образ Млечного пути – Шыхульгагъуэ в нартском сказании репрезентирует одну базовых элементов адыгской мифопоэтической картины мира – горизонтальную структурную координату космоса. В жанре мифологической легенды этот символ получает дополнительное смысловое значение – движения и пути. Образ Млечного пути в поэзии Алима Кешокова, сохраняя свою основную, имплицитно присутствующую мифологическую семантику – горизонтали, движения и пути, трансформируясь и преломляясь его поэтическим мышлением, приобретает, новые смысловые коннотации и предстает в качестве символического, нравственно-этического ориентира духовной вселенной поэта. Анализ знаковой семантики образов и символов стихотворений Алима Кешокова, позволил выявить мифопоэтическую составляющую художественного сознания поэта, в частности, имплицитно присутствующие в нем традиционные архетипические представления о пространственной структуре адыгского мифопоэтического космоса.

Ключевые слова: мифопоэтика; образ; символ; нартский эпос; легенда; поэзия; Алим Кешоков.

**ON THE MYTHIC-POETIC SEMANTICS OF ONE POETIC IMAGE IN
ALIM KESHOKOV'S LYRICS****Z.Zh. KUDAEVA**

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: zina_777@bk.ru*

Abstract. The article explores the image of the Milky Way – Shykhul'ague (Kabardino-Circassian), as one of the significant poetic constants in the lyrics of Alim Keshokov. The analysis of the image of the Milky Way in the poet's work and the iconic semantics of this image in the Nart legend "Lepshre Zhig-Guaschemre" – "Tlepsh and the Goddess-Tree" and the cosmological legend about the appearance of Shykhul'ague – the Milky Way made it possible to reveal the commonality of their main meaning, based on ancient myths Circassians. The image of the Milky Way – Shykhul'ague in the Nart legend tells one of the basic elements of the Adyghe mythopoetic picture of the world – the horizontal structural coordinate of the cosmos. In the genre of mythological legend, this symbol receives additional semantic meaning – movement and path. The image of the Milky Way in the poetry of Alim Keshokov, preserving its main, implicit mythological semantics – horizontals, movements and paths, transforming and refracting by its poetic thinking, acquires new semantic connotations and appears as a symbolic, moral and ethical landmark of the poet's spiritual universe. An analysis of the iconic semantics of the images and symbols of poems by Alim Keshokov revealed the mythopoetic component of the poet's artistic consciousness, in particular, the traditional archetypal representations of the spatial structure of the Adyghe mythopoetic space implicitly present in it.

Keywords: mythopoetics; image; symbol; Nart epic; legend; poetry; Alim Keshokov.

Творчество Алима Кешокова, несмотря на ставшие уже классическими труды М.Г. Сокурова [Сокуров 1969], В.Ц. Гоффеншефера [Гоффеншефер 1969], работы З.М. Налоева [Налоев 1970], А.И. Алиевой [Алиева 1975], С. Алиевой [Алиева 1985], В.В. Дементьева [Дементьев 1985], а также современные исследования Ю.М. Тхагазитова [Тхагазитов 1987], А. Абазова [Абазов 2004], А.М. Гутова [Гутов 2003], З.Х. Баковой [Бакова 2000], Х.Х. Хапсирокова [Хапсироков 2002] Л.Х. Хежевой [Хежева 2005], К.Н. Паранук [Паранук 2012] и др. – все еще остается недостаточно изученным явлением адыгской литературы. Значимость поэзии и прозы писателя состоит, как представляется, в подлинной народности, традиционности его творчества. Термин «народность» и скрывающееся за ним понятие, дискредитировано вульгарно-социологическим подходом, получившим широкое распространение в отечественном советском литературоведении и критике. Однако народность творчества, традиционный характер творческого сознания Алима Кешокова выходит далеко за рамки этого ставшего привычным штампа. Строка из его стихотворения «поэт, со своею посадкой в седле» – определяющий для Алима Кешокова критерий художественного творчества – это образ, применимый, прежде всего, к его собственной поэзии. Он определяет специфические особенности его поэтического облика, его личности, его стихов, воплотивших особенности национального характера, мировосприятие, нравственно-этические установки и философию народа. Но этот нравственно-этический кодекс адыга – воина и рыцаря, только один семантический пласт его поэзии. Под ним – более глубокий мир архетипических знаков и символов, свойственный адыгскому мифопоэтическому сознанию.

Исследование поэзии А. Кешокова в аспекте выявления органической, имплицитно присутствующей в ее мотивах, образах связи и соотнесенности с основными понятиями, символами и категориями традиционного адыгского сознания, с присущими ему мифопоэтическими по своей природе знаками,

образами и структурами позволит понять специфику его творчества, природу присущей ему народности и особенностей его художественной стилистики.

Одним из таких символических, знаковых образов в поэзии Алима Кешокова является образ Млечного пути – «Шыхульгагъуэ» (каб.-черк.) – «Путь табуна лошадей»:

В ночном просторе Путь протянут Млечный,
Мониста звезд мы видим наяву.
Широкий путь – блестящий, бесконечный,
Он опоясал неба синеву
(«Шум и гъуэгъу» – «Путь всадника»)¹

«Млечный путь» – «Шыхульгагъуэ», согласно сюжету адыгской космологической легенды возник тогда, когда во время гибели мира, бог, восхищенный совершенством кабардинских лошадей, решил спасти их и вознес на небо. Звезды Млечного пути – это следы от копыт на небесном пути, которые оставил пронесшийся по нему табун лошадей. По другой версии легенды, которую, по свидетельству Ольги Дерико, написал сам А. Кешоков, Млечный путь возник, когда несущийся во весь опор всадник внезапно останавливает своего коня перед пастью возникшего перед ним чудовища. Искры, вылетевшие из-под копыт коня, взлетают до неба и превращаются в звезды Млечного пути. *«Когда всадник из племени нартов-богатырей нес людям похищенный огонь – огромную головешку, конь остановился на всем скаку. Перед всадником зияла гигантская пасть удава. В ночной мгле всадник легко мог угодить в эту пасть, если бы не конь. От резкой остановки конь задними ногами вспахал небо, а от головешки посыпались искры. Они зажглись на небе широкой звездной полосой. Кабардинцы смотрят на небо, на Млечный Путь, и говорят – Путь Всадника»².*

Следует отметить, что космологические легенды, по своей сути, являются жанровой трансформацией древнейших мифов, которые на архаических этапах развития человеческого сознания служили объяснением тех или иных явлений окружающей действительности и воссоздавали собственную мифологическую картину или модель мира.

Наряду с образом «Млечного пути», как «Пути табуна лошадей» в легенде, существует еще один аспект его интерпретации в еще более архаичном жанровом воплощении – в эпическом сказании «Лъэпщрэ Жыг-Гуашэмрэ» – «Тлепш и Богиня-Дерево» [Адыгэ Гуэрыгуатэхэр... 1963: 72-74]. Согласно сюжету, божество кузни, повелитель железа и подземного огня, нартский кузнец Тлепш отправляется на поиски края земли. Истерев в поисках подошву скованных им железных башмаков и железный посох Тлепш встречает Богиню-Дерево – Жыг-гуашэ. Ветви Жыг-гуашэ – высоко в небесах и она знает все, что касается небес, корни ее глубоко в земле, и она знает все о подземном мире, а

¹ Кешоков Алим. Стихи (читает автор) // Старое Радио: сайт. URL: <http://www.staroradio.ru/audio/12971> (дата обращения: 19.10.2019)

² Дерико О. Алим Кешоков. Путь всадника // Информационный портал Фонда Черкесской культуры «Адыги» им. Ю.Х. Калмыкова: сайт. URL: <http://fond-adygi.ru/page/alim-keshokov-put-vsadnika> (дата обращения: 19.10.2019).

ее тело прекрасной женщины находится в срединном мире, и она знает все о том, что происходит на земле: *«И лъабжьэр кууэ щӀым хэту, и щхэцыр пиэм хуэдэу уэгум иту, и IutӀыр цӀыхуIэу, и нэкур дахэм я нэхъ дахэу, дыщэмрэ дыжъынымрэ къыхэщӀыкIауэ»* – «Ее корни – в глубинах земли, ее волосы, как облака в небе, обе руки человеческие, лицо – прекраснейшее из прекрасных, созданное из золота и серебра» [Адыгэ IуэрыIуатэхэр... 1963: 72-73]. От любви Тлепша и Богини Дерева рождается божественное «солнечное дитя» – «сабий дыгъэ». Когда Тлепш решает вернуться к нартам, Жыг-гуаша дарит «солнечное дитя» нартам, передавая вместе с ним высшие сакральные знания: *«Сэ щӀэныгъэрэ IэщIагъэу сиIэр абы хэслъхъащ. Къэхумэ зэрыхъу флъагъункъэ»* – «Все, что знаю и умею, я вложила в него. Вырастет – увидите» [Адыгэ IуэрыIуатэхэр... 1963: 74]. «Солнечный» ребенок, едва начав говорить, делится с нартами частью своих сакральных знаний, указывая Млечный путь в качестве земного ориентира: *«Псалъэу и бзэр къыщитӀыщым нартхэм къажыриIащ: Мо уафэм ит Шыхульагъуэр флъагъурэ? – Долъагъу. – АмIэ зекIуэ фыщыкIуэкIэ, фыкъыщыкIуэжкIэ ар фымыгъэгъуащэмэ, фэри фыгъуэщэнкъым»* – «Когда он [«солнечный ребенок»] начал говорить, первыми его словами были: «Вы видите на небе «Следы табуна коней»? [т.е. Млечный Путь – З.К.]. – Видим. – Когда вы будете уходить в набеги и возвращаться – не теряйте его из виду – и сами не потеряетесь» [Адыгэ IуэрыIуатэхэр... 1963:74].

Для современного человеческого сознания очевидна «сниженность» и видимая утилитарность этого «знания», несоответствие его с ожидаемым из уст божественного «солнечного» ребенка «откровением». Однако необходимо учитывать мифопоэтический контекст, в котором это «знание» реализуется и сакральную значимость самого архаического текста мифопоэтического сказания. Анализ, проведенный в предшествующих исследованиях, позволил выявить, что в образе Богини-Дерева – Жыг-гуащэ воплощается и репрезентируется антропоморфная и, одновременно, растительная модель адыгского мифопоэтического космоса, ее трехмерная вертикальная структура, соединяющаяся также с представлениями о Центре, как высшей сакральной точке мирового пространства [Кудаева 2012]. В контексте этого, космологического по своему характеру мифа, значимость «истины», открытой «Солнечным ребенком», состоит в утверждении горизонтальной оси координат в мифологической модели мира, начертанной на небе и воплощенной в образе звездного Млечного Пути.

Таким образом, мифопоэтической основой изреченной «солнечным» божественным ребенком «прагматической» истины является утверждение горизонтали – пространственной координаты, дополняющей вертикальную структуру космоса. Следует также отметить, что образ «Следов табуна коней» – (Млечного Пути), «прогнанного» по небу, как символ горизонтали космоса характерен для скотоводческой и, одновременно, воинской культуры, для которой лошади играли весьма значимую роль [Кудаева 2012].

К этому же ряду мифопоэтических, архетипических знаков относится и образ проросших в гранит корней чинары в «Баллада о дереве», которые как

корни Богини-дерева – Жыг-гуащэ, являются символом незыблемой, неистребимой силы, лежащей в основе мира.

Вещая о скорбном уделе
 Над бездной чинара стоит,
 Виднеются шрамы на теле,
 А корни уходят в гранит. («Баллада о дереве») [Кешоков 1982: 257].

Таким образом, в стихотворении Алима Кешокова «Шум и гъуэгу» – «Путь всадника», в образе «высеченного» копытами коня Млечного пути, сияющего «на вечном небосклоне» имплицитно присутствует эта древнейшая константа адыгской мифопоэтической модели мира – горизонталь космоса и пути – движения скачущего табуна лошадей. Дальнейшая трансформация мифологемы «Млечного пути» – пути скачущего по небу табуна лошадей – воплощается в желании поэта опустить мифопоэтическую «звездную горизонталь» на землю. В стихотворении А. Кешокова этот сквозной образ его поэзии, в основе которого лежит мифологическая символика, приобретает значение нравственной координаты, высокого предназначения человека, его пути, направленном на свершение великих дел:

Но лишь один сумел отважно высечь
 На вечном небосклоне Млечный путь! («Шум и гъуэгу» – «Путь всадника»)¹

И развивая далее эту идею духовного подвига, желание воплотить этот эту высокую миссию в своей повседневной, земной жизни, поэт пишет:

...О, если б мне чудесный конь достался,
 Не стал бы я на нем сидеть в седле.
 Вскочил бы на хребет его и мчался
 И Млечный путь провел бы по земле! («Шум и гъуэгу» – «Путь всадника»)²

Очевидна глубинная архетипическая основа образа «Пути всадника» – «Шум и гъуэгу» базирующегося на мифологической символике и функции образа «Млечного пути» – «Шыхульгагъуэ» в мифоэпическом сюжете нартского эпоса и космологической легенде.

Образ «Млечного пути» – как отмечалось, один из знаковых, повторяющихся символов в стихах А. Кешокова:

Сэ шыхульгагъуэр си бгъэрыщ1эу
 Гъуэгур ск1уну сигугъащ.
 Лъэрыгъэпсыр щызэпычим –

Си жагъуэгъухэм ягу зэгъащ. («Вагъуэ махуэ») [Кешоков 2004: 313]. «Я думал, что смогу пройти свой жизненный путь, грудью направленный к Млечному пути. Когда же лопнула подруга – мои враги были довольны» (З.К.).

Таким образом, в стихотворении («Вагъуэ махуэ») Млечный путь вновь предстает символическим нравственным ориентиром духовного космоса поэта.

¹ Кешоков Алим. Стихи (читает автор) // Старое Радио: сайт. URL: <http://www.staroradio.ru/audio/12971> (дата обращения: 19.10.2019)

² Там же.

Возвращаясь к приведенной выше легенде, необходимо отметить, что в ней мифопоэтическая символика Шыхульгагуэ, как одной из координат космоса, дополнена еще одной смысловой коннотацией – движения, пути:

Лишь путь его, сверкающий как чудо,
Незыблемый остался на века.
(«Шум и гъуэгу» – «Путь всадника»)¹.

Путь всадника, летящего на коне – один из знаковых образов поэзии А. Кешокова:

Конь мой летит, и гремучие камни
Сыплются с кручи, чтоб дна не найти...
Друг, пожелай, если хочешь, добра мне, –
Пусть бесконечно я буду в пути! [Кешоков 1982: 18].

Мифологема перенесенного с неба и прочерченного на земле пути, горизонтальной оси космоса и движения жизни реализуется в одном из программных философских, по своему характеру, стихотворений Алима Кешокова «Идет в бессмертье скорый поезд...»:

Вдоль окон снег лилов и порист,
Вдоль окон скалы и трава,
Идет в бессмертье скорый поезд,
Натянут путь, как тетива («В бессмертие...») [Кешоков 1982: 225].

Концепт движения и пути – универсальная категория, свойственная многим культурным традициям и одна из основополагающих категорий адыгского мифопоэтического сознания. Как и во многих культурных традициях, мифологема пути содержит различные смысловые коннотации: путь, как движение из «срединного мира» в «нижние миры», миры мертвых; путь, как освоение и упорядочение пространства хаоса; путь, как движение к назначенной цели и т.п. Путь по горизонтали в мифопоэтических системах – это движение, в котором «значимо и ценно то, что связано с предельным усилием, с ситуацией «или/или», в которой происходит становление человека как героя, как божества или богоподобного существа» [Топоров 1982: 352-353].

В стихотворении Алима Кешокова мифологема пути реализуется именно в последнем значении – как линия поведения, как метафора духовного движения и становления человека, проживающего жизнь в соответствии с нравственными законами, высокими целями и достигающего заслуженного бессмертия:

И контролер из самых строгих
Еще появится в пути.
Как безбилетников, он многих
Попросит с поезда сойти.
И установит, безупречный,
Вдали от суетности лет,
Кому до станции конечной

---

¹ Кешоков Алим. Стихи (читает автор) // Старое Радио: сайт. URL: <http://www.staroradio.ru/audio/12971> (дата обращения: 19.10.2019)

Был выдан правильно билет [Кешоков 1982: 225].

Движение поезда, таким образом, приобретает символическое значение, перемещая зримый, вполне реалистичный, будничныи образ в философское и нравственное измерение, в пространство мысли и духа.

В символике движения/пути в лирике Алима Кешокова присутствует также вектор вертикального движения, реализующийся в его ориентированности на звездное небо, на Млечный путь, высеченный копытами табуна коней на небесах. Вертикальный вектор движения, как упоминалось, сочетается со стремлением «опустить» и «прочертить» небесную горизонталь Млечного пути в духовной плоскости земной человеческой жизни. (Ср.: символизм пути и движения в поэзии К. Кулиева, в творчестве которого «...знаковая семантика движения ... с ее перманентным присутствием образа дороги/тропинки и гор, выявляет в качестве ее основного вектора направленность – вверх», отображая основную координату балкарско-карачаевской модели мира [Кудаева 2017: 153]).

Таким образом, традиционность и народность творчества поэта обусловлена преемственностью и органической связью мифопоэтической традиции и художественного сознания Алима Кешокова. В стихотворениях, в художественных образах, которыми оперирует его поэтическое мышление, имплицитно присутствуют и реализуются, претерпевая определенные трансформации, мифопоэтические категории, символы и знаки, свойственные традиционному адыгскому мифопоэтическому мировосприятию.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абазов 2004 – *Абазов А.Ч.* Лингвокультурная специфика драматургии А.П. Кешокова // Вестник ПГЛУ. – 2004. – № 4. – С. 122-124.

Адыгэ ИуэрыИуатэхэр... 1963 – Адыгэ ИуэрыИуатэхэр: в 2-х т. / Зэхэзыльхьар КъардэнгъуцI Зырамыкущ. – Налшык: Къэб.-Балък.тх.гедз., 1963. – Т. 1 – 339 с. 1969. – Т. 2. – 412 с.

Алиева 1975 – *Алиева А.И.* Народные истоки творчества А. Кешокова // Роль фольклора в развитии литератур народов СССР / Отв. ред. и авт. введ. У.Б. Далгат. – М.: Наука, 1975. – С. 214-232.

Алиева 1985 – *Алиева С.У.* Была война народная: военная проза А.П. Кешокова // Дон. – 1985. – № 4. – С. 101-108.

Бакова 2000 – *Бакова З.Х.* Алим Кешоков. – Нальчик: КБГУ, 2000. – 148 с.

Гоффеншефер 1969 – Гоффеншефер В. Путь всадника: очерк жизни и творчества А.П. Кешокова. – М.: Сов. Россия, 1969. – 48 с.

Гутов 2003 – *Гутов А.* Стиль. Образ. Характер // Гутов А. Слово и культура. – Нальчик: Эльбрус, 2003. – С. 65-80.

Дементьев 1985 – *Дементьев В.В.* Со временем в ладу. Очерк жизни и творчества Алима Кешокова. – Нальчик: Эльбрус, 1985. – 236 с.

Кешоков 1982 – *Кешоков А.П.* Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 4. Стихотворения и поэмы. – М.: Художественная литература, 1982. – 494 с.

Кешоков 2004 – *Кешоков А.П.* Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. – Нальчик: Эльбрус, 2004. – 512 с.

Кудаева 2006 – *Кудаева З.Ж.* Мифо-эпическая модель адыгской словесной культуры (на материале паремий). Дис. ... докт. филол. наук. – Нальчик, 2006. – 209 с.

Кудаева 2012 – *Кудаева З.Ж.* Символика Центра в мифопоэтических воззрениях адыгов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2012. – № 2. – С. 84-89.

Кудаева 2017 – *Кудаева З.Ж.* Символика пути/дороги в поэзии К. Кулиева в контексте мифопоэтического сознания // Художественный опыт Кайсына Кулиева в сохранении российской культурной идентичности. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения народного поэта Кабардино-Балкарии К.Ш. Кулиева (1917-1985 гг.). – Нальчик: Print Центр, 2017. – С. 151-155.

Налоев 1970 – *Налоев З.М.* Послевоенная кабардинская поэзия. – Нальчик, 1970. – 155 с.

Паранук 2012 – *Паранук К.Н.* Мифопоэтика и художественный образ мира в современном адыгском романе. – Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2012. – 352 с.

Сокуров 1969 – *Сокуров М.Г.* Лирика Алима Кешокова. – Нальчик: Эльбрус, 1969. – 224 с.

Топоров 1982 – *Топоров В.Н.* Путь // Мифы народов мира: в 2-х т. Т. 2. – М.: Сов. энциклопедия, 1982. – С. 352-353.

Тхагазитов 1994 – *Тхагазитов Ю.М.* Духовно-культурные основы кабардинской литературы. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – С. 186-203, 217-219.

Хапсироков 2002 – *Хапсироков Х.Х.* Восхождение. Творческий путь Алима Кешокова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 320 с.

Хежева 2009 – *Хежева Л.Х.* Национальные истоки и художественное своеобразие лирики Алима Кешокова (1930-1970 гг.). – Нальчик: Полигр. участок ИПЦ КБГУ, 2009. – 105 с.

REFERENCES

ABAZOV A.Ch. *Lingvokul'turnaya spetsifika dramaturgii A.P. Keshokova* [Linguistic and cultural specifics of A.P. Keshokov's dramaturgy]. IN: Vestnik PGLU. – 2004. – No 4. – P. 122-124. (In Russian)

Adyge Iueryluatekher: in 2 vols. / Zekhezyl"kh'ar K"ardeng"ushchi Zyramykushch [Adyghe folklore: in 2 vols. Compiled by Z. Kardangush]. – Nalshyk: K"eb.-Bal"k.tkh.tedz., 1963. – Vol. 1 – 339 p. 1969. – Vol. 2. – 412 p. (In Kabardian; In Russian)

ALIEVA A.I. *Narodnye istoki tvorchestva A. Keshokova* [Folk origins of A. Keshokov's creativity]. IN: *Rol' fol'klora v razvitii literatur narodov SSSR / Otv. red. i avt. vved. U.B. Dalgat* [The role of folklore in the development of the literatures of the peoples of the USSR. Ed. and auth. of introduction W.B. Dalgat]. – М.: Nauka, 1975. – P. 214-232. (In Russian)

ALIEVA S.U. *Byla voina narodnaya: voennaya proza A.P. Keshokova* [There was a people's war: the military prose of A.P. Keshokov]. IN: Don. – 1985. – No 4. – P. 101-108. (In Russian)

BAKOVA Z.Kh. Alim Keshokov. – Nalchik: KBGU, 2000. – 148 p. (In Russian)

DEMENT'EV V.V. *So vremenem v ladu. Ocherk zhizni i tvorchestva Alima Keshokova* [Over time, in harmony. Essay on the life and work of Alim Keshokov]. – Nalchik: El'brus, 1985. – 236 p. (In Russian)

GOFFENSHEFER V. *Put' vsadnika: ocherk zhizni i tvorchestva A.P. Keshokova* [The rider's path: an essay on the life and work of A.P. Keshokov]. – М.: Sov. Rossiya, 1969. – 48 p. (In Russian)

GUTOV A. *Stil'. Obraz. Kharakter* [Style. Form. Character]. IN: Gutov A. *Slovo i kul'tura* [Word and Culture]. – Nalchik: El'brus, 2003. – P. 65-80. (In Russian)

KESHOKOV A.P. *Sobranie sochinenii: in 4 vols. Vol. 4. Stikhotvoreniya i poemy* [Collected works: in 4 vols. Vol. 4. Poetry and poems]. – М.: Khudozhestvennaya literatura, 1982. – 494 p. (In Russian)

KESHOKOV A.P. *Sobranie sochinenii: in 6 vols. Vol. 1. Stikhotvoreniya i poemy* [Collected works: in 6 vols. Vol. 1. Poetry and poems]. – Nalchik: El'brus, 2004. – 512 p. (In Kabardian; In Russian)

KHAPSIROKOV Kh.Kh. *Voskhozhdenie. Tvorcheskii put' Alima Keshokova* [Climbing. The creative path of Alim Keshokov]. – M.: OLMA-PRESS, 2002. – 320 p. (In Russian)

KHEZHEVA L.Kh. *Natsional'nye istoki i khudozhestvennoe svoeobrazie liriki Alima Keshokova (1930-1970 gg.)* [National origins and artistic originality of the lyrics of Alim Keshokov (1930-1970)]. – Nalchik: Poligr. uchastok IPTs KBGU, 2009. – 105 p. (In Russian)

KUDAEVA Z.Zh. *Mifo-epicheskaya model' adygskoj slovesnoi kul'tury (na materiale paremii). Dis. ... dokt. filol. nauk* [Mytho-epic model of the Adyghe verbal culture (based on the material of paremias). The dissertation for the Doctor of philological sciences degree]. – Nalchik, 2006. – 209 p. (In Russian)

KUDAEVA Z.Zh. *Simvolika puti/dorogi v poezii K. Kulieva v kontekste mifoepicheskogo soznaniya* [Symbolism of the path / road in the poetry of K. Kuliev in the context of mythoepic consciousness]. IN: *Khudozhestvennyi opyt Kaisyna Kulieva v sokhranении rossiiskoi kul'turnoi identichnosti. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya narodnogo poeta Kabardino-Balkarii K.Sh. Kulieva (1917-1985 gg.)* [Kaisyn Kuliev's artistic experience in preserving Russian cultural identity. Materials of the All-Russian scientific conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the Kabardino-Balkaria's national poet K.Sh. Kuliev (1917-1985)]. – Nalchik: Print Tsent, 2017. – P. 151-155. (In Russian)

KUDAEVA Z.Zh. *Simvolika Tsentra v mifopoeticheskikh vozzreniyakh adygov* [Symbols of the Center in the mythopoetic views of the Circassians]. IN: *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*. – 2012. – No 2. – P. 84-89. (In Russian)

NALOEV Z.M. *Poslevoennaya kabardinskaya poeziya* [Post-War Kabardian Poetry]. – Nalchik, 1970. – 155 p. (In Russian)

PARANUK K.N. *Mifopoetika i khudozhestvennyi obraz mira v sovremennom adygskom romane* [Mythopoetics and the artistic image of the world in the modern Adyghe novel]. – Maikop: Adyg. resp. kn. izd-vo, 2012. – 352 p. (In Russian)

SOKUROV M.G. *Lirika Alima Keshokova* [Lyrics of Alim Keshokov]. – Nalchik: El'brus, 1969. – 224 p. (In Russian)

TKHAGAZITOV Yu.M. *Dukhovno-kul'turnye osnovy kabardinskoi literatury* [Spiritual and cultural foundations of Kabardian literature]. – Nalchik: El'brus, 1994. – P. 186-203, 217-219. (In Russian)

TOPOROV V.N. *Put'* [Way]. IN: *Mify narodov mira: in 2 vols. Vol. 2* [Myths of the peoples of the world]. – M.: Sov. entsiklopediya, 1982. – P. 352-353. (In Russian)

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 94 (470.6)

DOI 10.31143/2542-212X-2019-4-175-184

**ЕВРЕИ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ДАННЫМ ВСЕРОССИЙСКОЙ
ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1897 ГОДА****М.И. БАРАЗБИЕВ
Ю.И. МУРЗАХАНОВ**

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: muslim1971@yandex.ru, murzahanovyurii@mail.ru*

Аннотация. Социально-культурное исследование различных этносов невозможно без привлечения и анализа статистических источников, среди которых богатством и достоверностью данных выделяются материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. В России за отсутствием регулярных переписей основным источником статистической информации являлись земские обследования. Первая всеобщая перепись населения 1897 г. явилась важнейшим мероприятием для страны и охватила все ее регионы, все категории и социальные слои населения; перепись проводили подготовленные специалисты. Анализ и обобщение материалов переписи в целях установления количественных показателей этнического состава населения Российской империи и ее регионов представляет определенные трудности, поскольку она не содержит прямых указаний на этническую самоидентификацию опрашиваемых. Однако перекрестный анализ данных о распределении населения по родным языкам и вероисповеданию позволяет получить достаточно надежные данные о численности различных этнических групп. Этот метод является особенно эффективным для еврейского населения ввиду большего чем у других этнических групп совпадения его лингвистических и конфессиональных границ. В данной статье рассматриваются основные социально-демографические показатели еврейского населения Терской области.

Ключевые слова: перепись 1897 года; Терская область; евреи; численность населения; расселение; социально-демографическая структура.

**JEWS OF THE TEREK REGION ACCORDING TO THE ALL-RUSSIA
CENSUS OF POPULATION OF THE RUSSIAN EMPIRE OF 1897****M.I. BARAZBIEV
Yu.I. MURZAKHANOV**

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: muslim1971@yandex.ru, murzahanovyurii@mail.ru*

Abstract. A socio-cultural study of various ethnic groups is impossible without involving into analysis of statistical sources, among which the richness and reliability of the data highlight the materials of the First General Census of the Russian Empire in 1897. In Russia, for the lack of regular censuses, the main source of statistical information was Zemstvo surveys. The first general census of 1897 was the most important event for the country and covered all its regions, all categories and social strata of the population and the census was conducted by trained specialists. The analysis and synthesis of census materials in order to establish quantitative indicators of the ethnic composition of the population of the Russian Empire and its regions presents certain difficulties, since it does not contain direct indications of the ethnic self-identification of the respondents. However, a cross-analysis of data on the distribution of the population by mother tongue and religion allows obtaining fairly reliable data on the number of different ethnic groups. This method is especially effective for the Jewish population due to the greater coincidence of its linguistic and confessional borders than in the case of other ethnic groups. This article discusses the main socio-demographic indicators of the Jewish population of the Terek region based on the data of the All-Russia Census of the Population of the Russian Empire of 1897.

Keywords: census of 1897; Terek region; Jews Population; resettlement; socio-demographic structure.

Известно, что евреи не имели права свободно расселяться на территории Российской империи. Еще в 1804 г. увидело свет положение «О устройстве евреев», и в соответствии со ст. 34 данного документа евреям запрещалось проживание в ряде губерний, в том числе и Кавказской [Егоров 2012: 331]. Первым нормативным актом, определяющим правовое положение «кавказских» евреев, был закон от 30 июня 1825 г. «О запрещении евреям селиться в Астраханской губернии и Кавказской области» [Полный... 1874: 138-141].

Однако, несмотря на административные запреты, препятствующие нахождению евреев вне «черты оседлости», определенная часть евреев – ремесленников под различными предлогами оставались жить на Кавказе. В 1835 г. вновь было издано положение, воспрещающее евреям жительство на территории будущей Терской области, хотя здесь издревле проживало определенное число евреев – сефардов (караимы, грузинские и горские евреи). Терская область как административная единица империи была образована в 1860 г. по указу Александра II (положение об управлении областью было утверждено в 1862 г.). Лишь в конце 1860-х гг. было дано официальное разрешение ремесленникам, купцам и промышленникам «черты оседлости» и центральных регионов империи постоянного проживания на территории Северного Кавказа и права записываться в мещанство городов [Марков 2007b: 29].

Заселение евреями данной территории происходило на всем протяжении второй половины XIX в. Евреи-ашкеназы (т.е. европейские евреи), достаточно широко представленные среди врачей, купцов, ремесленников и маркитантов, обслуживавших войска, со времен Кавказской войны оседали на Северном Кавказе. Евреи из солдат оставались на Кавказе после службы в армии (вышедшим в отставку после 25 лет безупречной службы дозволялось проживать вне черты оседлости) [Марков 2007а: 57].

Социально-демографическая ситуация в Терской области в конце XIX в. была достаточно сложной, на территории области проживали десятки

народностей. Властям необходимо было найти эффективные и рациональные способы управления полиэтничной и поликонфессиональной областью, и решению этой задачи во многом способствовал сбор статистического материала, который должен был дать точные сведения о каждой сфере общественной жизни в области.

В дореволюционной России производились многочисленные местные переписи (земскими статистами и по инициативе частных лиц), в которых учитывалось и еврейское население [Гессен 2015: 49]. В 1872 г. был учрежден Терский статистический комитет, издавший за годы ряд сборников, среди которых: «Журналы заседаний Терского областного статистического комитета» (Владикавказ, 1891-1903), «Обзоры Терской области» (Владикавказ, 1890-1912). «Отчеты о состоянии и деятельности Терского областного статистического комитета» (Владикавказ, 1891-1903). «Статистические таблицы населенных мест Терской области» (Сост. Е.Д. Максимов. Владикавказ, т. 1-2, 1890-1891) и др. [Кузьминов, Тазиева 2008]

Одним из наиболее ценных изданий по истории, этнографии и археологии дореволюционного Кавказа являлся «Кавказский календарь», издававшийся в Тифлисе при Главном управлении наместника Кавказского с 1845-го по 1917 г. (всего было издано 72 тома), в котором публиковались интересные и глубокие исследования как местных, так и столичных авторов. Помимо этого, в «Кавказском календаре» (который пользовался огромной популярностью у читающей публики) печатались разнообразные сведения статистического характера, в которых учитывались динамика численности народностей Кавказского края, в который входили Дагестанская, Кубанская, Терская области, Черноморская и Ставропольская губернии [Аргун 2016].

Значительный статистический материал о населении Терской области сосредоточен в таких продолжающихся изданиях, как «Сборник статистических сведений о Кавказе» (Тифлис, 1869. Т. 1-2), «Сборник сведений о Кавказе» (Тифлис, 1871 – 1885. Т. 1-9), «Статистический временник Кавказского края» (Тифлис, 1881 – 1889. Вып. 1-7), «Сборник сведений о кавказских горцах» (Тифлис, 1868 – 1881. Вып. 1-10), «Служебно-статистический отчет начальника Терской области за ... 1879 – 1915 гг.» (Владикавказ, 1880 – 1916) и др., в которых отложились интересные фактические сведения по социально-демографическому положению еврейского населения области.

Разнообразные статические сведения о населении Терской области печатались и на страницах кавказской периодической печати – «Кавказ» (Тифлис), «Терские ведомости» (Владикавказ), «Казбек» (Владикавказ), «Новое время» (Тифлис), и др. [Дамения 1996: 8].

Основным по значимости статистическим документом является Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., представляющая прямой массовый статистический учет населения, проводимый с целью определения его численности, состава и размещения. В этом документе была отражена текущая информация и систематизированы основные сведения о евреях региона.

В январе 1902 г. было образовано Особое Совещание под председательством товарища министра внутренних дел сенатора П.Н. Дурново, на которое было возложено окончательное установление общего плана дальнейшей разработки Всеобщей переписи населения 1897 г.

Особое Совещание предложило сгруппировать собранные и обработанные статистические данные в виде 25 таблиц, которые были представлены на рассмотрение Государственному Совету, одобрены им и указаны к неуклонному исполнению. Помимо этого, Особое Совещание признало целесообразным публикацию результатов переписи по губерниям и областям. В 1905 г. Центральный Статистический комитет (под наблюдением редактора комитета Н.П. Швейкина) издал отдельный том, который включил в себя материалы первой переписи населения Терской области [9, I-III].

По состоянию на 28 января 1897 г. на территории Терской области проживало 933.936 чел. В административном отношении Терская область делилась на четыре округа – Владикавказский (134497 чел.), Грозненский (226035 чел.), Хасав-Юртовский (70800 чел.) и Нальчикский (102908 чел.), и на три отдела – Пятигорский (181481 чел.), Кизлярский (105395 чел.) и Сунженский (115370 чел.) [Первая... 1905: III].

По итогам переписи, к концу XIX в. 0,68% от общего населения Терской области составляли евреи, из которых 78,77 % проживали в городах [Первая... 1905: V]. С определенной долей уверенности можно предположить, что реальная численность их была больше. Из-за ограничительных законов (пресловутая «черта оседлости») не все евреи могли проживать в области на законных основаниях, и, в силу этого обстоятельства, не могли участвовать в переписи; помимо этого определенная часть евреев – ашкеназов, проживавших на вновь присоединенных северокавказских территориях, в качестве родного языка называли русский язык. И все таки среди евреев наблюдалась высокая степень совпадения языковой и конфессиональной самоидентификации. 97,2% тех, кто указал на свою принадлежность к иудейскому вероисповеданию назвали в качестве родного еврейский язык [Первая... 1905: VII].

Равным образом среди населения, для которого еврейский язык был родным, большинство считали себя иудеями 6111 чел. (3357 муж. и 2754 жен., из них грамотные: 1433 муж. и 354 жен.). Вместе с тем 26 чел. (18 муж. и 8 жен., из них грамотные: 8 муж.) назвали себя магометанами, 2 чел. причисляли себя к представителям англиканской церкви. Из общего числа лиц, указавших еврейский язык как родной в округах проживало 1206 иудеев (751 муж. и 555 жен., из них грамотные: 330 муж. и 6 жен.) [Первая... 1905: 64-65].

В ходе проведенного анализа Переписи удалось выявить, что различные группы евреев-иудеев указывали в качестве родного разные языки. Так, русский язык считали родным 318 чел., исповедующих иудаизм (190 муж. и 128 жен.). 25 чел. (21 муж. и 4 жен.) считали таковым немецкий, а 8 евреев попали в категорию «остальные индоевропейские», под которыми подразумевались греческий, армянский, осетинский и цыганский. Грузинский язык в качестве родного указали 2 иудея (грузинские евреи). 8 чел. (скорее всего, горских евреев) назвали родным языком персидский. [Первая... 1905: 67]

Евреи проживали на территории всех семи округов Терской области. В Пятигорском округе их числилось 480 чел. (в том числе, в г. Пятигорске – 329 чел., в г. Георгиевске – 81 чел., в г. Моздоке – 1 чел.), во Владикавказском округе – 1244 чел. (в том числе, во г. Владикавказе – 1214 чел.), в Грозненском округе – 1860 чел. (в том числе в г. Грозном – 1711 чел.), в Кизлярском округе – 112 чел. (в том числе в г. Кизляре – 65 чел.), в Нальчикском округе – 1102 чел. (в том числе в слободе Нальчик – 1040 чел.), в Хасав-Юртовском округе – 1747 чел. (в том числе – в слободе Хасав-Юрт – 762 чел.), в Сунженском округе – 37 чел. [Первая... 1905: 3].

Таким образом, общая численность еврейского населения области составляла 6582 чел., из которых в городах проживало 5205 чел., что свидетельствует о высокой плотности городского еврейского населения.

Определяемое по вероисповеданию иудейское население Терской области составляло 6576 чел. (3652 муж. и 2924 жен.), в том числе в городах проживало 5202 чел. (2865 муж. и 2337 жен.), в округах – 1374 чел. (787 муж. и 587 жен.). Во Владикавказе числилось 1212 иудеев (706 муж. и 536 жен.), во Владикавказском округе – 30 (27 муж. и 3 жен.); в Кизляре – 64 (33 муж. и 31 жен.) и в Кизлярском округе – 44 иудея (28 муж. и 16 жен.); в Пятигорске – 329 (204 муж. и 125 жен.), в Георгиевске – 81 (76 муж. и 5 жен.), в Моздоке – 3 (2 муж. и 1 жен.), в Моздокском округе – 67 (59 муж. и 8 жен.); в Сунженском округе – 37 (25 муж. и 12 жен.). Значительное число иудеев проживало в Грозном – 1711 чел. (903 муж. и 808 жен.), в то время как в Грозненском округе всего 149 чел. (126 муж. и 23 жен.). В слободе Нальчик число исповедующих иудаизм составило 1040 (526 муж. и 514 жен.), в Нальчикском округе – 62 чел. (41 муж. и 21 жен.). В Хасав-Юртовском округе численность слободского населения практически равнялось числу иудеев, проживавших в округе – соответственно 762 чел. (442 муж. и 320 жен.) и 985 чел. (481 муж. и 504 жен.) [Первая... 1905: 17].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что местами компактного проживания на территории Терской области лиц, идентифицирующих себя как представителей иудейского вероисповедания, являлись города (75,2%).

Важной частью социально-демографического положения этнической общины является возрастная характеристика. Косвенным показателем достаточно высокого уровня рождаемости у еврейского населения Терской области можно считать то обстоятельство, что детей в возрасте до 1 года насчитывалось 139 чел. (83 муж. и 56 жен.). Самая значительные возрастные группы среди еврейского населения области это дети от 1 года до 9 лет – 1468 чел. (748 мальчиков и 720 девочек) и лица от 20 до 29 лет – 1465 чел. (1188 муж. и 467 жен.). Далее следуют группы лиц от 10 до 19 лет – 1381 чел. (690 муж. и 691 жен.), от 30 до 39 лет – 654 чел. (322 муж. и 332 жен.) и от 40 до 49 лет – 512 чел. (230 и 282 соответственно).

Далее с возрастом численность евреев уменьшается. Возрастная группа от 50 до 59 лет составляла 407 чел. (202 муж. и 205 жен.), 60-69 лет – 237 чел. (61 и 49 соответственно), 70-79 лет – 101 чел. (48 муж. и 53 жен.), 80-89 лет – 28 чел. (8 муж. и 21 жен.). Лиц преклонного возраста среди еврейского населения

Терской области было крайне мало: от 90 до 99 лет – 10 чел. (2 муж. и 8 жен.), старше 100 лет – 2 чел. (1 муж. и 1 жен.).

Среди городского еврейского населения самыми значительными являлись возрастные группы от 1 года до 9 лет – 1199 чел. (612 мальчиков и 587 девочек), от 10 до 19 – 1148 чел. (566 юношей и 582 девушек) и от 20 до 29 лет – 791 чел. (398 мужчин и 393 женщины). По убывающей расположились следующие возрастные группы: от 30 до 39 лет – 505 чел. (239 и 266 чел. соответственно), от 40 до 49 лет – 389 чел. (178 и 211 чел. соответственно), от 50 до 59 лет – 78 чел. (37 и 41 чел. соответственно) и старшая группа свыше 60 лет – 85 чел. (42 и 43 чел.). Детей моложе года насчитывалось 107 чел. (61 мальчик и 46 девочек).

Весьма своеобразная ситуация сложилась в округах с точки зрения гендерной структуры еврейского населения. Анализируя данный демографический показатель, можно отметить, что практически во всех возрастных группах наблюдается гендерный баланс, за исключение возрастной группы от 20 до 29 лет – здесь мужчин заметно больше, чем женщин. В целом можно отметить дефицит женщин репродуктивного возраста. Это объясняется, в основном, двумя причинами: во-первых тем, что еврей-мужчины, поселявшиеся в городах и округах Северного Кавказа, вначале прибывали сами, и только спустя некоторое время к ним прибывали члены семей, и, во-вторых, тем обстоятельством, что отставные еврей-кантонисты и солдаты в подавляющем большинстве случаев не имели семей.

Так, в категории от 1 года до 9 лет (269 чел.) число мальчиков и девочек было одинаковым (136 и 133), практически такое же положение наблюдалось в следующей возрастной группе – от 10 до 19 лет (233 чел., из них – 124 муж. и 109 жен.), а самая активная возрастная группа – от 20 до 29 лет являла гендерный дисбаланс – на 290 мужчин приходилось только 114 женщин данного возраста.

Такая же ситуация наблюдалась и в группе тридцатилетних (95 мужчин и 24 женщины). Разница в количестве мужчин и женщин в группе от 30 до 39 лет (всего – 149 чел., муж. – 83, жен. – 66) и 40-49 лет (всего – 123 чел., муж. – 52, жен. – 71) была незначительной. Распределение мужчин и женщин среди иудеев в категориях, охватывающих возраст от 50 до 59 и свыше 60 выглядело следующим образом – 37 мужчин и 40 женщин (всего 77 чел.) в первой возрастной группе и 41 и 43 (всего 84 чел.) во второй. Детей моложе года насчитывалось 32 чел. (22 мальчика и 10 девочек).

В целом более 70% иудеев Терской области представляли собой работоспособное репродуктивное население [Первая... 1905: 228-229]. Определенное представление о его социальной структуре дают данные о сословиях. Принадлежность к тому или иному сословию юридически оформляла и закрепляла социальный статус человека.

Всего Переписью по сословному признаку были учтены 6328 евреев (3530 муж. и 2798 жен.), из их числа в округах проживало 1339 чел. (775 муж. и 564 жен.). Сословный состав еврейской общины Терской области был весьма разнообразен.

В целом по области, по данным Переписи (из общего количества лиц, признавших еврейский язык своим родным) дворяне личные, чиновники не из дворян и их семьи составляли 8 чел. (5 муж. и 3 жен.); лица духовного звания всех вероисповеданий и их семьи – 1 жен.; потомственные и личные почетные граждане и их семьи – 8 чел. (4 муж. и 4 жен.); купцы и их семьи – 132 чел. (63 муж. и 69 жен.); мещане – 4070 чел. (2353 муж. и 1717 жен.), из их числа в округах проживало 888 чел. (518 муж. и 370 жен.); крестьяне – 2079 чел. (1084 муж. и 995 жен.), из их числа в округах проживало 438 чел. (244 муж. и 194 жен.). 12 чел. (6 муж. и 6 жен.) были иностранными подданными, а данные о сословной принадлежности 18 чел. отсутствуют. Из приведенных данных видно, что процент крестьян среди евреев был невысок. Это объясняется тем, что в течение нескольких десятилетий в регион прибывали на жительство евреи разных категорий, главным образом лица, занимающиеся торговлей или ремеслом, записывавшиеся в мещанское податное сословие [Первая... 1905: 210-211].

Показатели грамотности и здоровья являются важными составляющими социально-демографической характеристики населения. По данным Переписи населения 1897 г., по области число евреев, умеющих читать и писать на русском языке, составляло 1082 чел. (799 муж. и 283 жен.) – 17,3% от общей численности еврейского населения; владеющих другими языками было 655 чел. (619 муж. и 36 жен.). Наибольшее число евреев, знающих русский язык, приходится на возрастные группы 10-19 лет – 319 чел. (181 муж. и 138 жен.) и 20-29 лет – 456 чел. (377 муж. и 79 жен.). Число лиц, получивших образование выше начального составляло 88 (46 муж. и 42 жен.) [Первая... 1905: 82-85].

О состоянии здоровья населения можно получить приблизительное представление при помощи таких показателей, как число слепых, глухонемых, немых и умалишенных. В результате оказалось, что в целом по области было 29 евреев с физическими недостатками (23 муж. и 6 жен.), т.е. всего 0,5 % от их общей численности.

Разнообразны были и занятия евреев Терской области. В сельском хозяйстве было занято 11,28% еврейского населения (в том числе 0,13% – в животноводстве), в обработочном и горном промысле – 24,05%. Административные и свободные профессии указали в качестве источника доходов 2,84% еврейского населения; 10,70% опрошенных были служилыми людьми; 5,20% были заняты ремеслом, а также работали в качестве прислуги и поденщиков; изготовлением одежды занимался 121 портной; 3,73% жили на доходы и средства казны; 1,19 % указали прочие и неопределенные занятия. Самым распространенным занятием среди евреев области была торговля – доля торговцев составляла 37,71% еврейского населения Терской области [Первая... 1905: XV].

Одна из наиболее крупных еврейских общин на территории области проживала в слободе Нальчик. Здесь было зарегистрировано 9 евреев, занятых в делах администрации, суда и полиции; 2 человека служили в войсках; 36 занимались врачебной практикой и 7 – учительской; 7 – поденной работой; 2 – производством одежды; 11 – кожевенным производством; 13 – ювелирным

делом; 18 человек торговали зерном, 88 – мелочным товаром; 102 – торговали тканями и предметами одежды; 2 человека торговали живым скотом, 48 – кожами и мехами; 57 человека занимались «просто торговлей без точного определения». Большинство нальчикских евреев было занято земледелием – 620 чел., 6 человек жили на средства от казны, общественных учреждений и частных лиц, 6 – на доход с капитала недвижимого имущества.

Местная администрация проводила в отношении иудеев Терской области ту же политику, которая применялась к еврейскому населению Российской империи в целом и предполагала неукоснительное проведение в жизнь значительных ограничительных мер. Определенная либерализация законодательства в отношении евреев имела место в 1880-е гг. по воцарении Александра III. Она позволяла евреям выбирать род занятости и место жительства, привела к увеличению числа евреев, занятых в экономике, науке, образовании, что привело, соответственно, к росту конкуренции в этих сферах и вызвало активное неприятие народов, среди которых проживали евреи. Уже в начале 1890-х гг. правительство начинает проводить политику «ограждения» коренного (т.е. православного) населения от «вредного» влияния евреев, не ограничиваясь законодательными, но и организовав несколько судебных процессов, связанных с кровавыми наветами, в которых рациональная доказательная база была ничтожна, но общественный резонанс весьма значителен.

Материалы переписи наглядно показывают последствия проводимой властями дискриминационной политики в отношении еврейского населения империи: так, невысок процент евреев, умеющих читать и писать на русском языке (как следствие того, что для евреев, желавших поступить в государственные учебные заведения, существовала так называемая «процентная норма»); наиболее распространенным занятием иудейского населения являлась мелкая торговля (в силу известного ограничительного закона от 18 июня 1892 г. «О водворении и временном пребывании евреев в областях Кубанской и Терской» над евреями висела постоянная угроза быть выселенными, поэтому лишь немногие из них могли заниматься земледелием и скотоводством) и т.д.

Часть евреев области (в большей степени это касается ашкеназов) старались в той или иной степени ослабить или разорвать связи с общиной, пытаясь доказать властям свою лояльность, не выполняя или не соблюдая в должной мере основы еврейского права (такие как употребление кошерной пищи, запрет на работу в шабат, участие в богослужениях в синагогах и т.д.), хотя в переписных листах они указывали себя иудеями.

Подводя итоги, можно отметить, что Первая всеобщая перепись населения Российской империи является ценным источником, содержащим интересный фактологический материал и позволяющим получить широкую объективную картину основных социально-демографических показателей, характеризующих еврейское население Терской области.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аргун 2016 – *Аргун М.К.* «Кавказский календарь» как источник по истории Абхазии // Кавказ на исторических переломах XIX-XX столетий: проблемы политической, социальной и интеллектуальной истории. – Сухум: АБИГИ, 2016. – С. 118-122.

Гессен 2015 – *Гессен В.Ю.* К истории статистических исследований еврейского населения России // Петербургский исторический журнал. – 2015. – № 1. – С. 31-50.

Дамения 1996 – *Дамения И.Х.* Историография истории народов Кавказа. XIX – начало XX вв. – СПб.: [б.и.], 1996. – 72 с.

Егоров 2012 – *Егоров Н.Н.* Положение «О устройстве евреев» от 9 декабря 1804 г. как источник законодательства, регулировавшего правовой статус еврейского населения Российской империи в начале XIX в. // Вестник Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 4 (1). – С. 330-334.

Кузьминов, Тазиева 2008 – *Кузьминов П.А., Тазиева М.Р.* Создание и деятельность Терского областного статистического комитета // Архивы и общество. – 2008. – № 4. – С.132-139.

Марков 2007а – *Марков В.Н.* Евреи Кубанской области по данным Всероссийской переписи населения 1897 г. // История науки и техники. – 2007. – № 2. – С. 57-61.

Марков 2007б – *Марков В.Н.* Евреи Кубанской области (вторая половина XIX – начало XX веков). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – Майкоп. 2007. – 31 с.

Первая... 1905 – *Первая* Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. LXVIII. Терская область. – СПб.: Изд. Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905. – XVI, 236 с.

Полный... 1874 – *Полный* хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев, от Уложения царя Алексея Михайловича до настоящего времени, от 1619-1873 г. / Составил и издал В.О. Леванда. – СПб.: Тип. К.В.Трубникова. 1874. – 1184 с.

REFERENCES

ARGUN M.K. «*Kavkazskii kalendar'*» kak istochnik po istorii Abkhazii ["Caucasian calendar" as a source on the history of Abkhazia]. IN: *Kavkaz na istoricheskikh perelomakh XIX-XX stoletii: problemy politicheskoi, sotsial'noi i intellektual'noi istorii* [The Caucasus at the historical turning points of the 19th-20th centuries: problems of political, social and intellectual history]. – Sukhum: AbIGI, 2016. – P. 118-122. (In Russian)

GESSEN V.Yu. *K istorii statisticheskikh issledovaniy evreiskogo naseleniya Rossii* [On the history of statistical studies of the Jewish population of Russia]. IN: *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. – 2015. – No 1. – P. 31-50. (In Russian)

DAMENIYA I.Kh. *Istoriografiya istorii narodov Kavkaza. XIX – nachalo XX vv.* [Historiography of the history of the peoples of the Caucasus. XIX – beginning of XX centuries]. – SPb.: [w.p.], 1996. – 72 p. (In Russian)

EGOROV N.N. *Polozhenie «O ustroistve evreev» ot 9 dekabrya 1804 g. kak istochnik zakonodatel'stva, regulirovavshego pravovoi status evreiskogo naseleniya Rossiiskoi imperii v nachale XX v.* [Regulation “About the arrangement of the Jews” of December 9, 1804 as a source of legislation regulating of the legal status of the Jewish population of the Russian Empire at the beginning of the 19th century]. IN: *Vestnik Nizhegorodskogo gosuniversiteta im. N.I. Lobachevskogo*. – 2012. – No 4 (1). – P. 330-334. (In Russian)

KUZ'MINOV P.A., TAZIEVA M.R. *Sozdanie i deyatel'nost' Terskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta* [Creation and activities of the Terek Regional Statistical Committee]. IN: *Arkhivy i obshchestvo*. – 2008. – No 4. – P.132-139. (In Russian)

MARKOV V.N. *Evrei Kubanskoi oblasti po dannym Vserossiiskoi perepisi naseleniya 1897 g.* [Jews of the Kuban region according to the All-Russian Census of 1897]. IN: *Istoriya nauki i tekhniki*. – 2007. – No 2. – P. 57-61. (In Russian)

MARKOV V.N. *Evrei Kubanskoj oblasti (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vekov). Avtoreferat diss. ... kand. ist. nauk* [Jews of the Kuban region (second half of the 19th – beginning of the 20th centuries). Abstract of the thesis for a Candidate of historical sciences degree]. – Maikop. 2007. – 31 p. (In Russian)

Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g. LXVIII. Terskaya oblast' [First General Census of the Russian Empire in 1897. LXVIII. Terek region]. – SPb.: Izd. Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del, 1905. – XVI, 236 p. (In Russian)

Polnyi khronologicheskii sbornik zakonov i polozhenii, kasayushchikhsya evreev, ot Ulozheniya tsarya Alekseya Mikhailovicha do nastoyashchego vremeni, ot 1619-1873 g. / Sostavil i izdal V.O. Levanda [A complete chronological collection of laws and regulations relating to Jews, from the Code of the Tsar Alexei Mikhailovich to the present, 1619-1873. Compiled and published by V.O. Levanda]. – SPb.: Tip. K.V.Trubnikova. 1874. – 1184 p. (In Russian)

Наши авторы

Абазов Алексей Хасанович – д-р истор. наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: alex_abazov@list.ru

Атласкиров Альберт Русланович – канд. социолог. наук, старший научный сотрудник Центра социально-политических исследований ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: Atlaskirov.albert@yandex.ru

Баразбиев Муслим Исмаилович – канд. истор. наук, заведующий кафедрой организации работы с молодежью Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова

E-mail: muslim1971@yandex.ru

Гутова Ляна Адамовна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: adam.gut@mail.ru

Журтова Анжела Ариковна – канд. истор. наук, доцент кафедры этнологии, истории народов КБР и журналистики Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова

E-mail: anzhelka28@mail.ru

Кожев Заурбек Анзорович – канд. истор. наук, заведующий сектором средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: zaurbek_k@mail.ru

Кудаева Зинаида Жантемировна – д-р филолог. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова

E-mail: zina_777@bk.ru

Машуков Хызыр Вячеславович – начальник отдела грантов УНИИД, старший преподаватель кафедры организации работы с молодежью Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова

E-mail: khiz.87@mail.ru

Мурзаханов Юрий Исаевич – канд. истор. наук, доцент, заместитель директора Малой школьной академии КБГУ

E-mail: murzahanovyurii@mail.ru

Озова Фатима Анатольевна – д-р истор. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР

E-mail: fo7799@rambler.ru

Соблирова Зарета Хасанбиевна – канд. истор. наук, доцент кафедры этнологии, истории народов КБР и журналистики Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова

E-mail: zareta.soblirova@inbox.ru

Татаров Азамат Амурович – канд. истор. наук, доцент кафедры всеобщей истории Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова

E-mail: traveller9090@mail.ru

Тумов Аскер Асланбекович – инженер отдела грантов УНИИД Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова

E-mail: tumovasker@gmail.com

Тхамокова Ирина Хасановна – канд. истор. наук, старший научный сотрудник сектора этнологии и этнографии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: omarakana@mail.ru

Хоконов Анзор Альбертович – канд. полит. наук, доцент департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

E-mail: dr_enzo@mail.ru

Хоконов Мурат Анатольевич – канд. филос. наук, доцент кафедры этнологии, истории народов КБР и журналистики Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова

E-mail: mhokonov@gmail.com

Хотко Самир Хамидович – д-р истор. наук, главный научный сотрудник отдела этнологии и народного искусства Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева

E-mail: inalast@mail.ru

Шогенов Мурат Замирович – канд. психолог. наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова

E-mail: shogen@inbox.ru

Электронный журнал

Кавказология

Caucasology

№ 4 / 2019

DOI: 10.31143/2542-212X-2019-4